Престон Дуглас, Чайлд Линкольн

Стихи для мертвецов

Douglas Preston

Lincoln Child

Verses for the Dead

* * *

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей дочери Виктории

Дуглас Престон посвящает эту книгу Гусси и Джо Станислау

1

Изабелла Герреро, известная своим друзьям и одноклубникам по игре в бридж как Айрис, осторожно прокладывала себе путь через поросшее пальмами кладбище Бейсайд. Над ее головой раскинулось бескрайнее небо цвета бледной лазури. Часы показывали половину восьмого, температура воздуха поднялась до двадцати пяти градусов, и роса, которая все еще держалась на широколистной августиновой траве, насквозь пропитала кожаные сандалии Айрис. В пухлой руке женщина держала сумку от «Фенди», а в другой сжимала поводок, слабо натянутый ее пекинесом Твинклом. Айрис опасливо пробиралась между надгробиями и клумбами: всего три недели назад Грейс Манизетти, нагруженная продуктами, потеряла равновесие, возвращаясь из местного супермаркета «Пабликс», и сломала тазовую кость.

Кладбище открылось полчаса назад, и, кроме Айрис, здесь почти никого не было. Ей это нравилось, ведь Майами-Бич с каждым годом становился все более многолюдным. Даже здесь, в Бал-Харбор, на северной оконечности острова, движение на дорогах было более оживленным, чем в перенаселенном Нью-Йорке времен ее детства, проведенного на бульваре Куинс. А когда несколько лет назад построили этот жуткий молл на Девяносто шестой улице, стало еще хуже. Помимо прочего, с юга начали проникать нежелательные элементы с их магазинами шаговой доступности и casa здесь, tienda[1] там. Слава богу, Фрэнсису хватило ума купить кондоминиум на Гранд-Палмс-Атлантик, прямо на берегу Сёрфсайда и в безопасном от посягательств месте.

«Фрэнсис…» Айрис уже видела впереди его могилу, надгробие, слегка выбеленное флоридским солнцем, на чистом и аккуратном участке – она позаботилась об этом. Твинкл, знающий, что место их назначения уже неподалеку, прекратил дергать поводок.

Ей было за что благодарить Фрэнсиса. За три года, прошедшие с того дня, как он покинул ее, она лишь острее стала понимать, насколько благодарна ему. Именно Фрэнсису хватило ума перевести мясницкий бизнес его отца из Нью-Йорка на побережье Флориды в те времена, когда земля в этой части Коллинз-авеню все еще была невостребованная и недорогая. Именно Фрэнсис аккуратно выстраивал бизнес в течение многих лет, учил Айрис пользоваться весами и кассовым аппаратом, учил определять названия и качества различных сортов вырезки. Именно Фрэнсису хватило чутья продать бизнес в правильное время – в 2007 году, после чего цена на собственность пошла вниз. Огромная прибыль, полученная ими, не только позволила купить кондоминиум на Гранд-Палмс (по минимально возможной цене год спустя), но и обеспечила им безбедную жизнь на протяжении долгих лет. Кто же мог знать, что Фрэнсис так скоро умрет от рака поджелудочной железы?

Айрис подошла к могиле и остановилась на минуту, чтобы оглядеть кладбище и насладиться окружающим видом. Несмотря на толпы народа и интенсивное уличное движение, зрелище все еще оставалось умиротворяющим: шоссе Кейн-Конкорс дыбилось мостом над Харбор-Айленд в направлении материка, белые треугольники парусов тут и там пятнали залив Бискейн. И повсюду царили теплые пастельные тона. Кладбище являло собой оазис спокойствия, в особенности ранним утром, когда даже в марте – в пик туристического сезона – Айрис была уверена, что сможет провести в раздумьях некоторое время у могилы покойного мужа.

Маленькая ваза с искусственными цветами, поставленная у надгробия, немного покосилась, наверняка после бушевавшего здесь позавчера тропического шторма. Хотя у Айрис ныли колени, она опустилась на них возле могилы, поправила вазу, вытащила из сумочки носовой платок, отерла цветы и начала приводить их в порядок. Она почувствовала, как Твинкл снова натягивает поводок, еще сильнее, чем прежде.

– Твинкл! – проворчала она. – Нельзя!

Фрэнсис ненавидел кличку Твинкл – сокращение от Твинкл Туз[2] – и всегда называл собачонку Тайлером, по названию улицы, на которой вырос. Но Айрис предпочитала Твинкл, и теперь, когда Фрэнсис ушел, ей почему-то казалось, что он бы не стал возражать.

Она вдавила вазу в землю, закрепляя ее, пригладила траву вокруг и откинулась назад, чтобы восхититься своей работой. Краем глаза она заметила какое-то движение, – наверное, это смотритель, а может, другой скорбящий пришел поплакать над могилой родственника. Время уже приближалось к восьми, и, в конце концов, кладбище Бейсайд было единственным на острове; вряд ли Айрис могла рассчитывать, что оно будет принадлежать ей одной. Она прочтет молитву, ту самую, которую они с Фрэнсисом всегда читали вместе, прежде чем отойти ко сну, а потом отправится назад на Гранд-Палмс. В десять состоится заседание совета кондоминиума, и у нее найдется несколько слов о состоянии зеленых насаждений около въездной дорожки.

Твинкл продолжал настойчиво дергать поводок, а теперь еще и затявкал. Айрис снова прикрикнула на пекинеса. Это было на него не похоже, обычно он вел себя хорошо. Правда, случалось, что котяра породы русская голубая из квартиры 7B выводил его из себя. Пока Айрис поднималась на ноги, повторяя про себя слова молитвы, Твинкл улучил момент, сорвал поводок с запястья хозяйки и понесся по мокрой траве, волоча за собой поводок и заливаясь лаем.

– Твинкл! – громко позвала его Айрис. – Немедленно вернись!

Собачонка резко остановилась у надгробия в соседнем ряду. Даже на расстоянии Айрис видела, что камень там старше, чем на могиле Фрэнсиса, но ненамного. У основания были разбросаны свежие цветы и валялась какая-то записка. Но не это привлекло внимание Айрис: цветы и записки, а также самые разные памятные вещицы лежали чуть ли не на половине могил в Бейсайде. Нет, ее озадачило поведение Твинкла. Он явно нашел что-то у основания надгробия и поднял из-за этого шум. Айрис не могла разглядеть, что он там обнаружил, но песик присел над своей находкой, принюхивался, лизал ее.

– Твинкл!

Это было совершенно неприемлемо. Меньше всего Айрис хотела устраивать сцену в месте упокоения. Что он там нашел – старую собачью игрушку? Кусочек конфеты, выпавшей из руки проходившего здесь ребенка?

Ладно, молитве придется подождать, а сейчас надо побыстрее схватить поводок.

Спрятав носовой платок в сумку, Айрис направилась к Твинклу. Но не успела она приблизиться, бранясь и фуфукая, как собачка схватила зубами свою находку и понеслась прочь. Айрис, смущенная и негодующая, увидела, что ее пекинес исчез в рощице капустных пальм.

Она раздраженно вздохнула. Фрэнсис не одобрил бы этого, он всегда считал, что собаки должны быть послушными. «Глупый маленький барбос» – так бы он сказал. Ну хорошо, сегодня она поучит Твинкла уму-разуму: никакого сладкого печенья вдобавок к его обычному корму.

Бормоча себе под нос недовольные слова, Айрис пошла в ту сторону, где исчез пекинес, и остановилась возле деревьев. Огляделась вокруг, но Твинкла нигде не было видно. Она открыла было рот, чтобы позвать его, но передумала – все-таки это кладбище. Беготня за собакой, сорвавшейся с поводка, здесь выглядит неприлично. Кроме того, движение, которое она заметила ранее, теперь обрело материальные очертания. У могилы слева от нее стояли полукругом трое: две девочки и мужчина средних лет. Устраивать при них сцену – нет уж, увольте.

И в этот момент Айрис увидела скачущий пушистый комок – это был Твинкл. Он находился ярдах в двадцати от нее, там, где территория кладбища спускалась к воде, и неистово раскапывал клумбу амариллисов. Земля разлеталась во все стороны.

Это было хуже некуда. Прижимая к себе сумку, Айрис со всех ног поспешила к собаке. Пса настолько поглотили раскопки, что он даже не заметил хозяйку. Она подошла сзади, схватила поводок и дернула. Твинкл, удивленный, сделал полупрыжок через голову, но, хотя она и потащила его прочь, отказался разжать зубы и выпустить свою находку.

– Плохая собака! – громко, насколько могла себе позволить, выговаривала ему Айрис. – Плохая собака!

Она попыталась вытащить находку из его зубов, однако пес отвернул голову. Штука эта была размером с детский мячик, но настолько плотно покрыта землей и собачьей слюной, что Айрис не могла определить, с чем же играет Твинкл.

– Брось, ты меня слышишь?

Твинкл зарычал, когда Айрис снова протянула руку к его пасти, но на сей раз она сумела ухватить его добычу за край. Она знала, что пес ее не укусит, нужно просто вытащить эту штуку из его пасти. Но собачья находка оказалась отвратительно скользкой, и он цепко сжимал ее челюстями. Началось противостояние: Айрис тащила собаку к себе, Твинкл сопротивлялся, упирался лапами в траву. Она кинула взгляд через плечо, однако группа у другой могилы ничего не замечала.

Отвратительное состязание в силе продолжалось почти тридцать секунд, но в конечном счете находка оказалась слишком велика для маленьких челюстей собаки, и Айрис удалось вырвать ее из собачьей пасти. Она

выпрямилась, убедившись сначала, что ремешок сумки и поводок надежно намотаны на запястье, и тут поняла, что собачья находка представляет собой кусок мяса. Пока она пыталась отнять его у собаки, изнутри выдавился красноватый сок, оставивший след на ее руке и испачкавший морду Твинкла. Она сразу же увидела, какой это необычный кусок мяса – плотный, кожистый. Почувствовав отвращение, она уже хотела бросить его, но ведь Твинкл сразу же схватил бы его снова.

Пес тявкал и подпрыгивал, требуя вернуть ему добычу. Айрис вытащила из сумочки носовой платок и начала оттирать находку пса. Как кусок мяса мог оказаться на могиле?

Она очистила одну сторону и увидела короткую алую трубку, похожую на шланг радиатора. Женщина застыла от ужаса. Она достаточно долго пробыла замужем за мясником, чтобы определить совершенно точно, что за предмет она держит в руках. Это был какой-то сон, кошмарный сон, такое просто невозможно.

Ощущение нереальности длилось доли секунды. Завизжав от ужаса, Айрис уронила находку, словно та обожгла ее. Пес мгновенно ухватил ее своими челюстями, перепачканными кровью, и снова вырвался на свободу с видом победителя, волоча за собой поводок. Но Айрис даже не заметила этого. У нее в ушах раздался странный рев, и внезапно ее захлестнуло горячей волной. Перед глазами заплясали черные точки. Рев становился все громче, и последнее, что она увидела, прежде чем без сознания упасть на землю, была бегущая к ней от другой могилы группа людей.

2

Ответственный заместитель директора Уолтер Пикетт, облаченный лишь в обернутое вокруг талии влажное полотенце, расслаблялся в сауне со стенками, обитыми кедровой доской. Сауна была большая, с двумя рядами скамеек, и почти пустая: кроме Пикетта, здесь находился только один человек, молодой и высокий, с мощной грудью пловца, сидевший в дальнем конце, возле двери. Сам Пикетт выбрал место рядом с ковшом с водой, которая позволяла поддерживать в сауне нужную влажность и температуру. Пикетт предпочитал управлять ситуацией в любом месте, где бы он ни оказался.

На скамье рядом с ним, защищенный прозрачным пластиковым файликом, лежал лист бумаги.

Пикетт посмотрел на висящий на стене термометр, покрытый каплями воды, отчасти ухудшавшими видимость: стрелка остановилась на приятных семидесяти четырех градусах.

Сауна соседствовала с раздевалкой и душевым блоком, расположенными в глубине здания Федеральной вспомогательной поддержки на Уорт-стрит. Во «Вспомогательной поддержке» имелись не только самые разнообразные сопутствующие кабинеты, но также стрелковый тир и такие достижения цивилизации, как сквош-корт, бассейн и, разумеется, сауна – и все это за углом от его офиса на Федерал-плаза, 26. Это, конечно, был большой шаг вперед по сравнению со спартанским офисом ФБР в Денвере, где Пикетт служил в качестве специального агента, возглавляющего отдел, и откуда его перевели три месяца назад.

После окончания академии Пикетт быстро рос, сделал себе имя в отделах контршпионажа и противодействия незаконному предпринимательству, а также в отделе внутренних расследований. Но его постоянно манила другая должность: глава нью-йоркского отделения, одна из по-настоящему ведущих позиций в Бюро и логическая ступенька в Вашингтон. Все теперь зависело от того, как он будет руководить отделением и какие очки заработает на громких делах… и Пикетт не сомневался, что и то и другое у него получится.

Он откинулся назад к стене, прижавшись голыми плечами к горячему дереву. Он чувствовал, как его поры открываются во влажной жаре. Приятное ощущение. Пикетт прикрыл глаза и погрузился в раздумья. Он ни секунды не сомневался в своих способностях, к тому же он старательно избегал тех вещей, которые на его глазах повергали в прах многих других талантливых агентов, – его нельзя было назвать ни хвастуном, ни обычным карьеристом, ни солдафоном. Одним из самых важных для него постов была должность в отделе допроса особо ценных задержанных, где он провел после академии несколько лет, сформировавших его. Благодаря этому и службе в отделе внутренних расследований он достиг такой степени психологического прозрения, какую редко встретишь среди руководителей Бюро. С тех пор он эффективно использовал полученные им знания о человеческом поведении и природе убеждения.

Заняв пост в нью-йоркском отделении, Пикетт обнаружил, что в нем царит разброд. Дисциплина упала, норма раскрываемости опустилась ниже средней. В отделении преобладали работники, протиравшие штаны в кабинетах. Последнюю проблему Пикетт решил посредством ряда переводов и ранних отставок. По природе он не был микроменеджером, но он не пожалел времени на то, чтобы вникнуть в работу всех секций отделения, найти там наиболее перспективных сотрудников и доверить им позиции с большей ответственностью, даже в

обход их коллег с бо́льшим стажем работы. Превращение офиса в настоящую меритократию позволило решить проблемы с дисциплиной. Несмотря на его прежнюю службу в отделе внутренних расследований (как и все сотрудники правоохранительных органов, агенты ФБР не доверяли людям, которые занимались внутренней безопасностью), Пикетт завоевал авторитет и преданность среди подчиненных. Его трудами нью-йоркское отделение превратилось в работающую, хорошо смазанную машину. Даже раскрываемость стала расти сама собой. Пикетту удалось всего за один сезон переломить тенденции. Он хорошо проделал свою работу, но тщательно скрывал малейшее довольство собой.

Несмотря на все успехи, оставалась еще одна проблема, с которой предстояло разобраться: нелегкий кадровый вопрос, унаследованный им от предшественника. Пикетт оставил эту проблему напоследок.

За годы службы ему не раз приходилось иметь дело с трудными агентами. Из своего опыта он знал: это либо несоциализированные одиночки, либо обиженные, пришедшие в Бюро с большим личным багажом. Если такие люди становились мертвым грузом и мешали работе, он не колеблясь переводил их куда подальше: в конце-то концов, в Небраске ведь тоже требуются агенты. Если же они имели хорошие задатки или впечатляющий послужной список, то функции Пикетта сводились к исправительному воздействию. Он выдавливал таких ребят из их комфортной зоны, окунал в неожиданную для них среду, давал им совершенно новые задания. Убеждал, что им открыты все дороги. Такая методика показала себя эффективной при воспитательных беседах и расследованиях нарушений внутренней дисциплины, не менее эффективно проявила она себя и при возвращении вышедших из-под контроля агентов в семью ФБР.

Если личное дело этого агента соответствовало действительности, то его можно было считать самым необузданным из необузданных. Но Пикетт изучил его досье (по крайней мере, его незасекреченную часть) и наметил пути решения проблемы.

Он посмотрел на часы: ровно час дня. И тут, словно по сигналу, дверь открылась, и в сауну вошел человек. Пикетт оглядел его с отработанным безразличием, и ему пришлось сделать усилие, чтобы не вытаращить глаза. Человек был высоким, худощавым, с аккуратно подстриженными волосами почти снежной белизны. Его серебристые глаза смотрели таким холодным и непроницаемым взглядом, словно были высечены изо льда, который и напоминали. Но главное, вместо того чтобы войти раздетым, в обернутом вокруг талии полотенце, этот человек остался в черном костюме, безукоризненно сшитом и застегнутом на все пуговицы, и в белой крахмальной рубашке с идеально завязанным

галстуком. Его дорогущие туфли ручной работы были отполированы до блеска. Из всех мыслей, какие могли прийти во временно парализованную голову Пикетта, самая главная была такая: «Неужели он и в самом деле прошел в таком виде по раздевалке, душевой и бассейну?» Можно было только представить, какая поднялась суета, пока агент прорывался в сауну полностью одетый, нарушая все правила.

Другой человек, сидевший в сауне у двери, поднял глаза, удивленно нахмурился и снова уставился вниз.

Пикетт сразу же пришел в себя. Он знал, что у этого агента репутация чудика. Именно поэтому он не просто решил изменить должностные обязанности агента, но и выбрал для разговора сауну. Согласно его опыту, необычные ситуации – как, например, разговор нагишом в сауне – помогали лишить проблемного субъекта уверенности и обеспечить себе победу.

Теперь ему ничего не оставалось, кроме как пустить все на самотек.

Прежде чем начать говорить, Пикетт взял деревянный ковшик, зачерпнул из бочки воду и плеснул на камни сауны. Помещение наполнилось достаточно густым облаком пара.

– Агент Пендергаст, – ровным голосом проговорил Пикетт.

Человек в черном кивнул:

– Сэр.

– За душевой имеется раздевалка с несколькими рядами шкафчиков. Вы бы не хотели переодеться?

– В этом нет необходимости. Тепло идет мне на пользу.

Пикетт оглядел агента с ног до головы:

– Тогда садитесь.

Агент Пендергаст взял полотенце из стопки у двери, подошел, протер от влаги скамью рядом с Пикеттом, потом аккуратно сложил полотенце и сел.

Пикетт постарался сделать вид, что ничуть не удивлен.

– Прежде всего, – начал он, – я хочу выразить вам мои соболезнования в связи со смертью Говарда Лонгстрита. Он был превосходным директором по разведке, а для вас, насколько мне известно, кем-то вроде наставника.

– Он был лучшим из людей, каких я знал, кроме одного.

Это был не тот ответ, которого ожидал Пикетт, но он кивнул и оставил в силе свою повестку.

– Я уже некоторое время собирался встретиться с вами. Надеюсь, вы не возражаете, если я буду говорить прямо.

– Отнюдь. В отличие от ножей, прямые разговоры позволяют быстрее закончить дело.

Пикетт внимательно посмотрел на Пендергаста – нет ли на его лице какого-либо намека на неповиновение, но лицо было абсолютно бесстрастным. Пикетт продолжил:

– Наверное, я не удивлю вас, если скажу, что за те несколько месяцев, пока я возглавляю нью-йоркское отделение, я много слышал о вас – как официально, так и неофициально. Если откровенно, то у вас репутация одинокого волка, у которого при этом очень высок процент успешных дел.

Пендергаст принял комплимент с коротким кивком, наподобие того, что делают партнерше перед началом вальса. Все его движения были выверенными, как и его речь, и кошачьими, словно он подкрадывался к жертве.

Теперь Пикетт предъявил оборотную сторону комплимента:

– Но у вас также необычайно высокий процент подозреваемых, которые не доходят до суда, потому что, выражаясь на языке ФБР, «отправляются в мир иной в процессе расследования».

Еще один грациозный кивок.

– Исполнительный заместитель директора Лонгстрит был не только вашим наставником, но и ангелом-хранителем в Бюро. Насколько я понимаю, он не подпускал к вам комиссию по расследованиям, защищал ваши наиболее неординарные действия, прикрывал вас сзади. Но теперь, когда Лонгстрита нет, высокие чины пребывают в некоторой растерянности… я хочу сказать, не знают, как быть с вами дальше.

Пикетт ожидал увидеть в глазах агента искорку озабоченности. Но ничего такого не заметил. Он взял ковшик, плеснул еще порцию воды на камни. Температура в сауне поднялась до жарковатых восьмидесяти двух градусов.

Пендергаст поправил галстук, поменял местами ноги, закинутые одна на другую. Казалось, он даже не вспотел.

– Короче говоря, мы пока решили дать вам свободу рук в том, что удается вам лучше всего: расследование психологически неясных убийств теми методами, которые прежде приносили вам успех. С несколькими оговорками, конечно.

– Конечно, – согласился Пендергаст.

– А это выводит нас на ваше следующее задание. Сегодня утром на могиле в Майами-Бич найдено человеческое сердце. Могила принадлежит некой Элизе Бакстер, которая удушила себя простыней в Катадине, штат Мэн, одиннадцать лет назад. На могиле…

– Почему миз Бакстер похоронили во Флориде? – мягко прервал его Пендергаст.

Пикетт помедлил. Он не любил, когда его прерывают.

– Она жила в Майами. В Мэн поехала отдохнуть. Семья переправила тело домой для захоронения. – Он помолчал, чтобы убедиться, что не последует никаких других вмешательств, потом взял лист в файлике. – На могиле лежала записка. Она гласила… – Он посмотрел на бумагу. – «Дорогая Элиза, извини за случившееся с тобой. Мысль о том, как ты, вероятно, страдала, много лет преследовала меня. Я надеюсь, ты примешь этот дар с моими искренними соболезнованиями. Давай тогда пойдем с тобою вместе, ты и я… другие тоже ожидают подарков». Под посланием подпись: «Мистер Брокенхартс»[3].

Пикетт замолчал, чтобы дать Пендергасту время осмыслить услышанное.

– Весьма любезно со стороны мистера Брокенхартса, – сказал Пендергаст секунду спустя, – хотя его подарок свидетельствует о дурновкусии.

Пикетт прищурился, хотя на его ресницах повисли капли пота, но так и не заметил ни малейшего намека на неподчинение. Агент сидел свежий как огурчик, несмотря на жару.

– Сердце обнаружила посетительница кладбища сегодня утром, около семи сорока пяти. В десять тридцать под кустом на променаде Майами-Бич, в десяти милях к югу, нашли тело женщины. Ее сердце было вырезано. Полиция Майами-Бич все еще работает на месте преступления, но одно нам уже известно: на могиле было найдено сердце именно этой убитой.

И тут Пикетт впервые увидел, как что-то вспыхнуло в глазах Пендергаста – искорка, словно бриллиант повернули к свету.

– Мы не знаем, что связывало Элизу Бакстер и убитую сегодня женщину. Но какая-то связь должна быть, это представляется очевидным. И если упоминанию «других» в записке можно доверять, то следует ожидать новых убийств. Элиза Бакстер умерла в штате Мэн, и, хотя ее смерть считается самоубийством, межштатская юрисдикция означает, что в расследовании участвуем и мы. – Он положил файлик на скамью, подтолкнул к Пендергасту. – Завтра с утра вы отправляетесь в Майами на расследование.

Глаза Пендергаста по-прежнему сверкали.

– Отлично. Просто превосходно.

Но когда агент протянул руку к файлику, Пикетт прижал лист бумаги к скамье:

– Еще кое-что. Вы будете работать с напарником.

Пендергаст замер.

– Я здесь уже упоминал об оговорках. Эта – самая крупная. Говарда Лонгстрита, который прикрывал вас с тыла, больше нет, агент Пендергаст. Он больше не наставит вас на путь истинный, когда вы пуститесь во все тяжкие. Бюро не может игнорировать ваши примечательные достижения. Но не может игнорировать и высокую смертность среди ваших подследственных. Поэтому мы прикрепляем к вам напарника, что, конечно, является обычной практикой ФБР. Я назначаю вам в напарники одного из самых проницательных молодых агентов. Вы, естественно, будете ведущим в этом деле, но он будет помогать вам на каждом шагу. Он будет функционировать и как внимательный слушатель, и, при необходимости, как дотошный проверяльщик. И кто знает, возможно, вы оцените такое сотрудничество.

– Я полагаю, что мой послужной список говорит сам за себя, – произнес Пендергаст тем же тягучим шелковым голосом. – Я лучше всего работаю в одиночку. Напарник может стать мне помехой.

– Мне казалось, вы неплохо работали в паре с одним нью-йоркским копом, как там его имя – д’Агоста?

– Д’Агоста – исключительный случай.

– Человек, о котором я вам говорю, тоже исключительный. Но давайте ближе к делу. Это непременное условие. Либо вы принимаете напарника, либо мы поручаем дело кому-то другому.

«И подвешиваем вас в состоянии неопределенности, пока не возьметесь за ум», – подумал про себя Пикетт.

Во время этой короткой речи на лице Пендергаста возникло некое выражение, очень странное выражение, – Пикетт, невзирая на весь свой обширный психологический опыт, не сумел его определить. Несколько секунд единственным звуком в сауне оставалось шипение камней.

– Принимаю ваше молчание за согласие. И теперь для вас настало время познакомиться с вашим напарником. Агент Колдмун, не могли бы вы присоединиться к нам?

При этих словах молчаливый молодой человек, сидевший в дальнем углу, встал, затянул потуже полотенце на поясе и, поблескивая пленкой пота, подошел к ним. У него была светлая оливково-коричневая кожа, черты лица тонкие и в каком-то смысле почти азиатские. Он бесстрастно посмотрел на двух мужчин, сидевших перед ним. Стройный и прямой, он казался чуть ли не идеальным агентом. Разве что его волосы – цвета воронова крыла, довольно длинные и с пробором посередине – не отвечали этому образу. Пикетт внутренне улыбнулся. Его решение сделать этих двоих напарниками казалось ему штрихом мастера. Пендергаста ждет сюрприз.

– Это специальный агент Колдмун, – сказал Пикетт. – Он в Бюро восемь лет и уже проявил себя в отделах кибербезопасности и уголовных расследований. Рапорта соответствия, представленные его начальством, иначе как образцово-показательными и не назовешь. Восемнадцать месяцев назад за похвальную службу при проведении операции под прикрытием в Филадельфии награжден Знаком ФБР за храбрость. Я не удивлюсь, если со временем он догонит вас по благодарностям от начальства. Думаю, вы найдете в нем способного ученика.

Пока звучал этот панегирик, агент Колдмун оставался бесстрастным. Между тем, как заметил Пикетт, странное выражение на лице Пендергаста сменилось искренней улыбкой.

– Агент Колдмун, – сказал Пендергаст, протягивая руку. – Рад познакомиться.

– Аналогично. – Колдмун пожал протянутую руку.

– Если ваши достижения хоть в малой степени соответствуют тому, о чем говорил здесь ответственный заместитель директора Пикетт, то вы, несомненно, внесете большой вклад в то, что обещает быть весьма интересным расследованием.

– Сделаю все возможное, – откликнулся Колдмун.

– Тогда мы замечательно сработаемся, – сказал Пендергаст.

Он перевел взгляд на Пикетта. Если не считать одной-единственной капельки пота на лбу Пендергаста, жара, похоже, ничуть на него не повлияла: его рубашка и костюм казались такими же свежими, как и раньше.

– Вы сказали, что завтра рано утром мы вылетаем в Майами?

Пикетт кивнул:

– Билет и приказ о вашем назначении вы найдете у себя на столе.

– В таком случае я, пожалуй, пойду готовиться. Спасибо, что поручили мне это дело, сэр. Агент Колдмун, встретимся завтра утром.

Он коротко поклонился каждому, встал и вышел из сауны, двигаясь так же легко и свободно, как и при своем появлении.

Оба оставшихся в сауне смотрели на дверь, закрывшуюся за ним. Пикетт выждал целую минуту, прежде чем заговорить снова. И лишь убедившись, что Пендергаст не вернется, откашлялся.

– Так… – сказал он Колдмуну. – Вы только что услышали от меня вашу легенду. В этом деле вы будете играть вторую скрипку.

Колдмун кивнул.

– Есть какие-нибудь вопросы о вашем *настоящем* задании касательно Пендергаста?

– Нет.

– Отлично. Жду от вас регулярных отчетов.

– Да, сэр.

– Это все.

Не сказав больше ни слова, специальный агент Колдмун развернулся и вышел из сауны. Пикетт набрал еще ковшик воды, плеснул на вишневого цвета камни, потом снова откинулся назад и довольно вздохнул, когда новый взрыв пара заполнил кедровую сауну.

3

Миссис Траск осторожно катила сервировочный столик с чаем по темному коридору, ведущему из кухни особняка на Риверсайд-драйв, 891, в Нью-Йорке. Подавать чай в такое время, когда не пробило еще и трех часов, ей приходилось крайне редко: обычно Пендергаст предпочитал пить чай позже, а не раньше. Но такова была его просьба вкупе с обширным списком: вместо обычных аскетических зеленого чая и имбирного печенья в сегодняшнем меню были булочки с изюмом и лимонным кремом, ячменные лепешки, взбитые сливки, мадленки (любимое печенье Констанс) и даже крохотные бисквиты «Баттенберг». Поэтому впервые за много лет миссис Траск пришлось подавать дневной чай на сервировочном столике, а не на простом серебряном подносе. Она не сомневалась, что Пендергаст хочет угодить своей подопечной Констанс, хотя та и ела, как птичка, и, возможно, почти ни к чему не прикоснется.

И в самом деле, после их довольно неожиданного возвращения в особняк неделю назад Пендергаст проявлял к Констанс повышенное внимание. Даже Проктор, стоический шофер и охранник Пендергаста, подметил это и поделился своим наблюдением с миссис Траск. Пендергаст стал более разговорчивым, допоздна беседовал с Констанс на ее любимые темы. Он помогал ей в ее долгосрочном исследовании сложного и зачастую загадочного генеалогического древа Пендергаста. Он даже демонстрировал интерес к ее последнему проекту – террариуму, призванному способствовать распространению хищных растений, находящихся на грани вымирания.

Миссис Траск вышла из коридора в зал приемов, колесики сервировочного столика поскрипывали на мраморном полу. Из библиотеки до нее доносились приглушенные голоса: Пендергаст и Констанс о чем-то разговаривали. И эти тихие звуки радовали ее сердце. Она не знала, почему Констанс так неожиданно уехала в Индию в прошлом декабре или почему Пендергаст недавно предпринял путешествие, чтобы привезти ее обратно. Это было личное дело Пендергаста и его подопечной, а миссис Траск просто радовалась тому, что все снова вместе. И хотя нынешняя идиллия оказалась недолгой –

Пендергаст внезапно сообщил, что улетает во Флориду, – миссис Траск утешала себя тем, что это всего лишь деловая поездка.

Да, она довольно неодобрительно относилась к «делам» Пендергаста, но эти свои мысли держала при себе.

Она вкатила столик в библиотеку, обставленную в темных тонах красного дерева, где стояли шкафы, заполненные редкими ископаемыми, минералами и артефактами, и до самого потолка поднимались целые стены книг в кожаных переплетах. В камине бушевало сильное пламя, и два «ушастых» кресла стояли близко к огню. Однако кресла оказались пусты, и миссис Траск обвела комнату взглядом в поисках Пендергаста и Констанс. Когда ее глаза приспособились к мерцанию огня, она их разглядела. Они стояли в дальнем углу, наклонившись над чем-то явно очень интересным, почти соприкасаясь головами. Ну конечно, это новый террариум со стеклянными стенками. До миссис Траск донеслось контральто Констанс, почти заглушаемое треском горящих поленьев.

– ...И я нахожу весьма ироничным то, что Nepenthes campanulata – растение, которое на протяжении пятнадцати лет считалось исчезнувшим, – теперь считается всего лишь находящимся под угрозой, а Nepenthes aristolochioides, которое прежде практически не признавали видом, теперь находится на грани исчезновения.

– Действительно иронично, – пробормотал Пендергаст.

– Обрати внимание на особенную морфологию aristolochioides. Околоустьевое поле почти вертикальное, это большая редкость у насекомоядных растений. Их механизм питания крайне интересен. Я все еще жду местных насекомых с Суматры, но здешние жуки-носороги кажутся подходящей пищей. Не хочешь его покормить?

Констанс подняла в руке посверкивающий в отблесках пламени пинцет почти футовой длины, между концами которого было зажато корчащееся насекомое.

Настал миг кратчайшего колебания.

– Я бы предпочел наблюдать, как ты набиваешь руку.

Миссис Траск выбрала этот момент, чтобы кашлянуть и двинуть вперед чайный столик. Оба сразу повернулись к ней.

– А, миссис Траск! – сказал Пендергаст и поспешил ей навстречу. – Вы, как всегда, пунктуальны.

– Даже более чем пунктуальны, – заметила Констанс, подходя следом за Пендергастом и изучая столик своими фиалковыми глазами. – Всего только три часа. Алоизий, это ты заказал? Как из рога изобилия!

– Да.

– К нам на чай приглашена троянская армия?

– Я устраиваю себе прощальную вечеринку.

Констанс нахмурилась.

– К тому же, – продолжил Пендергаст, садясь и протягивая руку к мадленке, – ты похудела на этой монастырской диете.

– Я прекрасно ем, спасибо. – Констанс села в противоположное кресло, при этом движении ее коротко стриженные волосы колыхнулись. – Знаешь, я бы очень хотела, чтобы ты позволил мне поехать с тобой во Флориду. Это дело, которое вдруг словно с неба свалилось, – оно кажется мне таким интригующим.

– А я бы очень хотел, чтобы мне не навязывали напарника. Но мне его навязали. Констанс, я тебе обещаю, ты будешь моим слушателем и моим оракулом, à la distance[4].

Миссис Траск хмыкнула, наливая чай в две чашки.

– Вы можете себе представить нашего мистера Пендергаста с напарником, путающимся под ногами? Я вот не могу. Когда речь заходит о коллективной работе, он безнадежен… если вы простите мне это слово.

– Я вам все прощу, – ответил Пендергаст, – если вы положите несколько мадленок в мою сумку. Говорят, что некоторая еда в самолете бывает опасной… если не хуже.

– Он и вправду безнадежен? – спросила Констанс у миссис Траск. – Надежда должна оставаться всегда.

Миссис Траск уже отвернулась, собираясь уходить, поэтому она не видела мимолетного взгляда, которым обменялись Пендергаст и женщина, сидящая напротив него.

В тот же вечер, ровно в шесть часов двадцать минут, специальный агент Пендергаст, зарегистрировавшись в отеле «Фонтенбло» и убедившись, что президентский номер «Ла Мер», который он себе зарезервировал, его вполне устраивает, прошел по гулкому вестибюлю в сторону Атлантики. Просторное мраморное пространство, с его «Лестницей в никуда», группками разговаривающих гостей и лабиринтом входов и выходов, представлялось ему похожим скорее на зал вылета первого класса, чем на отель. Стеклянные двери с шелестом открылись при его приближении, и он вышел на просторную площадку. Лавируя между несколькими сверкающими бассейнами по пути к лугу Саут-Тропе, он проходил мимо баров, спа, пышных зеленых насаждений. Загорающие разглядывали его через свои очки «Оукли» или «Том Фордс» и не удивлялись его черному костюму, поскольку видели в нем некую разновидность швейцара, направляющегося к одной из приватных купальных кабинок. Другие слуги в черном сновали между кабинками, принося гостям все, что те пожелают, – от фруктовых коктейлей до шампанского «Дом Периньон» по тысяче пятьсот долларов за бутылку.

Пендергаст пересек луг и двинулся дальше по тропинке, петляющей среди ухоженных клумб и кустов, пока не вышел к ступенькам, ведущим на дощатые мостки, вдоль которых росли королевские пальмы. Это был променад Майами-Бич, прогулочный бульвар, шедший вдоль берега от парка Индиан-Бич почти до самого порта Майами.

Пендергаст повернул на юг, потом остановился. Слева от него, за узкой полосой кустарника и морского овса, находился берег, справа тянулась бесконечная цепочка отелей, кондоминиумов и особняков разного стиля, сверкающих белизной на фоне кобальтового неба. Дул слабый ветерок, температура приятно влажного воздуха не превышала двадцати восьми градусов. Женщина лет семидесяти, в огромных круглых солнцезащитных очках и розовом купальнике со стрингами, прошла мимо, осторожно вышагивая в итальянских босоножках на гвоздиках.

Некоторое время Пендергаст задумчиво разглядывал окружающее. Потом поправил узел галстука, подтянул манжеты и присоединился к толпе полуголых пешеходов, прогуливающихся по мосткам. Неторопливая получасовая прогулка привела его на Двадцать третью улицу, где деревянные мостки перешли в асфальтовую дорожку. Еще через несколько кварталов толпа пешеходов стала гуще и словно застряла на одном месте. Причина была очевидна: в сотне ярдов впереди тротуар перегораживала желтая полицейская лента.

Полоска кустарника слева от Пендергаста расширилась до нескольких рядов живой изгороди и фигурно стриженных насаждений, за каждым отрезком ухаживал один из шикарных отелей по другую сторону бульвара. За изящными растениями шла длинная береговая терраса.

Свернув на узкую тропинку, Пендергаст поднялся по бетонным ступеням на вершину террасы, оглядывая все вокруг своими серебристыми глазами. Здесь он увидел еще одну тропинку, узкую, песчаную. Впереди и внизу тянулся сам берег с рядами зонтиков и шезлонгов, перемежающихся время от времени постами спасателей. Еще дальше лежала Атлантика, ее сверкающая лазурь по мере приближения к берегу превращалась в бледный аквамарин.

Пендергаст довольно долго смотрел на море, потом повернулся на запад, являвший картину ошеломительного богатства, обосновавшегося в этой части барьерного острова. Дальше находился залив Бискейн, а еще дальше возвышались шпили городского центра Майами. Солнце в половине восьмого готовилось нырнуть за горизонт, как оно уже сделало в Нью-Йорке девяносто минут назад. Вдали собирались розовые переливчатые облака.

Некоторое время Пендергаст стоял неподвижно, ощущая, как легкий ветерок шевелит его волосы. Наконец он повернулся и принялся разглядывать часть кустарника, огороженную желтой лентой. Несколько зевак в отелях напротив делали то же самое. Сообщения об убийстве уже попали в ленты новостей, но полиция сумела сохранить в тайне сведения об украденном сердце.

Тем же ленивым шагом Пендергаст спустился по лестнице и приблизился к ленте. Бо́льшая часть огороженного участка состояла из лабиринта живой изгороди высотой по грудь, аккуратно подстриженной и проходящей между прогулочным тротуаром и береговой террасой. Пендергаст шагнул вперед и остановился, когда нижняя пуговица его пиджака коснулась ленты. Судя по всему, основные события уже закончились: единственными людьми, которых он видел за ограждением, были одинокий криминалист, все еще в маске и бахилах, и полицейский, сидевший на скамейке явно для того, чтобы не пропускать посторонних.

Пендергаст подошел так тихо, что полицейский даже не заметил его присутствия. И только когда Пендергаст начал подныривать под ленту, коп посмотрел в его сторону. Отсутствующее выражение на его лице сменилось раздраженным, он поднялся со скамьи и двинулся в сторону Пендергаста, подтягивая на ходу брюки и поправляя пояс. Полицейскому было лет под пятьдесят: редеющие каштановые волосы, широко расставленные глаза и лицо с прожилками. Несмотря на относительно худые конечности, живот у него выпирал из-под рубашки.

– Эй! – грубо сказал полицейский. – Вы! Стойте!

Пендергаст остановился, но только после того, как поднырнул под лентой и снова выпрямился.

Коп подошел, нахмурившись. Крохотные кровяные сосуды испещряли все его лицо. На рукавах ниже плеч красовались голубые с золотом накладки полиции Майами-Бич.

– Что это вы делаете, черт побери? Это запретная зона. Вернитесь за ленту!

– Прошу прощения, офицер, – произнес Пендергаст своим самым обворожительным голосом, – но я полагаю, что мое присутствие здесь санкционировано.

Коп оглядел его с головы до ног:

– Вы что, из похоронной конторы? Тело уже давно забрали.

– Боюсь, что я не из похоронной конторы, хотя это простительная ошибка. Я специальный агент ФБР.

– ФБР? – Полицейский прищурился. – Позвольте взглянуть на ваши документы.

– Безусловно.

Пендергаст вытащил из кармана тонкий кожаный бумажник и поднял его, позволив ему раскрыться. В верхней части находилось удостоверение с фотографией и званием, в нижней – жетон ФБР.

Местный коп внимательно изучил документ, после чего посмотрел на Пендергаста с меньшим подозрением, но с большей враждебностью.

– ФБР, – повторил он. – Я что-то слышал о вашем приезде. Что-то о *сотрудничестве* с нами по этому делу.

– Верно, – сказал Пендергаст. – Как хорошо, что вы вспомнили, офицер… – он посмотрел на полоску с его фамилией, – офицер Кляйнвессель. А теперь, если вы не возражаете, я бы хотел посмотреть своими глазами.

Но когда он шагнул вперед, коп уперся ладонью ему в грудь, останавливая его:

– Вы никуда не пойдете, приятель.

Пендергаст не любил, когда к нему прикасались:

– Что, простите?

– Как я уже говорил, я слышал, что вы, ребята, приедете. Но мой сержант сказал, что ФБР будет здесь завтра. Не сегодня. С нашей стороны еще не закончена бумажная работа. Если вы не предъявите письменную санкцию, я не смогу пустить вас на место преступления.

Пендергаст задумался. Он вспомнил, что полиция Майами испытывает некоторое недружелюбие по отношению к ФБР. Похоже, у здешних полицейских была коллективная аллергия на ФБР, восходящая ко временам полномочий слишком уж усердного главы местного отдела ФБР. Был также один очень неприятный инцидент несколько лет назад, когда ФБР пыталось надеть наручники на патрульного полицейского на велосипеде и удалить его с места преступления. Теперь, судя по всему, пришло время возвращать долги.

Пендергаст закрыл бумажник, но оставил его в руке.

– Я получил приказ, – сказал он, – согласно которому должен осмотреть место этого преступления.

– Я тоже получил приказ. И согласно этому приказу, я никого не должен сюда пускать, пока не услышу чего-то другого от моего сержанта. А теперь возвращайтесь на ту сторону ленты… сэр.

– Офицер, – произнес Пендергаст безгранично терпеливым тоном, – вы видели мое удостоверение. Вы сами признали, что ФБР оказывает помощь в расследовании. Я буду вам очень обязан, если вы отойдете в сторону и позволите мне исследовать место преступления.

– Исследовать? – Коп рассмеялся. – Вы, видать, вообразили себя каким-то Шерлоком Холмсом.

– Офицер Кляйнвессель, я не давал вам оснований оскорблять меня.

– Я просто констатирую факт. А факт заключается вот в чем: вашим дедукциям придется подождать до завтрашнего утра, если вы не предъявите мне письменной санкции.

Пендергаст взвесил его слова. Он, конечно, получил приказ от Пикетта, но приказ вместе с завтрашним билетом на самолет остался лежать на столе в офисе, куда он не заходил несколько дней. Пендергаст надавил грудью на удерживающую его руку.

– Вы упомянули Шерлока Холмса, – сказал он медоточивым голосом. – Сам я никогда не относился к нему с симпатией – он всегда казался мне неоправданно мелодраматичным. Но прекрасно: если вы хотите

Шерлока Холмса, то Холмса вы и получите. – Он замолчал на секунду. – Офицер Кляйнвессель, я не вижу ничего такого, что помешало бы нам стать друзьями. А вы?

В ответ Кляйнвессель слегка подтолкнул Пендергаста к ленте.

– И, как ваш друг, я чувствую себя обязанным предупредить вас, что вы ставите под угрозу вашу карьеру, ваш брак и, возможно, вашу жизнь.

– Не знаю, что за фигню вы тут несете. Но вот что я вам скажу. Отойдите от места преступления, или окажетесь в наручниках.

– Боюсь, что это никакая не фигня. Поскольку ваша отставка приближается, а вы, несомненно, хотите сохранить нищенскую пенсию, которая вас ожидает, то вам стоит подумать, как лучше скрывать свою привычку к пьянству. Хотя, возможно, это все напрасно, так как ром «Кубинская гончая», который вы предпочитаете, не только крепкий, но еще и содержит в большом количестве вредные альдегиды и эфиры. Если вы немедленно не покончите с этой привычкой, то вполне вероятно, что цирроз печени сделает вашу жизнь на пенсии весьма короткой.

Он помолчал. Кляйнвессель открыл рот:

– Какого черта?..

– Ваша жена, должно быть, терпеливая женщина, если столько лет выносит ваше пьянство. Но если она узнает, что у вас к тому же есть любовница – довольно низкопробная любовница в Опа-Локе, – то это станет последней каплей. Как видите, офицер Кляйнвессель, я забочусь о вас. Меня тревожит ваше будущее, ведь вашей работе, вашему браку и жизни угрожает опасность, пока еще скрытая опасность. Но конечно, никогда нельзя исключать возможность, что ваши шалости могут всплыть.

С этими словами Пендергаст убрал свой бумажник в карман пиджака, одновременно делая вид, что достает сотовый телефон.

Вся краска сошла с лица полицейского. Смертельно бледный, он огляделся, словно призывая невидимую помощь:

– Откуда вы… – У него перехватило дыхание. – Откуда вы… – задыхаясь, выговорил он, вновь побагровев.

– Вы спрашиваете меня, сэр, каким образом я пришел к моим, как вы их называете, «дедукциям»?

Пендергаст подождал, но полицейский Кляйнвессель так и не сумел сформулировать вопрос.

– Ну хорошо: по кольцу на мизинце вашей правой руки я вижу, что вы окончили академию девятнадцать лет назад – дата выгравирована, она у всех на виду, – а это значит, что ваши двадцать лет службы почти закончились. Но за все это время вы не заработали ни знаков различия, ни нашивок, то есть остались в самом низком звании. Сам факт, что вас поставили на охрану закрытого места преступления, говорит о многом. Отсюда и минимальная пенсия. И если уж речь зашла о кольцах, то я не вижу на вас обручального кольца. Однако светлая полоска на вашем безымянном пальце все же говорит о его наличии, а мозоль на костяшке свидетельствует, что вы довольно часто то снимаете его, то надеваете. Что же касается вашей любовницы, мне хватило одного взгляда на вашу одежду. Когда к северо-западу отсюда в начале двадцатого века был заложен район Опа-Лока, его основатели, как известно, использовали мавританский стиль архитектуры. Частью этого стиля стало экзотическое травянистое растение со Среднего Востока, известное как Erodium glandiatum, которым засеяли общественные места. Семена разных видов этого Erodium имеют весьма характерный вид: они длинные и тонкие, один кончик напоминает штопор, а другой – с перышками, как жабры омара. Так получилось, что Опа-Лока является единственным и уникальным ареалом обитания этого растения в Соединенных Штатах, что вкупе со странного вида семенем и напомнило мне об этом факте. На вас в данный момент не менее двух семян этого вида: одно с задней стороны правого колена, а другое торчит из-за обшлага брюк. Первое семя свежее, второе довольно засохшее, а значит, вы в своей форме не менее двух раз за последние дни, а возможно, и больше посещали Опа-Локу. К сожалению, Опа-Лока в последнее время не процветала. Если бы этого было недостаточно, чтобы установить социальную принадлежность вашей пассии, то последние сомнения рассеял слабый запах дешевого одеколона – «Ночь желания», если не ошибаюсь.

Коп опустил руки и сделал несколько шагов назад, глядя на Пендергаста так, словно агент ФБР был болен какой-то заразной болезнью.

– Откуда вы все это знаете? – спросил он срывающимся голосом.

– Элементарно, мой дорогой Кляйнвессель.

– Я и рюмки не выпил за десять лет, – проскулил полицейский. – Вы ничего не докажете. А что это за говно про ром «Кубинская гончая»?

– Нет никакого смысла лгать мне, офицер. Как я уже сказал, я пытаюсь вам помочь. Торчащий живот натянул пуговицы на вашей рубашке, а с

учетом общей худобы это указывает на выраженный асцит. Фиматозная розацеа, столь очевидная на вашем лице, тоже дает повод для размышлений. Касательно же типа алкоголя, который вы употребляете, то «Кубинская гончая» не только самый дешевый, самый крепкий и самый легкодоступный в вашем регионе алкогольный напиток, но и характерная для него бутылка в одну пинту – самая удобная для незаметного ношения. И даже если не принимать во внимание специфический запах, то я не мог не заметить, что правый задний карман ваших брюк выпячен как раз в форме этой бутылки. А теперь, офицер, могу я заняться своей работой? Или?.. – Он с улыбкой поднял мобильник повыше.

Несколько мгновений челюсть полицейского беззвучно двигалась, мышцы его лица то напрягались, то расслаблялись. А затем он без слов отошел в сторону.

– Очень вам признателен, – сказал Пендергаст.

Проходя мимо, он на миг остановился и легко положил руку на плечо Кляйнвесселя:

– Я непременно переговорю с вашим сержантом, скажу ему, как вы были полезны. Может быть, нам удастся наконец заполучить для вас шеврон. – Потом он наклонился к его уху, словно собираясь поделиться тайной, и тихо произнес: – Кстати, Конан Дойл все перепутал: Шерлок Холмс пользовался методом индукции, а не дедукции.

После этого он беспрепятственно двинулся вперед по лабиринту живой изгороди, то и дело останавливаясь, чтобы опуститься на колени, вытащить лупу из кармана и исследовать что-то в грунте по краю тропинки. В какой-то момент он достал из кармана пинцет, вытащил из травы что-то мелкое и положил в маленькую пробирку.

Уже опускались сумерки, когда он добрался до конца живой изгороди, где одинокий криминалист, собираясь уходить, укладывал свои инструменты. Пендергаст предъявил жетон ФБР, и криминалист оказался гораздо более услужливым, чем полицейский. Он показал на участок под стеной живой изгороди, где в землю было воткнуто множество флажков-маркеров. Грунт здесь был почти черным и очень влажным, поскольку впитал в себя большое количество крови. Пендергаст снова опустился на колени, легонько потрогал землю пальцами, отметил ее сходство с губкой.

Он достал из кармана маленький фонарик и пошарил лучом по земле.

– Что вы можете сказать об убийстве?

– Похоже, сначала была нанесена ножевая рана в шею, – заговорил криминалист, сдвигая марлевую повязку со рта. – Жертву оттащили с тропинки сюда, в уединенное место, очень острым ножом перерезали шею сзади, вскрыли грудь лезвием какого-то большого инструмента, возможно топорика, и извлекли сердце. Патологоанатом считает, что ко времени извлечения сердца она уже ничего не осознавала – смерть наступила вследствие потери крови. Тело затолкали сюда, под куст, накидали поверх него немного грунта.

– Разброс брызг?

– Как и следовало ожидать. Первичный фонтан на нижнюю часть кустарника и на землю вокруг.

– Приблизительное время смерти?

– Около четырех утра плюс-минус.

– А кто нашел тело?

– Новобрачные из Сиэтла. Выбрали это место, чтобы потискаться. – Он кивнул на скамейку неподалеку.

– И это произошло около половины одиннадцатого, насколько я понимаю?

– Да, в десять пятнадцать.

По-прежнему стоя на коленях, Пендергаст огляделся. Живая изгородь сильно разрослась, и в четыре часа в безлунную ночь здесь царила тьма. Пешеходные мостки и берег наверняка пустовали. Пендергаст взглянул наверх: ветви пальм и декоративный кустарник закрывали окна ближайших отелей. Учитывая многолюдность острова, преступник выбрал подходящее место для убийства.

– Вы позволите мне поработать немного? – спросил Пендергаст. – Без бахил, без халата.

– Не стоит беспокоиться, мы тут закончили, – ответил криминалист.

Следующие пятнадцать минут Пендергаст тщательно обыскивал участок, иногда доставал лупу, пинцет, фонарик, щелкал камерой телефона. Но, как сказал Кляйнвессель, видеть тут особо было нечего.

Наконец Пендергаст поднялся на ноги:

– Спасибо вам за терпение.

– Не стоит благодарности.

Криминалист взял свой чемоданчик и направился к выходу из лабиринта.

Пендергаст поспешил следом:

– А есть еще что-нибудь примечательное относительно этого убийства?

– Ничего, разве что два кровавых отпечатка обуви, найденные в стороне от места убийства.

– Отпечатки обуви? – Пендергаст вскинул брови. – Это стоило бы взять на заметку.

– Оставлены дешевыми мужскими сандалиями большого размера. Такие продаются во всех магазинах, от них нетрудно избавиться. Ничего более распространенного здесь не найти. По таким сандалиям вряд ли кого найдешь – их носят все, что днем, что ночью.

– Все?

– Все приезжие и примерно половина местных. – Они приближались к месту, где висела полицейская лента. – Это ведь флоридское побережье, верно? Вы же не собираетесь идти загорать в этих? – Он кивнул на туфли «Джон Лобб», в которых был Пендергаст: даже в сумерках кожа сшитой на заказ обуви тускло сияла.

– Я вас понял. – Пендергаст помолчал. – Что днем, что ночью, говорите?

– Именно.

– Так… – Пендергаст остановился на мгновение и уставился вдаль. – Странные у вас тут обычаи, мой друг.

5

На следующее утро белый «ниссан-альтима» подъехал к дому на Тайгертейл-авеню в северо-восточной части Коконат-Гроув. Какое-то время машина стояла с включенным двигателем у тротуара, пока водитель возился со всевозможными кнопками, рычажками и экранами. Наконец двигатель заглох, водительская дверь открылась, и оттуда вышел специальный агент Пендергаст. Он отряхнулся от пыли, бросил на машину мрачный взгляд и двинулся к дому.

Ухоженное белое здание в стиле Испанской миссии, построенное лет пятьдесят назад, стояло в плотном окружении тропических деревьев,

которыми был знаменит город. Хотя вокруг раскинулся многолюдный жилой квартал – Пендергаст слышал жужжание газонокосилок, голоса детей, идущих в школу, – этот дом казался спящим. Пендергаст поднялся по ступенькам к двери и нажал кнопку звонка.

Изнутри раздался переливчатый звон, а через десять секунд – звук приближающихся шагов. Дверь открыл пожилой мужчина, почти такой же высокий, как Пендергаст, одетый в свежую рубашку поло и шорты. Жидкие седые волосы были кое-как начесаны на лысую загорелую макушку. Он молча посмотрел на Пендергаста вопрошающим взглядом.

– Доброе утро, – сказал Пендергаст. – Гарольд Бакстер, насколько я понимаю?

– Чем могу помочь?

– Я специальный агент ФБР Пендергаст. – Он показал свой жетон ФБР. – Простите, что нарушаю ваш покой, но не могли бы вы уделить мне несколько минут вашего времени?

Бакстер моргнул:

– Полиция вчера днем приходила ко мне.

– Не сомневаюсь. Обещаю, что не задержу вас так долго, как они.

– Хорошо. Входите.

Бакстер отошел в сторону, Пендергаст открыл противомоскитную дверь и проскользнул в дом.

Хозяин дома провел его через гостиную и столовую – обе комнаты выглядели безукоризненно и чуть попахивали нафталином – на выстланную плиткой веранду в задней части дома. Вокруг круглого стола со стеклянной столешницей стояли садовые кресла с подушками, и Бакстер показал агенту на один из них. Пендергаст уселся, и тут в раздвижной двери появилась женщина приблизительно того же возраста, что и Бакстер. В одной руке она держала кухонное полотенце.

– Гарольд? – сказала она, хотя взгляд ее не отрывался от Пендергаста. – Еще один?..

Но Пендергаст уже поднялся и сделал несколько шагов к ней:

– Миссис Бакстер? Моя фамилия Пендергаст, я агент ФБР. Вы не возражаете, если я задам несколько вопросов вам и вашему мужу?

– Мм… нет, пожалуй, не возражаю.

Женщина подошла к одному из кресел, вспомнила о полотенце в руке, аккуратно сложила его, повесила на спинку кресла и села.

Пендергаст заговорил, переводя взгляд с одного на другую:

– Сначала позвольте поблагодарить вас. Я понимаю, как это трудно, и мне меньше всего хотелось бы бередить старые раны. Возможно, для вас легче всего будет рассказать мне, много ли вы знаете о том деле, из-за которого к вам приходила вчера полиция.

Бакстер кинул взгляд на жену:

– Они особо ни о чем не говорили. В основном задавали вопросы. По поводу той… вещи, которую нашли на могиле Элизы.

Пендергаст кивнул, побуждая продолжать.

– И они спрашивали, не знаем ли мы чего-нибудь про ту женщину, что убили вчера. Мисс… Мисс… – Он снова посмотрел на жену.

– Монтера, – подсказала женщина. – Фелиция Монтера.

– Понятно, – сочувственно произнес Пендергаст. – А позвольте спросить, как вы им ответили?

– Мы сказали, что, насколько нам известно, Элиза никогда не встречалась с той несчастной девушкой и даже не слышала о ней. Мы-то определенно о ней ничего не знаем. Я вот о чем: Элиза со многими встречалась, но всегда нам обо всех рассказывала. Каждый вечер за обедом она рассказывала о том, как прошел день.

У пожилой женщины скривился рот, и она машинально потянулась за полотенцем.

– Значит, ваша дочь жила с вами?

Мужчина кивнул:

– Так ей было удобнее. Работала она поблизости, в Корал-Гейблс. Элиза копила на собственный домик, но она была очень разборчива, что и неудивительно, учитывая характер ее работы.

– А что за работа?

– Она была агентом по продаже недвижимости. И очень многообещающим, при ее-то молодости. Из молодых да ранних.

Мать промокнула один глаз полотенцем:

– Полиция вчера задавала нам все эти вопросы.

– Прошу прощения, я постараюсь покороче. Насколько я понимаю, ваша дочь умерла в Катадине, штат Мэн.

Молчание. Потом мистер Бакстер кивнул.

– У нее там жили родственники? Друзья?

– Нет, – ответил отец. – Компания, в которой она работала, – «Солнце и берег» – проводила там конференцию. Но по существу, просто несколько дней отдыха, вознаграждение для агентов с высокими продажами.

– У «Солнца и берега» офисы по всему штату, – добавила жена, снова складывая полотенце.

– А у Элизы в то время был кто-нибудь близкий? Бойфренд, например?

Отец кивнул:

– Мэтт. Хороший парнишка. На подлодке служил… тогда, по крайней мере. На атомной.

– Вы не знаете, они в то время не ссорились по какому-либо поводу?

– Да они всегда были душа в душу. Мэтт, когда не его вахта, всегда с ней встречался. А когда это случилось, он находился в море на двухмесячном дежурстве, середина его срока.

– И вы говорите, работа ее устраивала?

– Эта работа значила для нее все. Ну и мы, конечно. И… и Мэтт.

– Вы бы назвали ее оптимистичным человеком в общем и целом?

– Вот тут вы можете дальше не копать, – сказал мистер Бакстер. – То же и копы спрашивали, так что позвольте сэкономить вам немного времени. Если наша Лиззи была несчастной, то она была чертовски хорошей актрисой. Работа. Бойфренд. Она даже прослушала месяцем раньше курс о личной безопасности. Ну вы знаете: самозащита, предотвращение взлома, всякое такое. Зачем человеку, который собирается покончить с

собой, ходить на подобные курсы? – Он покачал головой. – Бессмысленно.

– Я понимаю, как вам досталось… а бессмысленность случившегося делала этот груз еще тяжелее. – Пендергаст немного помолчал. – Еще один вопрос. Вы говорите, Элиза жила в вашем доме. Ее комната в настоящее время занята кем-нибудь?

Супруги переглянулись. Потом муж отрицательно покачал головой.

– Вы не возражаете, если я посмотрю?

Короткое молчание, потом Гарольд Бакстер поднялся:

– Я вам покажу.

Они втроем поднимались по лестнице, когда с улицы донесся неожиданный взрыв ребячьего визга и криков.

– Все вокруг меняется, – сказал Бакстер. – Много молодежи сюда переезжает. Мы думали о переезде, но не хватает духа оставить Гроув… и наш дом.

Пройдя до половины коридора, он остановился, открыл дверь и махнул рукой:

– Мы здесь ничего не меняли.

Пендергаст вошел в комнату – светлое жизнерадостное помещение, выкрашенное в канареечно-желтый цвет, с кроватью под балдахином и светлой деревянной мебелью. На стенах висели две акварели, изображающие пляжные сцены, на прикроватном столике стояли фотографии в рамочках. Пендергаст огляделся, обратив внимание, что мать умершей девушки осталась в дверях.

Он повернулся к хозяевам дома:

– Огромное вам спасибо. Мне нужна всего одна минута.

Когда ее муж ушел вниз, миссис Бакстер показала на пластиковый пакет, лежащий на прикроватном столике:

– Это ее личные вещи, которые полиция вернула нам, после того как Лиззи… из Мэна. Вчера полицейские попросили показать. Наверное, они их здесь и оставили.

Пендергаст подошел к столику, взял пакет. Внутри лежали маленький кожаный бумажник, колечко черненого серебра и золотая цепочка с медальоном, на котором был изображен святой с деревянным посохом.

– Апостол Иуда Фаддей, – сказала женщина.

Пендергаст покрутил медальон в руке:

– Святой покровитель проигранных дел.

– Элиза носила его с первого года в колледже. Почему – так нам и не объяснила. – Голос миссис Бакстер стал тихим и странным. – Я каждый день спрашиваю себя, почему она это сделала. Каждый день. Но ответа так и не получила. – Она всхлипнула. – Столько всего на свете, для чего она могла бы жить.

Пендергаст посмотрел на нее.

– Я знаю, вы все еще скорбите, – вполголоса произнес он. – И думаете, что должны были быть какие-то признаки или подсказки, которых вы с мужем не заметили. Но хотя это очень трудно, вы должны понять, что с подобными самоубийствами, произошедшими без всякой видимой причины, разобраться сложнее всего, ведь никто не объяснит, почему так случилось, это неподвластно пониманию. Чего вы ни в коем случае не должны делать, так это винить себя.

Пока он говорил, женщина внимательно смотрела на него. Потом внезапно шагнула вперед и обеими руками обхватила руку Пендергаста, сжав его пальцы на медальоне.

– Возьмите его, – сказала она.

Пендергаст вопросительно посмотрел на нее:

– Миссис Бакстер, я…

Она резким жестом заставила его замолчать:

– Пожалуйста. Мне кажется, вы – тот, кто кое-что знает о проигранных делах.

После этого она развернулась и последовала вниз по лестнице за своим мужем.

Пендергаст несколько секунд стоял неподвижно, потом спрятал медальон в карман пиджака и тут же вытащил пару латексных перчаток. Он положил на прежнее место пакет с вещами Элизы и начал быстро

двигаться по комнате, исследуя всякие мелочи, парфюмерию, книги в небольшом шкафу. Как и сказала мать Элизы Бакстер, полицейские тут уже побывали – он видел сбивающие с толку отпечатки их обуви на полу, потревоженную пыль на письменном столе. Это раздражало (даже по прошествии стольких лет он бы предпочел войти в комнату в ее нетронутом состоянии), но было ожидаемо. Снизу донесся звук дверного звонка. Пендергаст начал выдвигать ящики один за другим – комод, ночная тумбочка, трюмо, – быстро просматривая их содержимое и стараясь ничего не нарушить.

Снова звук шагов на лестнице, на сей раз более тихих. Пендергаст снял перчатки и сунул их в карман за секунду до того, как агент Колдмун – в темно-сером костюме – появился в дверном проеме. Он немного запыхался, на висках выступили капельки пота. Вместе с ним в комнату вплыл запах, незнакомый Пендергасту, какая-то смесь паленой кошачьей шерсти и масляной кислоты.

– Агент Колдмун, – сказал Пендергаст, делая шаг вперед. – Как я вижу, сегодня вы одеты. Очень рад видеть вас снова.

– И я рад, – ответил Колдмун, пожимая протянутую руку. – Хотя и надеялся встретиться с вами раньше.

– То есть на шестичасовом рейсе из Ла Гуардиа? Да. Ну, с учетом характера расследуемого дела я решил прилететь сюда без задержки и купил билет на вторую половину вчерашнего дня. – Пендергаст снова потянул носом воздух. – Я прошу прощения, не сочтите за грубость, но что это за необычный запах?

– Какой запах?

– Не знаю. Запах, который может остаться на одежде того, кто, скажем, прошел по дурнопахнущему нефтеперерабатывающему заводу.

– Я никаких запахов не чувствую, – холодно ответил Колдмун. – А теперь не будете ли вы добры ввести меня в курс дела?

– О, конечно. Фелиция Монтера, двадцати девяти лет, убита вчера приблизительно в четыре утра, вероятно во время пробежки трусцой перед работой – она работала медсестрой в медицинском комплексе «Маунт-Синай», и ее смена начиналась в шесть. Тело было спрятано в кустах неподалеку от прогулочного бульвара Майами-Бич, а несколько часов спустя его обнаружила пара, приехавшая провести здесь медовый месяц. На месте преступления почти никаких улик не обнаружено. Местная полиция уже допросила множество людей – сотрудников отеля, мусорщиков, жителей близлежащих домов, отдыхающих, – но пока

никаких свидетелей не обнаружилось, и никто ничего не слышал, ни борьбы, ни крика. Миз Монтера недавно порвала со своим бойфрендом, но его не было в городе во время убийства.

– Вы видели тело?

Пендергаст кивнул:

– Первым делом с утра. На теле тоже никаких улик. Горло перерезано ножом, потом одним ударом топорика расколота грудина. Никаких признаков изнасилования или домогательств – все было проделано очень быстро. Кажется, у жертвы ничего не взято… кроме сердца, конечно. За исключением записки на могиле Элизы Бакстер и упоминания в ней о каком-то даре, никаких других мотивов убийства миз Монтеры не выявлено. Обнаружено несколько следов сандалий в крови, уходящих от места убийства, но ввиду преобладания в здешних местах подобного рода обуви у полиции мало надежды на поиски в этом направлении.

– Насколько профессиональной была работа ножом и топориком?

– Топорик свидетельствовал скорее о решительности, чем о каком-либо анатомическом или хирургическом опыте. Удар пришелся чуть в сторону от центра грудины. С другой стороны, рана на шее свидетельствует либо о высокой квалификации, либо об удаче – сонная артерия аккуратно перерезана, отчего жертва быстро истекла кровью.

Колдмун неторопливо кивнул:

– Есть какие-нибудь версии?

– Нет.

Молчание затянулось. Наконец Колдмун снова заговорил своим монотонным голосом:

– А как насчет связи между жертвой и самоубийством той, на чьей могиле оказалось сердце?

– Я не нашел никакой связи. Ни общих знакомых, ни общих интересов, ни рабочих, ни личных отношений. Возможно, жертву выбрали случайно. И потом, эта странная литературная отсылка в записке.

Пендергаст сделал паузу, но Колдмун не задал ожидаемого вопроса. Вместо этого он сказал:

– В записке также говорится о том, что другие тоже ждут даров.

Глаза у него оказались не карие, а скорее золотисто-зеленые. Пендергаст обратил внимание, что они блуждают по комнате, как у скучающего школьника.

– И это предполагает, что здесь имеется какая-то связь. – Пендергаст помолчал. – А значит, часы тикают и нам нужно заниматься делом. Поэтому я предлагаю разделиться и вести следствие в разных направлениях.

– Разделиться?

– Вы, например, могли бы расследовать обстоятельства смерти Монтеры – там еще много чего нужно выяснить, – а я займусь самоубийством Бакстер.

– Иными словами, я должен идти туда, где вы уже побывали.

– Вовсе нет, я только на минуту заглянул на место преступления. А нужно еще многое узнать о жизни миз Монтеры, о ее прошлом, ее знакомых, поговорить с ее экс-бойфрендом. Не исключено, что самую черную работу полиция для вас уже проделала. К тому же мне будет полезно увидеть все вашими глазами.

Глаза Колдмуна перестали обшаривать комнату и снова остановились на Пендергасте.

– Я бы предпочел работать рядом с вами.

Пендергаст посмотрел на него с изумлением:

– Это было бы неразумной тратой сил.

– Мы напарники, и у нас есть приказ работать совместно. Кстати, о приказах. Ответственный заместитель директора Пикетт попросил меня передать вам служебную записку.

Он вытащил из кармана и протянул Пендергасту запечатанный конверт, сложенный и слегка помятый.

Пендергаст молча взял конверт, вскрыл его и достал изнутри лист бумаги.

«СА Пендергасту:

В соответствии с моим вчерашним приказом вы должны тесно и непосредственно сотрудничать с агентом А. Б. Колдмуном, посвящать его лично во все направления следствия, куда бы они ни вели, осведомлять его обо всех ваших выводах или предположениях, вытекающих из данных следствия. Любое отклонение от этой схемы работы будет рассматриваться как неподчинение.

ОЗД Пикетт.

Нью-йоркское отделение»

Пендергаст с непроницаемым лицом аккуратно сложил записку, поместил обратно в конверт и спрятал в карман своего черного пиджака.

6

Когда они вместе вышли из дома, Колдмун спросил:

– Как вы добрались сюда? Взяли машину напрокат?

Пендергаст показал на белый седан, припаркованный перед домом:

– Увы, да. Мне очень повезло, что вы появились именно сейчас: здесь сумасшедшее движение на дорогах и улицы петляют чисто по-кафкиански. Есть одно место, где мы должны быть через сорок пять минут, а я такой неважный водитель – уверен, что у вас это получится гораздо лучше, чем у меня. Вы не будете возражать? К тому же ваша машина, на мой вкус, гораздо лучше. – Он кивнул в сторону помятого «Мустанга-Шелби ГТ500», припаркованного Колдмуном у тротуара.

– Я пытался реквизировать у местного отделения какую-нибудь обычную машину, меня отправили в Управление по борьбе с наркотиками и, после того как я исписал тонну бумаги, выдали мне эту конфискованную тачку. Сказали, что лучше у них ничего нет. Не уверен, услуга это или шутка.

– Возможно, они предполагали, что она будет незаметна на фоне окружающей среды.

Колдмун посмотрел на арендованный «ниссан». Было похоже, что Пендергаст собирается его здесь бросить. Колдмун пожал плечами и прошел к водительской двери «мустанга». Пендергаст по привычке пошел было к задней двери, но увидел, что у машины нет задней двери, и открыл пассажирскую.

– Куда? – спросил Колдмун.

– На кладбище Бейсайд, пожалуйста. Бал-Харбор.

Пока Колдмун заводил данные в навигатор своего телефона, Пендергаст расположился как можно удобнее на пассажирском сиденье. Потом, громко потянув носом воздух, спросил:

– Вы не возражаете, если мы откроем окна? Кондиционер раздражает мои носовые каналы.

– Не возражаю.

– Спасибо. – Пендергаст опустил стекло. – Поскольку мы напарники, – продолжил он, – думаю, предпочтительнее обращаться друг к другу по имени. Меня зовут…

– Колдмун будет в самый раз, – ответил тот, отъезжая от тротуара.

– Отлично. Конечно, – сказал Пендергаст.

«Мустанг» ехал, как машина с низкой подвеской, его двигатель не урчал, а ревел, и каждая выбоина или горб, по которым они проезжали, казалось, увеличивалась в сотню раз. По дороге Пендергаст вводил напарника в курс расследования, проведенного местной полицией. Он связался с неким лейтенантом Сандовалом, главой убойного отдела, и тот уже предоставил ему целую стопку документов по убийству Монтеры с данными новых лабораторных исследований. Убийство казалось случайным и поспешным, но modus operandi[5] был ненормальным: мгновенное нападение указывало на спонтанный характер убийства, однако то, что убийца великолепно владел собой, и отсутствие каких бы то ни было улик наводило на мысль о противоположном.

Колдмун обнаружил, что описание Пендергастом здешнего уличного движения тоже соответствовало действительности. Ему удавалось избегать худших заторов благодаря онлайн-навигатору, советовавшему оставаться на 1-й магистрали, но, когда они пересекли береговой канал и оказались на острове, пробки стали неизбежным кошмаром из-за служебных машин, припаркованных в три ряда перед отелями первой линии, безбашенных туристов и пожилых водителей, которым давно уже не стоило садиться за руль. Для того чтобы добраться до кладбища Бейсайд, потребовались все сорок пять минут, отведенных Пендергастом.

Наконец Колдмун свернул с Коллинз-авеню и направился на запад. Кладбище Бейсайд оказалось маленьким и относительно тихим: чуть

более десятка акров пальм, магнолий и мексиканской лаванды и ряды аккуратно выстроенных надгробий в кружевной тени под деревьями. Колдмун проехал внутрь через ворота и припарковался на маленькой площадке, окруженной белыми райскими птицами. На парковке стояло еще несколько машин, некоторые из них служебные.

Пендергаст вышел из машины и кивнул полицейскому, который сидел в одной из машин и с любопытством смотрел на «шелби». А потом, вместо того чтобы сразу отправиться к могиле, на которую положили сердце Монтеры (Колдмун видел ее вдалеке как большой квадрат желтизны), Пендергаст отправился в казавшуюся беспорядочной прогулку по кладбищу, останавливаясь то тут, то там, оглядывая окрестности или изучая что-то в траве. Колдмун молча следовал за ним. Пендергаст проходил мимо надгробий в своем черном костюме, приветственно кивая посетителям кладбища, словно представитель компании ритуальных услуг, и неуклонно продвигаясь к небольшому сараю с инструментами кладбищенских смотрителей. Он обошел его сзади, по-прежнему оглядываясь как бы невзначай, потом продолжил прогулку. Наконец он направился к могиле Элизы Бакстер. Теперь, когда они подошли ближе, Колдмун увидел небольшую группу людей, собравшихся у полицейской ленты. Их было пятеро, они выглядели смущенными и недоумевающими. По одежде и поведению они казались местными: Колдмун уже научился отличать туристов от местных жителей. По другую сторону ленты стояли двое полицейских в форме и разговаривали вполголоса, время от времени поглядывая на группу.

– Доброе утро, – сказал Пендергаст собравшимся. – Я специальный агент Пендергаст, а это мой коллега, специальный агент Колдмун. Спасибо, что пришли.

В ответ кивки, топтание на месте. По языку их тела Колдмун определил, что они не знакомы друг с другом; эти люди явно не ожидали, что станут частью какой-то группы.

– Причина, по которой я вас пригласил, – если не говорить о предоставленной вам возможности отдать дань уважения миз Бакстер, – состоит в том, что, не считая родителей, вы знали ее лучше, чем кто бы то ни было. Я хотел узнать, есть ли у вас какие-то мысли, почему ее могилу… э-э… выбрали для подобного дела, а также услышать ваше мнение насчет того, почему миз Бакстер решила уйти из жизни.

Он повернулся к ближайшей к нему персоне – дородной женщине средних лет в цветастом платье, со светлыми мелированными волосами:

– Не могли бы вы представиться, мадам?

Женщина оглядела других:

– Меня зовут Клер Хангерфорд.

– Откуда вы знаете миз Бакстер?

– Я работала с ней в компании по продаже недвижимости «Солнце и берег».

– Спасибо, – сказал Пендергаст. Его голос был буквально пропитан бальзамом южного аристократизма и обаяния. – И как вы познакомились?

– Мы обе специализировались на недвижимости в Корал-Гейблс. Я до сих пор работаю по этому направлению. На протяжении ряда лет мы получали за нашу работу «Серебряную пальму».

– «Серебряную пальму»?

– Это такая награда от фирмы агентам, добившимся наибольшего увеличения продаж.

– Понятно. Именно поэтому вас двоих отправили на конференцию в Мэн?

Женщина кивнула.

– Может быть, вы попытаетесь вспомнить, каково было душевное состояние Элизы Бакстер во время конференции?

Женщина нервно пригладила волосы:

– Даже не знаю, что сказать. Элиза была такой же, как всегда.

– То есть не делала ничего необычного? Не была какой-то особенно молчаливой или расстроенной?

– Нет. Но она вообще не отличалась разговорчивостью. Я вот о чем: я с ней два года проработала, но так толком ее и не узнала. Она никогда не была, что называется, душой компании, хотя…

– Да? – заинтересованно проговорил Пендергаст.

– Понимаете… я думаю, она тем вечером выпила многовато.

– Почему вы так думаете?

– Она рано ушла с банкета. Еще до последней презентации. Она сказала мне несколько слов, когда уходила, и я заметила, что походка у нее слегка неуверенная.

– Что конкретно она вам сказала?

Женщина моргнула, услышав вопрос:

– Она спросила, не хочу ли я вместе с ней съездить утром на автобусе в «Л. Л. Бин»[6].

– Понятно. И тогда вы видели ее в последний раз?

– Да.

Три следующих опроса прошли на такой же манер. Женщина, делившая с Элизой комнату во время учебы в колледже; подружка детства, жившая по соседству; мужчина, с которым она часто танцевала в студии «Артур Мюррей»[7]. У всех них, как отметил Колдмун, сохранились относительно туманные и ничем не примечательные воспоминания об Элизе Бакстер: приятная молодая женщина, с претензиями, но сдержанная. Ничто в ее поведении не указывало на суицидальные наклонности, но ничто их и не исключало.

Наконец Пендергаст многословно поблагодарил всех и пожелал хорошего дня. Когда группа начала расходиться, он поднял руку, останавливая пятого человека, который до этой поры не произнес ни слова: мужчину лет шестидесяти, немного более неопрятного, чем остальные, в видавшей виды панаме, белой футболке и выцветших зеленых штанах.

– Карл Уэлтер? – спросил Пендергаст.

– Да, – ответил человек.

Голос его звучал сипло, свидетельствуя о многолетней привычке курить сигареты без фильтра.

– Вы знаете, почему я попросил вас прийти?

Человек несколько раз перевел взгляд с Пендергаста на Колдмуна и обратно, после чего сказал:

– Я эту мертвую знать не знал.

– Не знали. Но вы работаете здесь смотрителем, и как раз во время вашей смены – с полуночи до восьми утра – на ее могиле был оставлен тот предмет.

– Я уже говорил с полицейскими. Два раза.

– Я ознакомился с вашими показаниями. Вы сказали им… – Пендергаст достал из кармана что-то похожее на официальный документ и сверился с ним. – Вы сказали, что находились близ сарая с инструментом, точили ножи газонокосилки, когда услышали скрежет металла, словно кто-то открыл калитку. Это произошло… – еще одно демонстративное заглядывание в документ, – между двумя и двумя пятнадцатью ночи. Вы, естественно, стали выяснять, что случилось, но стояла темная ночь, тучи закрыли луну, калитка оказалась запертой, и, короче говоря, вы не обнаружили ничего необычного.

– Именно так я им и сказал, – с легким вызовом ответил человек, кивая, чтобы придать больший вес своим словам.

– И солгали, – заметил Пендергаст все тем же масляным голосом.

– Какого черта… – прохрипел человек и замолчал.

– Прозрачная ложь, легко разоблачаемая. Я удивлен, что власти не пришли к вам в третий раз. Но, мистер Уэлтер, если вы будете честны со мной, я обещаю, что мы все закроем глаза на вашу опрометчивость.

Человек открыл было рот, собираясь возразить, но Пендергаст сложил бумагу, убрал ее в карман и продолжил:

– Пожалуйста, не тратьте время на возражения. Я поднял этот вопрос только для порядка, чтобы убедиться, что на этом кладбище больше нечего искать. Предмет, о котором идет речь, не был оставлен на могиле Элизы Бакстер в два часа ночи по той простой причине, что в то время он еще находился в груди его владелицы. Миз Монтеру убили после четырех часов. – Он помолчал, наблюдая за реакцией смотрителя. – Хотелось бы все-таки узнать, почему вы солгали.

Взгляд смотрителя беспокойно заметался между агентами.

Пендергаст намеренно продлевал многозначительное молчание. Но когда он набрал в грудь воздуха, собираясь заговорить, внезапно вмешался Колдмун.

– Вы просто отсыпались, – сказал он смотрителю.

Оба – Уэлтер и агент Пендергаст – уставились на него.

Колдмун продолжил:

– Ваша смена началась в полночь. Если взять в расчет две упаковки по шесть банок «Пабст блу риббон», которые вы выпили, то к середине смены содержание алкоголя у вас в крови достигло приблизительно два промилле, то есть вы были в таком состоянии, что не заметили бы никакого беспорядка и уж точно не стали бы ничего проверять.

– Вы… – снова начал было смотритель, но и на этот раз не нашелся что сказать.

– На самом деле вы солгали, будто слышали что-то, так как не хотели, чтобы администрация узнала о вашей привычке выпивать на работе. Это так?

Никто не шелохнулся.

– Просто кивните, если я прав, мистер Уэлтер, – сказал Колдмун. – Одного раза будет достаточно.

Мгновение спустя смотритель едва заметно кивнул.

– Отлично, – сказал Колдмун и посмотрел на Пендергаста. – Вы хотите спросить что-то еще?

– Нет, спасибо, – ответил Пендергаст.

В полном молчании они поехали на юг. Когда миновали Норт-Бич, Колдмун наконец спросил:

– Где вы остановились?

– В «Фонтенбло». А вы?

– В «Холидей Инн».

– Примите мои соболезнования.

– Тогда я должен спросить: Бюро принимает ваши чеки?..

– Нет, не принимает. Насколько я понимаю, ваш отель дальше моего, поэтому, пожалуйста, высадите меня. Я попрошу лейтенанта Сандовала прислать еще одну копию дела – для вас – и новые данные лабораторных анализов. Мы сможем вернуться к ним сегодня попозже. Вас устраивает?

– Безусловно.

Еще минуты через две Колдмун почувствовал, что бледные глаза Пендергаста остановились на нем.

– Вы знаете, почему я попросил тех людей собраться группой, а не по отдельности, да еще и на могиле?

– Нет.

– Мм… – Пендергаст откинулся на спинку сиденья.

– Но если бы *я* готовил подобное собрание, – сказал Колдмун, – то сделал бы это по двум причинам. Во-первых, чтобы лишить их душевного спокойствия, вынуждая их давать показания в присутствии свидетелей и к тому же у могилы старого друга. Такие вещи пробуждают в людях суеверия – они остерегаются лгать о друге над его могилой. И во-вторых, чтобы не тратить на их расспросы больше времени, чем необходимо, если бы я понял, что им нечего добавить к расследованию.

– Превосходно, – заметил Пендергаст и погрузился в молчание приблизительно на милю, прежде чем снова заговорить. – А как вы узнали, что смотритель, как вы выразились, «отсыпался»?

– Точно так же, как и вы: за его будкой лежало двенадцать пустых банок. После убийства началась суматоха, у смотрителя не было возможности избавиться от них, и он просто сунул их туда в надежде, что никто не заметит. И решил поднапустить для копов туману, якобы он бодрствовал.

С пассажирского сиденья не донеслось ни звука.

– Вы ведь тоже так узнали, да? – спросил Колдмун.

– А, вот мы и приехали! – неожиданно воскликнул Пендергаст, когда показалась обширная парковка для прибывающих к «Фонтенбло» автомобилей.

Колдмун остановился, и Пендергаст вышел из машины.

– Скажем, в три часа у бассейна? – спросил он.

– Отлично.

Пендергаст закрыл дверь. Потом подошел к водительской двери и оперся локтем о крышу.

– Насчет тех пустых пивных банок, – сказал он, чуть наклонившись. – Похоже, ваш рыскающий глаз указывает на внимание к деталям, а не на отсутствие интереса. Как мне повезло!

– Что… – начал было Колдмун.

Но Пендергаст уже отвернулся и, не сказав больше ни слова, исчез среди людей, толкущихся у входа в отель.

7

В четверть четвертого агент Алоизий Пендергаст сидел в отдельной кабинке под похожей на запятую громадной тенью Замковой башни «Фонтенбло». Стенки кабинки из тонкого полотна были опущены, и Пендергаст мог видеть пальмовые деревья и загорающих только в направлении океана. Но никакие виды его не интересовали, и, хотя его шезлонг был повернут к свету, глаза Пендергаста были закрыты и отчасти спрятаны под панамой «монтекристо» исключительно тонкого плетения.

Снаружи до него донесся шорох, потом появился официант.

– Сэр? – сказал официант, перекрывая своим голосом гул разговоров вокруг.

Пендергаст открыл глаза.

– Извините за беспокойство. Не хотите ли еще джулепа?

– Спасибо. Только попросите бармена на сей раз взять за основу «Вудфорд резерв» и сахара добавить поменьше, а мяты побольше.

– Сэр. – Официант исчез.

Пендергаст поднял руку и опустил край шляпы немного ниже, а потом опять застыл в неподвижности. Его обычный черный костюм сменился на белый льняной. Пендергаст полулежал, небрежно положив ногу на ногу, и металлические пряжки на легких туфлях крокодиловой кожи отливали на солнце золотом.

Он оставался неподвижен, пока официант заменял ему стакан. Он не шевелился, когда время от времени раздавались крики и вопли из бассейнов вокруг него. Но когда одна конкретная тень легла на стенку его кабинки, он открыл глаза.

– Агент Колдмун, – сказал он. – Как я рад снова вас видеть.

Колдмун, появившийся у открытой части кабинки, кивнул.

– Прошу, садитесь. Не хотите ли?.. – Пендергаст плавным жестом указал на маленький поднос с финиками, начиненными козьим сыром и завернутыми в тонкие, хрустящие ломтики бекона.

Колдмун вошел в кабинку и неловко уселся на край шезлонга:

– Нет, спасибо.

Пендергаст помахал проходящему мимо официанту:

– Тогда что-нибудь выпить?

– Не сейчас.

Колдмун тоже переоделся – в выцветшие джинсы, кожаный пояс с литой пряжкой навахо, поношенные ковбойские сапоги и джинсовую рубашку с длинным рукавом. Под мышкой у него была зажата пачка бумаг.

– А, – сказал Пендергаст, показывая на бумаги. – Домашняя работа.

Колдмун ничего не ответил.

Пендергаст взял финик и изящным движением послал себе в рот.

– Мне вот что любопытно. У вас есть какие-нибудь, как вы выразились сегодня утром, версии?

Колдмун положил папку на шезлонг:

– Вскрытие не добавило ничего нового. Результаты токсикологической экспертизы будут готовы через какое-то время, но вряд ли мы найдем там что-нибудь полезное. Проверка прошлого и первоначальные опросы не выявили ничего настораживающего, никаких заинтересованных лиц, у которых были бы причины убивать ее.

Пендергаст кивнул.

– В общем, все как вы и сказали, – продолжил Колдмун. – На первый взгляд убийство Монтеры указывает на признаки как организованного, так и дезорганизованного поведения.

– Занятно, правда?

Колдмун вытянул губы:

– С одной стороны, случившееся выглядит как случайное, импульсивное действие социопата. А с другой – место преступления тщательно зачищено, на нем нет никаких полезных улик, кроме тех, что преступник оставил для нас намеренно.

Поблизости раздался вскрик, за ним – всплеск воды и смех, а потом быстрый взрыв итальянской речи. Пендергаст с интересом отметил, что Колдмун обладает необыкновенной непроницаемостью. Он неподвижно сидел на краешке шезлонга, словно исполнившись решимости противиться его комфорту. Как обычно, его зеленые глаза не задерживались на одном месте.

– Почему «на первый взгляд»?

– Потому что социопаты не испытывают сожаления. Их определяющая характеристика – полное отсутствие сочувствия к другим людям. Тут есть противоречие.

– В чем?

– В записке на могиле.

– Acta est fabula, plaudite![8] – продекламировал Пендергаст. – Именно это меня и беспокоит. Зачем социопату убивать кого-то случайного, с такой впечатляющей жестокостью, для того чтобы оставить подарок на могиле с запиской, исполненной печали и покаяния? И как он сделал свой выбор, агент Колдмун? Убить миз Монтеру там, где он ее убил, означало, что ему предстояло доставить ее сердце в место, отстоящее от места убийства на десять миль, и в условиях дефицита времени. Почему бы не поискать жертву где-нибудь поближе?

– Возможно, он играет с нами. Записка и даже могила могут быть для отвода глаз.

– Да. И поэтому мы должны отправиться в Мэн.

Колдмун поднял брови. На его бесстрастном лице даже скупое движение говорило о многом.

– Так. Кажется, вы хотите возразить?

Ответ Колдмуна, прозвучавший не сразу, был тщательно обдуман.

– Расследование самоубийства Элизы Бакстер – насколько я понимаю, такова ваша идея – в данный момент не представляется мне необходимым.

– Но посмотрите: свидетельства, полученные по результатам расследования убийства миз Монтеры, никуда нас не привели.

– Однако они продолжают поступать. Преступлению всего тридцать шесть часов.

– Тем больше оснований поспешить. Дело не может ждать еще тридцать шесть часов, когда полиция Майами-Бич получит данные лабораторных анализов. Вскоре могут произойти новые убийства.

– При всем уважении, агент Пендергаст, Бюро не расследует такие дела подобным образом. Преступление было совершено здесь. Здесь мы и должны искать убийцу, в особенности если он может нанести новый удар.

Пендергаст несколько секунд молчал, потом задумчиво глотнул своего мятного джулепа.

– Я опасался, что вы это скажете. Но есть огромная разница между *поисками* убийцы и его *обнаружением*. Кто знает, где убийца проявится снова? Следующий удар, если он состоится, вполне может быть нанесен на Аляске. Нет, лучшее место, чтобы взять его след, – оно там, где все начиналось, где покончила с собой Элиза Бакстер. В поисках истоков нашего Нила мы должны уподобиться Дэвиду Ливингстону[9].

– Отличная метафора. Но даже если я соглашусь с вами, тут есть одна проблема.

Агент Пендергаст распрямил ноги:

– Я полагаю, вы говорите о нашем друге Пикетте.

Колдмун кивнул.

– Простите меня, но я не привык ходить на поводке. – Пендергаст пригубил еще джулепа. – Скажем, это было просто предложение. Может быть, вам стоит позвонить ему и получить отказ немедленно. Потому что позднее это испортит мне аппетит перед обедом.

Колдмун несколько мгновений оглядывал интерьер кабинки, потом достал телефон, набрал номер и включил негромко динамик.

После третьего гудка раздался ответ:

– Пикетт слушает.

– Сэр, это специальный агент Колдмун. Наш разговор слышит специальный агент Пендергаст.

– Отлично. Есть какой-нибудь прогресс?

Колдмун не стал тратить время попусту:

– Сэр, агент Пендергаст считает, что мы должны отправиться в Мэн.

– В Мэн? На кой черт?

Одним гибким движением Пендергаст скинул ноги с шезлонга.

– Сэр, – сказал он, наклонившись к телефону, – я считаю, что местные власти хорошо ведут следствие, а я бы хотел исследовать связь между двумя этими женщинами.

– Связь? Судя по тому, что я видел, убийца выбрал ту могилу случайно.

– Как мы можем быть в этом уверены?

– А какая между ними может быть связь? – нетерпеливо спросил Пикетт.

– Мы пока не знаем. Я подал запрос на эксгумацию тела миз Бакстер, но ее родители возражают. И…

– И я не удивлен. Вы на что намекаете: что она не кончала с собой? Что ее убили? Это ваша «связь»?

– Как я и сказал, ответ может дать только эксгумация.

– Вам вполне хватит отчета патологоанатома и первичного вскрытия. Перестаньте сосредоточиваться на этом самоубийстве и забудьте идею об эксгумации. Вы должны расследовать убийство, которое произошло в Майами. Вы уже говорили с родственниками погибшей… как ее, Монтойя?

– Монтера. Нет, не говорили. Но и я, и агент Колдмун читали расшифровку их беседы с местной полицией, и они…

– Откровенно говоря, агент Пендергаст, именно подобных опрометчивых действий я и опасался. Вроде чартера частного джета, чтобы прибыть в Майами на двенадцать часов раньше.

Пауза. Пендергаст ничего не ответил.

– Даже если допустить вашу правоту, ваш приоритет явно в том, чтобы расследовать свежее убийство, а не самоубийство десятилетней давности в полутора тысячах миль от Майами. Я не могу утвердить вашу командировку в Мэн. Вы можете запросить в Мэне все необходимые материалы. Если найдете что-то, тогда летите.

– Материалы, которые есть в Мэне, скорее всего, бесполезны...

– Агент Пендергаст, это расследование будет вестись по правилам. А теперь...

– Сэр, – вмешался Колдмун. – Я согласен с агентом Пендергастом.

После секундной паузы голос из Нью-Йорка сказал:

– Согласны?

– Полиция Майами-Бич, похоже, тщательно ведет следствие и имеет всю необходимую поддержку полиции Майами. Тут есть окно возможностей. Думаю, мы должны им воспользоваться и проверить эту версию.

– Но я уже сказал – выбор жертвы и могилы мог быть сделан случайно.

– Я согласен с тем, что одна из двух составляющих может быть случайной, – сказал Колдмун. – Но сомневаюсь, что случайны обе. Похоже, письмо адресовано именно Бакстер.

Следующая пауза стала еще длиннее.

– Отправляйтесь с самого утра, – хрипловато произнес Пикетт. – И коммерческим транспортом. Но перед этим вы должны *лично* побеседовать с семьей Монтеры.

– Ясно, сэр.

– И еще, агент Колдмун. Я не хочу, чтобы вы торчали в Мэне дольше двадцати четырех часов, прежде чем сядете на самолет до Флориды.

Раздался щелчок, и телефон отключился.

Пендергаст медленно поднял глаза на Колдмуна:

– Я думал, что вы не согласны с моим предложением.

– А кто говорит, что я согласен?

– Тогда почему?..

– Я заодно с моим напарником.

– Агент Колдмун, я уверен, в вас есть неожиданная глубина.

Колдмун пожал плечами. Потом поднял руку, останавливая проходящего официанта:

– Принесите мне бутылочку «Грейн Белт», пожалуйста. Комнатной температуры, не охлажденное. – Он откинулся на спинку шезлонга и переплел пальцы. – Поскольку предполагается, что мы сейчас не при исполнении, я, пожалуй, выпью.

8

– No puedo dormir[10], – сказала миссис Монтера, промокая глаза рваным носовым платком.

Она промокала глаза практически ежеминутно, с тех пор как Колдмун появился в маленькой квартире на Юго-Западной Одиннадцатой улице часом ранее, когда солнце начало погружаться в розовую дымку. Теперь все сидели за видавшим виды кухонным столом: Колдмун, плотно сложенная миссис Монтера и двое ее оставшихся детей – Николас и Арасела.

Хотя Колдмуна иногда принимали за испанца, он не знал испанского языка, а еще меньше знал о кубинской культуре в Майами. Он почувствовал облегчение, когда, несмотря на армию детективов, прошедших сегодня через эту квартиру до него, Монтера приветствовали его, терпеливо ответили на вопросы и предложили накормить обедом. Он отказался раз, второй, но в конечном счете позволил подать ему конгри и тамале[11].

Он никогда не бывал в квартирах, выкрашенных в такие яркие тона и с таким изобилием распятий и всевозможных статуэток. В сравнении с этой квартирой дом его детства казался монохромным. Квартирка, несмотря на тесноту, имела ухоженный вид, и Колдмун чувствовал гордость в каждой малейшей детали: в том, как на полке над столом расставлены сковородки, в безукоризненной коллекции выцветших фотографий родни, давно уже ушедшей в мир иной. Родители миссис Монтеры, старые и слабые, оба спали в задней комнате, изнуренные скорбью, и Колдмуну не хватило духа потревожить их: его воспитали в традиции тиоспайе индейцев оглала[12], и он не хотел навязывать себя большой семье Фелиции Монтеры. К тому же он знал, что им нечего ему сказать.

К сожалению, никто из них не мог сообщить ему почти ничего нового. Семья уже ответила на все те же вопросы, заданные им полицией, но они терпеливо пережевывали известные факты. Николас работал механиком в автомастерской неподалеку, а Арасела, потерявшая место бухгалтера, когда закрылся магазинчик, в котором она работала прежде, приносила деньги в семью, подрабатывая в качестве няни. Фелиция, самая честолюбивая из всех детей, работала дипломированной медицинской сестрой и уже прослушала необходимый курс для перевода ее в фельдшеры. Хотя у нее оставались друзья на Кубе, немало близких людей появилось у нее и в Майами; бо́льшую часть времени она проводила на работе в больнице или за учебой. Несколько остающихся свободных часов посвящала семье или бойфренду Лансу, пока они не расстались.

Когда заговорили о Лансе, атмосфера за столом сгустилась. Николас что-то пробормотал по-испански себе под нос.

Несмотря на откровенно враждебное отношение семьи к Лансу, они о нем почти ничего не знали. Фелиция явно не посвящала родню в детали своих отношений с парнем, а в дом она привела его только раз, и неприязнь проявилась сразу же, так что приглашать его во второй раз она и не пыталась. Они познакомились с Лансом полгода назад неподалеку от «Маунт-Синая», в клубе, где он работал «дверным», иначе – вышибалой. Два месяца назад его выгнали, а еще через две недели Фелиция с ним рассталась. И опять она не стала вдаваться в подробности, хотя и упомянула какие-то денежные проблемы, но Николас считал, что ее больше всего отпугнул нрав Ланса.

– Он заходил, – рассказывал Николас, пока мыл посуду. – Деньги – всегда деньги. Иногда просил дать ему в долг немного, иногда просил вернуть долг. Даже когда они разбежались, этот comemierda[13] все равно заходил. – Он сплюнул в раковину.

– Вы не знаете, когда они встречались в последний раз? – спросил Колдмун.

– Она мне говорила – недели три-четыре назад. Он ее остановил у больницы.

– Зачем?

– Все то же. Заявил, что она должна ему какие-то деньги. Они поругались, она пригрозила вызвать полицию. – Николас покачал головой.

– Как его фамилия?

– Корбин.

– Корвин, – поправила его сестра.

– Не знаете, чем он теперь занимается?

– Фелиция говорила, устроился работать в другой клуб. Кажется, называется «Эдж».

– Это где?

Николас задумался на секунду.

– На Кейп-Корал.

– Я полагаю, вы все это сказали полицейским?

Николас и Арасела кивнули.

Колдмун встал:

– Спасибо, что еще раз прошли через это со мной. Я вам очень сочувствую, и мы сделаем все возможное, чтобы преступник предстал перед судом.

Миссис Монтера, продолжавшая промокать глаза, попыталась было завернуть несколько тамале, чтобы дать Колдмуну с собой, но он мягко отказался.

– Encuentra al hombre que hizo esto[14], – сказала она, пожимая ему руку.

Выйдя на улицу, Колдмун отыскал «Эдж» в своем смартфоне, позвонил и попросил Ланса Корвина.

– Он сейчас вроде как занят! – проорал голос, перекрикивая грохочущую музыку. – Попробуйте позднее.

– Когда вы закрываетесь?

– В три.

Садясь в «мустанг», Колдмун посмотрел на часы: шел девятый час. В качестве подозреваемого Ланс Корвин выглядел слишком хорошо, чтобы быть правдой; впрочем, исключать его тоже не следовало. Колдмун вспомнил, что Кейп-Корал находится поблизости. Если

повезет, он побеседует с Корвином, снимет с него показания и к девяти вернется в номер своего отеля.

Вечер обещал быть великолепным. Глядя вполглаза, Колдмун ввел в навигатор название клуба, бросил телефон на пассажирское сиденье и тронулся с места. Хотя он не сказал об этом Пендергасту, но его раздражало то, что он не побывал на месте убийства Фелиции Монтеры. Разговор с семьей хотя бы помог ему воссоздать человеческий образ жертвы, а это было очень важно для него и делало трагедию ее смерти еще значительнее.

Направляемый успокаивающим голосом навигатора, Колдмун выехал с переполненных боковых улочек Маленькой Гаваны на главную улицу, интенсивность движения на которой через несколько миль, к счастью, уменьшилась. Задним числом он порадовался тому, что согласился разделить следовательскую ответственность с Пендергастом. Старший агент оставался в своем номере в «Фонтенбло» – обзванивал старых знакомых Элизы Бакстер. Колдмун знал, как работают такие штуки: одно знакомство выводит на другое, другое – на следующее. Пендергаст может провисеть на телефоне полночи, пока Колдмун будет видеть сладкие сны.

Убаюканный своими мыслями, Колдмун заметил какой-то непорядок, только когда навигатор направил его к западному въезду на федеральную трассу I-75. Что за черт? Перед ним тянулось шоссе, разделенное на две части, оно исчезало в полной темноте, и лишь свет фонарей на столбах время от времени разрывал эту монотонность.

Колдмун быстро съехал на обочину, справился со своим смартфоном и испустил ряд особенно сочных лакотских проклятий. Кейп-Корал находился не рядом с Корал-Гейблс или Корал-Спрингс, с которыми Колдмун его перепутал, – нет, его пункт назначения находился чертовски далеко на западном берегу штата, на дальнем конце прямой как стрела ленты шоссе, известного под названием Аллигаторная аллея.

Аллигаторная аллея?

– Матерь благая совокупления, – пробормотал Колдмун.

Сто сорок пять миль. По два с половиной часа в каждую сторону.

Он прикинул, не пересечь ли ему разделительную полосу, чтобы вернуться в свой отель. Но тут же понял: из этого ничего не получится. Беседа с бойфрендом была крайне важна, даже если полицейские успели отработать эту площадку. Он уже пообещал Пендергасту, что поговорит с

бойфрендом. И ни в коем случае не мог дать поблажки ни одному подозреваемому, даже если его совесть допускала такое.

Колдмун вздохнул, нажал на газ, вернулся на шоссе и поехал дальше на запад. Прошло несколько минут, и исчезли даже встречные машины, компанию ему составляли лишь высокие фонарные столбы. Справа и слева лежала кромешная тьма. Он позволил стрелке спидометра подняться до восьмидесяти, потом до девяноста, а потом перепрыгнул через сотню. Если его остановит полицейский, то надо надеяться, что коллега по охране закона спустит ему с рук это правонарушение. Если не спустит… что ж, это будет в духе нынешнего вечера.

Было уже пол-одиннадцатого, когда Колдмун припарковал «шелби» на месте для сотрудников «Эдж», прямо перед дверью. Здание «Эдж» показалось ему похожим на заброшенный нефтехимический завод, немного приукрашенный неоном. За бархатной лентой, ведущей к входной двери, ждала очередь, одетая как для вечеринки. По сторонам двери, из которой доносились приглушенные звуки танцевальной музыки, стояли двое громил в джинсах и коже. Настроение Колдмуна после езды по Аллигаторной аллее ничуть не улучшилось.

К окну его машины подошел парковщик:

– Ключи?

– Где Ланс Корвин? – спросил Колдмун.

– Вот он, – ответил парковщик, показывая на одного из мужчин в кожаной жилетке.

– Я хочу с ним поговорить.

Он взял телефон с сиденья, открыл дверь и вышел.

– Сэр, вы не можете оставлять вашу машину…

– Я сказал: передайте ему, что я хочу с ним поговорить.

Но Корвин уже услышал их обмен репликами и направился к ним. Он не слишком-то ласково отодвинул парковщика:

– Ну?

– Ланс Корвин?

– И что?

– Я агент Колдмун, ФБР. – Колдмун прикинул, нужно ли доставать жетон ФБР из заднего кармана, и решил, что не стоит заморачиваться на этот счет. – У меня к вам несколько вопросов о Фелиции Монтере.

Лицо вышибалы посуровело.

– Копы меня об этом уже спрашивали.

– Рад за них. Теперь спрошу я.

– Позапрошлой ночью я работал здесь. Меня миллион народу видел.

– Может быть. Но клуб закрывается в три. А миз Монтеру убили не раньше четырех.

– Корвин! – позвал второй вышибала, махая ему рукой. – Скажи этому козлу, чтобы убрал оттуда машину, и возвращайся сюда!

– Чтобы пересечь штат, нужно потратить час. Вы думаете, у меня крылья есть или что? – вопросил Корвин.

– Может быть, той ночью вы ушли с работы чуть раньше.

Корвин сложил на груди мощные руки.

– Слушайте, – сказал он, – я эту телку не убивал. Ясно? Ответ на вопрос дан. А теперь убирайте отсюда вашу сраную машину.

События прошедшего вечера: чувство утраты в квартире Монтеры, безутешное выражение на лице матери жертвы, утомительная поездка по унылому ландшафту – все это соединилось в одно. Обычно флегматичный Колдмун сделал шаг к Корвину, подошел так близко, что его грудь почти коснулась сложенных на груди рук вышибалы. Он приблизил лицо к лицу Корвина и прошептал:

– Ты сказал «сраная машина»? Про мой «шелби»?

Хотя вышибала превосходил Колдмуна ростом и весил по крайней мере на пятьдесят фунтов больше, инстинкт самосохранения заставил Корвина медленно опустить руки. Но он не отступил.

– Никакой закон не запрещает крепкие словечки, – произнес он неуверенно.

Не сводя взгляда с лица Корвина, Колдмун вытащил свой телефон:

– Пока мы тут решаем, в какой степени применим закон к моей восьмисотпятидесятисильной «суперзмее», я вызову мирового судью и получу ордер. А потом мы поедем в Майами, где проведем вместе остаток ночи в маленькой комнате с очень ярким светом.

– Эй, постойте! У меня есть доказательство. – Корвин наконец отступил и сунул руку в передний карман джинсов. Вытащив какую-то бумагу, он развернул ее и протянул Колдмуну. – Мне это выписали, когда я ехал домой в ночь убийства Фелиции.

Колдмун принялся рассматривать бумажку. Это был вызов в суд в связи с нарушением правил дорожного движения. Позавчерашней ночью Корвина оштрафовала полиция Кейп-Корал за превышение скорости. Время нарушения было обозначено в повестке: 3 часа 50 минут.

Колдмун разглядывал повестку еще несколько секунд, потом сфотографировал ее на свой смартфон. Молча глядя в лицо Корвина, он разжал пальцы и выпустил повестку из рук – бумажка, порхая, упала на туфли вышибалы. И тогда Колдмун вернулся в машину, завел двигатель, тронулся с места и мысленно приготовился к долгой унылой езде в темноте до Майами.

9

Охотничий домик в Катадине располагался не совсем рядом с горой, носившей то же название, что и город. Он находился за много миль от Бакстер-Стейт-парка, на краю бесконечного леса, неподалеку от федеральной трассы. Колдмун с трудом мог себе представить место, более непохожее на Майами-Бич. В Мэне прошедшей зимой выпало много снега, и, хотя уже заканчивался март, всюду еще виднелись снежные наносы; почтовые ящики, дровяные сараи, даже легковушки и трейлеры были всего лишь протуберанцами в снежном покрове. На прочищенных улицах небогатое разнообразие в цветовую гамму вносил песок, придававший снегу зловеще-красный оттенок. Позднее утро здесь напомнило Колдмуну долгие зимы времен его детства в Поркьюпайне, в Южной Дакоте.

Он остановил взятую ими напрокат в аэропорту машину на парковке гостиницы. Площадку расчистили без особого усердия, и большой указатель с названием лишь наполовину виднелся за нанесенными ветром сугробами. На парковке стояли всего три машины. Одна из них – патрульная полицейская.

Агент Пендергаст, сидевший на пассажирском сиденье, отстегнул ремень безопасности:

– Выходим?

Колдмун вышел на морозный воздух: двадцать градусов ниже нуля, не считая ледяного ветра.

Они почти не разговаривали в самолете и еще меньше – по пути из аэропорта. Колдмун сообщил Пендергасту о своих действиях прошлым вечером – предмет, о котором он не хотел особенно распространяться. Пендергаст в свою очередь вкратце описал, как он нашел в районе Майами еще шесть знакомых и коллег Элизы Бакстер. Все, с кем он разговаривал, помнили Элизу как тихую молодую женщину, чье самоубийство стало для всех полной неожиданностью.

Они прошли по скользкой тропинке к входу. Пендергаст был упакован в гигантскую куртку, в которой стал похож на Мишленовского человека[15]. Колдмун опознал эту куртку как «Снежную мантру» от фирмы «Канада гуз», на пуху и с капюшоном, подбитым мехом койота. Она рекламировалась как самая теплая одежда на земле и продавалась по цене от полутора тысяч долларов. Колдмун недоумевал, где в Майами Пендергасту удалось столь быстро приобрести такую. Сам же он чувствовал себя вполне комфортно в купленной двадцать лет назад в «Уолмарте» куртке, лоснящейся и выцветшей, местами заклеенной скотчем.

Словно читая его мысли, Пендергаст повернулся к нему лицом, невидимым в чересчур большом капюшоне:

– Вы человек из холодных краев, я полагаю?[16]

Колдмун пожал плечами.

– Вам точно следует вложиться во что-нибудь подобное. – Пендергаст похлопал себя по светоотражающей груди. – Любимая одежда исследователей Южного полюса. И даже я доволен количеством карманов.

Он открыл дверь, и его окутало облако теплого воздуха, вырвавшегося из помещения. Они вошли в темный вестибюль, в котором все поверхности мебели, даже стол портье, были укрыты полиэтиленовой пленкой. В воздухе пахло опилками и нафталином. Колдмун отметил, что вестибюль довольно большой, но, судя по поцарапанным рамам пейзажей на стенах и слегка потертому ковру, гостиница знавала лучшие дни. Из открытой двери за столом портье доносился тихий гул разговора.

Когда раздался стук захлопнувшейся двери, разговор резко прекратился. Через секунду-другую из двери вышли трое. Первый – грузный человек

лет пятидесяти с большим гаком, в красном свитере на пуговицах и поношенных вельветовых брюках. За ним шла женщина приблизительно того же возраста, костлявая в той же мере, в какой был грузен мужчина. Платье на ней фасоном напоминало одежду горничной. Последним появился полицейский в форме, лысый и очень низкорослый, с картонной папкой в руке.

Мужчина и женщина немного неуверенно улыбнулись новоприбывшим. Полицейский просто кивнул.

– Хорас Янг? – заговорил Пендергаст голосом, приглушенным курткой. – Кэрол Янг? – Он шагнул вперед, снимая массивную рукавицу и протягивая руку. – Я специальный агент Пендергаст, а это мой коллега, специальный агент Колдмун.

Они по очереди пожали протянутую руку. Пендергаст расстегнул молнию на капюшоне, откинул его назад и повернулся к полицейскому:

– А вы?..

– Сержант Уэйнтри, – представился коп. Он посмотрел на Колдмуна. – Вчера днем я разговаривал по телефону с агентом… мм… Колдмуном.

– Спасибо, что без промедления отозвались на нашу просьбу. – Пендергаст оглядел вестибюль. – Я вижу, вы не ждете гостей.

– Используем зиму, чтобы навести здесь порядок, – объяснил Хорас.

Колдмун отметил, что, несмотря на тепло в доме, Пендергаст не расстегнул куртку.

– Давайте не будем тратить ваше время больше чем необходимо, и если вы не возражаете, то позовите остальных, и мы сразу же начнем.

– Больше никого нет, – сказал Хорас.

Пендергаст посмотрел на Колдмуна.

На его безмолвный вопрос ответил сержант Уэйнтри:

– Ваш напарник просил меня собрать всех, кто работал здесь, когда эта женщина, Бакстер, покончила с собой.

– И вы собрали только Янгов? – спросил Пендергаст. – А персонал? Повара и официанты?

– В то время поваром у нас работал Болтон, – ответила женщина. – Он давно уехал, нашел себе новую работу в гостинице в Северной Каролине. Донна и Матти – официантки – обе на пенсии. Уехали куда-то с детьми, больше я ничего о них не знаю.

– Хозяйственный персонал?

Мистер Янг переместил свой вес с одной ноги на другую.

– Уилли умер в позапрошлом году. Рак его доконал.

– Горничные?

– Я была старшей горничной, – ответила женщина. – Потом вышла за мистера Янга. – Она кокетливо улыбнулась.

Колдмун поймал себя на том, что смотрит на ее тощую шею. Почему-то ее шея навевала ему мысли о чайке.

– Бизнес у нас процветает главным образом летом и осенью, – пояснил Янг. – Туристы, орнитологи, любители природы, собиратели гербариев. На зиму и весну мы закрываемся. Трудно держать в штате людей, которые работают только полгода. Мы обычно нанимаем студентов. Они неплохо работают, когда их подучишь. Некоторые работают всего одно лето, другие – по два.

– Да и бизнес немного просел, – подхватила женщина. – Полеты в Европу стоят теперь гроши.

Если Пендергаст и был разочарован тем, что свидетельские показания будут столь скудными, он никак этого не показал.

– Понятно, – сказал он с едва заметной улыбкой. – Если вы не возражаете, давайте начнем с ваших книг.

Янги переглянулись.

– Мы не против. Но к несчастью, регистрационные журналы и бухгалтерские книги сгорели несколько лет назад во время пожара. У нас мало что сохранилось, кроме старых компьютерных файлов. – Он постучал по стопке распечаток.

Пендергаст вскинул брови:

– И что же это был за пожар?

– В кухне загорелся жир на плите. Мы быстро погасили огонь, но старые папки хранились в сарае рядом с кухонной вентиляцией и сгорели.

– А у вас? – обратился Пендергаст к полицейскому.

Тот поднял свою папку:

– Вот здесь все дело. Допросы, фотографии и остальное.

В течение следующего получаса Пендергаст и Колдмун просматривали журналы отеля, какие уж остались, за период в два месяца – по месяцу назад и вперед от даты смерти Элизы Бакстер. Пендергаст снял все страницы на свой телефон. Янги ждали поблизости, отвечая на вопросы, когда возникала необходимость. На их лицах застыла смесь любопытства с легким смущением. Сержант Уэйнтри наблюдал с некоторого расстояния, сложив руки и помалкивая. Колдмуну он казался типичным жителем штата Мэн – островитянин по природе, независимый, неразговорчивый. А кроме всего прочего, он отличался подозрительностью и ершистостью, как ему и полагалось с учетом того, какую тощую папку он принес по делу о самоубийстве. Колдмун знал, что самоубийства расследуются спустя рукава, но даже и по этим меркам полиция сделала самый минимум того, что требовалось, пусть и в таком недоукомплектованном, маленьком отделении.

Пендергаст начал задавать вопросы самим хозяевам. Оба помнили ту ночь, когда умерла Элиза Бакстер, правда лишь в общих чертах. Да и то потому, что случилось самоубийство. Агенты по продаже недвижимости из «Солнца и берега» собрались на обед с вечеринкой в небольшом банкетном зале гостиницы в самом конце сезона. Насколько помнили Янги, гости прекрасно проводили время. Ничего выходящего за рамки не происходило – ни споров, ни громких голосов, разве что случались взрывы хохота. Никто вроде бы не напился. Никто не помнил, чтобы Элиза Бакстер попалась ему на глаза; впрочем, у них не было причин обращать на нее внимание.

А вот что касается следующего утра, то воспоминания о нем у Кэрол Янг остались очень ясные. Именно она, в то время горничная, нашла тело, висевшее на штанге для занавески в ванной. Женщина определенно была уже мертва: глаза открыты, язык высунут. Кэрол взвизгнула и упала в обморок. Ее крик услышали обитатели соседних номеров. Хорасу Янгу, когда он увидел, что Элиза Бакстер мертва, хватило здравого смысла закрыть дверь в номер покойной и ничего не трогать до приезда полиции.

В этот момент в разговор вступил сержант Уэйнтри. Первым отреагировали патрульный полицейский – теперь уже отставник, живет

в Аризоне – и водитель «скорой», который погиб в автокатастрофе несколько месяцев назад. Потом приехала небольшая группа криминалистов, они сняли тело, провели первоначальную судебно-медицинскую оценку, взяли образцы, сделали фотографии – те, что переданы Колдмуну, – а потом передали тело коронеру. Коронера можно увидеть, он больше не практикует, но живет на побережье в городе под названием Бристоль.

– Вы служили в полиции в то время? – спросил Колдмун у Уэйнтри, когда тот открыл полицейскую папку.

Коп кивнул:

– Угу.

– Принимали участие в расследовании?

– Да там и расследовать-то было нечего. Но мы сделали все необходимое.

– Например? – спросил Пендергаст, глядя на папку, которую просматривал Колдмун.

– Никто не видел и не слышал ничего необычного. Мы допросили гостей из близлежащих номеров, персонал, дежуривший в тот день. И нескольких коллег покойной тоже допросили.

– А где записи допросов? – спросил Пендергаст.

– Допросы проводились неформально. Оснований для подозрений кого-либо в чем-либо не имелось. Тут есть резюме.

Пендергаст вытащил листочек бумаги с двумя написанными на нем предложениями:

– Вот такие?

– Да.

Пендергаст бросил листок назад в папку:

– Записи с видеокамер?

– Это ведь Мэн, агент Пендергаст, – сказал мистер Янг, словно это все объясняло.

– Не поступало каких-либо сообщений о приезжих в городе? О чем-нибудь, что могло показаться необычным, не на своем месте?

– Приезжие в городе в такое время года всегда есть, – ответил Уэйнтри. – Пока последний листик не опадет. Но никаких жалоб, драк, сообщений о происшествиях в ту неделю, когда она повесилась, не поступало.

– А место смерти? Какие-нибудь свидетельства необычного или подозрительного характера?

Хозяин и полицейский отрицательно покачали головой.

– И никакой посмертной записки? – спросил Колдмун.

– Никакой, – ответил Уэйнтри.

– А доклад коронера?

– Он в папке.

– Вы имеете в виду ксерокопию текста, напечатанного на машинке? – спросил Колдмун. – Тут даже рентгеновских снимков нет.

– Все как я вам вчера по телефону сказал, – ответил сержант. – По этому делу много чего не узнаешь. Мы могли бы выслать в Майами, не пришлось бы вам мерзнуть.

Колдмун и Пендергаст просмотрели короткий отчет коронера.

– «Обычные странгуляционные борозды, сопутствующие повешению, – прочел вслух Колдмун. – Смерть произошла вследствие удушения».

– Она повесилась на штанге для занавески, – сказал Пендергаст. – Судя по моему опыту, штанги для занавесок, особенно в отелях, не самые прочные опоры. Зачастую они висят на присосках.

– У нас не такие, – возразил Янг. – Наши крепятся с помощью скоб. По три шурупа на каждую. По самую шляпку. – Он гордо улыбнулся.

Пендергаст еще раз оглядел вестибюль:

– Ну что ж, пожалуй, нужно посмотреть, как выглядит комната.

Янг кивнул:

– Вам повезло. Тот номер мы нынче не ремонтируем.

Номер, где Элиза Бакстер покончила с собой, выглядел как бессчетное количество других номеров, в которых побывал Колдмун. Плотный ковер, по твердости не уступающий металлу, с рисунком,

предназначенным для того, чтобы скрывать грязь. Два ряда тяжелых занавесок, чтобы утреннее солнце не разбудило любителей поспать. Одеяло, не стиранное, вероятно, с начала прошлого сезона. Колдмун читал где-то, что самая грязная вещь в номере мотеля – пульт дистанционного управления, иногда загрязненный кишечной палочкой или даже заразным, стойким к антибиотикам золотистым стафилококком. Он огляделся. Пульт лежал на столе рядом с рекламками местных достопримечательностей.

Ванная была маленькая, с фарфоровой ванной и желтой плиткой на полу. Штанга для занавески – как и сказал Янг, закрепленная с помощью скоб – висела на несколько дюймов ниже верхнего молдинга. Колдмун на глазок смерил расстояние от пола до слегка тронутого плесенью потолка: приблизительно стандартные восемь футов. Высота более чем достаточная, чтобы сделать то, что сделала эта женщина.

– Позвольте мне посмотреть фотографии? – попросил у него Пендергаст.

Колдмун снова открыл папку, и они вместе принялись разглядывать захватанные глянцевые отпечатки. По крайней мере, фотограф хорошо выполнил свою работу, сделал снимки под правильными углами, а также со всех ракурсов. Элиза Бакстер повесилась на штанге с помощью завязанной узлом простыни. На женщине был махровый халат, распахнувшийся наверху и обнаживший грудь. Она выглядела гораздо менее привлекательной, чем на портрете в гостиной родителей: сухой высунутый язык, остановившийся взгляд, точечное кровоизлияние, расходящееся от шеи, словно перезревшая черника, – все признаки асфиксии, словно взятые из учебника по криминалистике.

Пендергаст указал на крупный план ног покойной. Несмотря на скопление крови в нижних конечностях, Колдмун увидел глянцевый блеск на ее ступнях и щиколотках, а также на верхнем крае ванны.

– Она намылила себе ноги, – сказал Янг.

– Чтобы не передумать? – спросил Колдмун.

– Такое встречается, – заметил Пендергаст.

Янг покачал головой.

Пендергаст оглядел ванную:

– Мистер Янг, плитка на полу не такая, как на фотографиях. И штанга под занавески, кажется, установлена недавно.

– Да, – ответил Янг. – Нам тут пришлось все заменить. И не только в ванной: тут новая кровать, обои, ковер – все девять ярдов. – Он помолчал. – Работники отелей – народ еще более суеверный, чем гости.

– Превосходно, – сказал Пендергаст, хотя его вид говорил о совсем ином. Он убрал глянцевые фотографии в папку. – Мы еще немного осмотримся тут, если не возражаете.

– Ничуть, – в один голос ответили Янги.

– И хочу спросить у вас, сержант Уэйнтри: сможем ли мы рассмотреть с вами отдельные аспекты случившегося здесь самоубийства в отделении, когда закончим здесь?

Лицо копа стало еще более бесстрастным, если такое возможно.

– К сожалению, агент Пендергаст, это исключено.

– Почему?

– Понимаете… – Уэйнтри помедлил. – Шеф Пеллетье просил меня передать его извинения, но мы в настоящий момент чертовски заняты.

– Неужели?

– Да, сэр. Понимаете, у нас вспышка преступлений, связанных с опиоидами и передозировками. Мы загружены выше головы. Плюс рутинная работа, которую мы проводим, когда зима затягивается. Дело, которое вы получили, содержит все необходимое, и я единственный живой свидетель того самоубийства, все еще работающий в полиции. Смысла ехать в отделение нет никакого.

Лицо Пендергаста во время этой тирады стало непроницаемым. Когда Уэйнтри закончил, Пендергаст выдержал длительную паузу. Когда он уже готов был ответить, в разговор вступил Колдмун, действуя по какому-то внутреннему побуждению, не вполне понятному ему самому.

– Кстати говоря, – обратился он к Янгам, – какие номера вы оставили для нас?

Супруги переглянулись.

– О боже, – сказала Кэрол Янг. – Но у нас нет номеров. Мы закрыты.

– Нет номеров? А мне показалось, что вся гостиница пуста.

– Конечно пуста, – подтвердил ее муж. – Как и все заведения вокруг. Как только собиратели гербариев уходят, численность населения падает до нуля. Идеальное время для ремонта.

– Кажется, вы говорили, что эта часть отеля не ремонтируется.

– Этот номер не ремонтируются. Как я и сказал, его уже отремонтировали. Все остальные номера… – Янг беспомощно пожал плечами.

Колдмун переварил это известие.

– Вы можете порекомендовать что-нибудь в городе?

– Боюсь, что город заполнен. Все лыжники собрались вокруг «Большой скво». В это время года в часе езды от города вы ничего не найдете.

– Ни одного свободного номера в гостинице, – пробормотал Пендергаст, выходя из ванной.

– Есть «Скромная скумбрия», – вспомнил сержант Уэйнтри.

– Точно! – подхватил Янг. – Они круглый год сдают несколько номеров, верно? Никогда не мог понять почему.

– Они как раз по эту сторону озера Миллинокет, – сказал Уэйнтри. Он повернулся и двинулся к двери, но остановился. – А что касается обеда, советую вам заглянуть в магазин «Сейвмарт» на пути в мотель.

– И ни одного работающего ресторана? – спросил Колдмун.

Но Уэйнтри уже последовал за хозяевами в коридор и пропал из виду.

– Меня не удивляет, что здесь возникла проблема с опиоидами, – пробормотал Пендергаст.

Потом, энергично потерев руки, он предпринял самое дотошное исследование номера, какое когда-либо видел Колдмун. С увеличительным стеклом он рассмотрел кромки ковра от одного конца ванны до другого, он разобрал телефон и радио, рассмотрел их содержимое, приложил крохотную расческу с тонкими зубчиками к установочным скобам для штанги в ванной. Время от времени в его руках, словно по волшебству, появлялись из бесчисленных карманов куртки пластиковые пакеты; он подбирал что-то ювелирным пинцетом, клал в пластиковый пакет, засовывал его назад в карман и продолжал поиски.

Колдмун, наблюдавший за ним с растущим недоумением, наконец заговорил:

– Хозяин сказал, что комнату переделали. А Элиза Бакстер совершила здесь самоубийство одиннадцать лет назад. С тех пор здесь побывали сотни гостей.

Пока он говорил, Пендергаст извлек из кармана куртки небольшой мультитул и начал откручивать счетчик тепла у основания стены.

– Совершенно справедливо, – сказал он. – Тем не менее… – Он потрогал трубопровод, который только что высветил фонариком, снова достал пинцет и снял что-то прилипшее к зазубрине на металле. – Тем не менее Элиза Бакстер находилась в этом пространстве. И здесь она покончила с собой.

– А что именно вы ожидаете найти? Надеетесь, что она заговорит с вами из Ванаги Таканку?[17]

– Вполне вероятно. – Пендергаст встал и отряхнулся. – Агент Колдмун, вы наверняка заметили, что все полученные нами документы практически бесполезны. Без журнала, в котором зарегистрированы постояльцы, находившиеся в гостинице в вечер самоубийства, нам совершенно не от чего отталкиваться. Вот почему я пытаюсь собрать здесь все, что возможно, – если возможно. Вы, несомненно, предпочли бы занять свое время чем-то другим. Хотите, встретимся в вестибюле?

Колдмун пожал плечами:

– Договорились.

И вышел без дальнейших церемоний.

Колдмун давно привык к ожиданиям: в кабинетах Бюро по делам индейцев и в племенных судах, на плацу Куантико, в машинах без опознавательных знаков. Ему даже стало нравиться это. К тому же предыдущей ночью он почти не спал и его донимала усталость. Увидев, что в вестибюле никого нет, он снял пленку с одного из диванов (несмотря на подготовку к ремонту, ни одного рабочего здесь не было), взял пару журналов со столика и принялся читать.

Немного погодя он проснулся. Настенные часы показывали без десяти три. Вестибюль оставался пустым, как и в то время, когда он сюда вернулся; ни следа Хораса или Кэрол Янг. Он замер и прислушался. В гостинице стояла мертвая тишина. Чем, черт побери, занят Пендергаст?

Колдмун положил журналы на стол, встал и пошел по устланному ковром коридору к номеру, где когда-то жила Элиза Бакстер. Дверь, которую он оставил открытой, оказалась заперта. Он подошел к ней, прислушался. Изнутри не доносилось ни звука.

Номера в гостинице открывались не магнитной картой, а старомодными ключами. Колдмун бесшумно присел и заглянул в пустую скважину.

Поначалу он ничего не увидел. Потом заметил Пендергаста. Тот лежал на кровати, по-прежнему в куртке, со сложенными на груди руками. Фотографии, принесенные сержантом Уэйнтри, были разложены вокруг него, словно подношения вокруг идола. В одной руке он что-то держал: золотую цепочку с медальоном, разглядеть который Колдмуну не удавалось.

Поначалу Колдмун решил, что у старшего агента инфаркт или удар. Но потом увидел, что грудь Пендергаста мерно вздымается и опускается. Должно быть, он спал, хотя и это казалось маловероятным – даже спящие не лежат так бездвижно.

Колдмун еще несколько секунд смотрел в скважину. Потом поднялся и пошел по коридору к вестибюлю.

10

Следуя за своими подругами Бет и Меган, Дженни Розен повернула с Седьмой улицы на Оушн-драйв. И остановилась. Перед ней неожиданно распростерся уходящий вдаль бесконечный Вавилон. Встреча с бульваром напоминала впрыск огромной дозы адреналина прямо в центральную часть головного мозга: ошеломляющая, кажущаяся непроницаемой стена конкурирующих фоновых ритмов, облаков парфюмерных запахов, к которым примешивались ароматы жареной рыбы, автомобильных выхлопов и маринованного мяса по-кубински, иногда с дуновением марихуаны. И огни: лампочки-палочки в форме леденцов, обвивающие стволы всех пальм; аляповатые неоновые вывески в витринах татуировочных салонов и магазинов пляжных товаров; и хаос прожекторов, импульсных ламп, многоцветных лазеров, сияющих из всех палаток и с вывесок, растянувшихся на добрых десять кварталов, вращающихся и яростно соперничающих за ее внимание.

– Давайте же! – позвала Бет, перекрикивая голоса и смех толпы, текущей по тротуарам. – Это здесь.

Дженни и Меган последовали за Бет, которая прокладывала, а точнее сказать, пробивала себе путь через толпу. Окружающие их молодые люди, ровесники Дженни или на год-другой старше, курили

электронные сигареты и кричали во весь голос, чтобы их услышали за какофонией звуков; половина из них были пьяны, другие накурились. Дженни уже успела походить по модным кварталам (Нижний Ист-Сайд, Мишен-Дистрикт, Венеция и Сильвер-Лейк в Лос-Анджелесе), но никогда раньше не встречала такого пестрого собрания хипстеров, панков, киберготов, беспредельщиков, серферов, лузеров, курильщиков травки, выпендрежников и бессчетного числа других подвидов, смешавшихся в одну беспечную массу.

Дженни и Меган поспешили дальше – мимо кальянной, мимо узенького служебного проулка, потом ярко освещенного магазинчика, торгующего модными солнцезащитными очками, – стараясь не отстать от Бет. Как обычно, она взяла на себя роль ведущей, пытаясь все контролировать. Поскольку Бет жила в соседней Джорджии и провела в Майами «ну типа вечность» два года назад (хотя на самом деле всего одну ночь), она приняла вид клубного завсегдатая, взяла двух подружек под свое крыло и пообещала показать им ночь, которую они никогда не забудут.

И теперь подопечные догнали Бет, которая остановилась, уперев руки в боки, и уставилась на опущенные рольставни одного из немногих закрытых заведений.

– ...Вашу мать! – выругалась она. – Об этом месте я вам и говорила. Не могу поверить, что они закрылись. Может, переехали куда-то в более просторное место.

Она достала смартфон и принялась выстукивать по экрану, задумчиво покачиваясь из стороны в сторону и вынуждая людей обходить себя.

Дженни оттянула вырез футболки. Конец марта, но влажность в Майами уже зашкаливала, а толкотня распаленных, липких тел только ухудшала ситуацию. Если бы Дженни настояла на своем, они бы сейчас находились в каком-нибудь месте типа «ЛИВ» – все еще одном из лучших мегаклубов не то что в Майами-Бич, а во всей стране, но Бет придерживала деньги и не хотела тратиться на официантов. А кроме того (и это было решающим аргументом), идея отправиться в «ЛИВ» появилась не у Бет. У нее появилась идея (вторая после идеи забронировать поганый, вонючий кондоминиум у черта на куличках) пройти с десяток кварталов по Вашингтон-авеню, якобы для того, чтобы вспомнить несколько жутких баров по пути. Все они оказались дорогущими или жалкими либо и то и другое. Тем не менее девушки покорно выпивали в каждом: коктейль «восход с текилой» для Меган, какой-нибудь фруктовый коктейль для Бет. Дженни, та еще выпивоха, на каждом заходе заказывала себе водку со льдом.

Наконец Бет убрала свой телефон и двинулась дальше.

– Пошли, Мег! – крикнула она через плечо. – Джен-детка!

Дженни подавила желание метнуть взгляд в Меган. Это было бы неразумно: Меган была лучшей подружкой Бет вот уже два года, с первого курса в Макалестере[18]. Она даже решила избрать карьеру, в общих чертах повторяющую ту, что выбрала Бет, которая рассчитывала получить ученую степень по коммуникативным наукам со специализацией «коммуникативность власти по отношению к обществу». Меган поговаривала о выпускной работе по социологии с упором на межэтнические отношения. Сама же Дженни подумывала о каком-нибудь медицинском исследовании, но семестр занятий по органической химии излечил ее от этого желания. Теперь она склонялась к магистратуре в области изящных искусств со специализацией по керамике.

Она сердито протискивалась сквозь толпу. От шума у нее разболелась голова, а три рюмки в желудке не способствовали улучшению настроения.

Они прошли мимо отеля «Колония» с его голубовато-белым фасадом в стиле ар-деко, сияющим в искусственном свете, и направились дальше на север. Дженни подумала, что они составляют странную троицу. Никто не говорил ей это в лицо, но она знала, что не вписывается в компанию. Однако Дженни нелегко заводила друзей и слишком много времени потратила на Бет и Мег, чтобы теперь отказаться от них. И потому, когда Бет и Мег получили предложение пройти собеседование в аспирантуре Университета Майами (с оплатой расходов на билеты), она увязалась с ними на уик-энд. Хотя Дженни это не афишировала, деньги в ее семье водились, и она купила билет за свои. Не то чтобы ей так уж хотелось в Майами-Бич, просто ее не устраивала перспектива провести уик-энд в одиночестве в кампусе Кирк-Холла. Она надеялась, что все получится. Возможно, Бет, привыкшая всегда всем заправлять, не станет на этот раз командовать. Возможно, будет веселый, без стрессов отдых.

Ну конечно, раскатала губу. С этим уже можно попрощаться.

Они пересекли улицу, миновали несколько ресторанов – один, второй, третий, перед дверями которых завлекательницы в бикини или зазывалы в коже делали все возможное, чтобы заманить туристов.

Потом Бет вдруг резко свернула к двойным металлическим дверям с черным световым контуром и стоящим перед ними зазывалой. Она возбужденно оглянулась на них.

– Вот оно! – сказала она, когда зазывала посмотрел ее права.

Меган с явным энтузиазмом начала проталкиваться сквозь толпу, держа в руках права.

– Давай, Джен-детка! – крикнула Бет, яростно жестикулируя.

Дженни ненавидела, когда к ней обращались «Джен-детка». Но она храбро последовала за подругами в клуб. Скользнула взглядом по освещенной вывеске наверху над дверями: «Электрический океан».

Внутри стояла невероятная темнота, а воздух вибрировал в пульсирующем ритме меренге с пластинки, поставленной диджеем. Когда глаза Дженни привыкли к темноте, она разглядела большую танцплощадку в центре с кабинками вдоль левой стены и баром справа. Бет и Меган уже находились на переполненной танцплощадке, и Дженни направилась к ним, но на полпути развернулась в сторону бара. Хотя она уже была под хмельком, но, чтобы танцевать, ей требовалось больше храбрости.

Бармен взял ее двадцатку, подвинул к ней высокую рюмку водки со льдом и положил на стойку пять долларовых бумажек. Дженни оперлась о стойку и пригубила водку, наблюдая за туманными очертаниями танцующих, высвечиваемых на мгновения мигающим светом. Она уже потеряла своих подруг в этой кружащейся толпе.

Она и оглянуться не успела, как бармен заменил ее пустую рюмку на полную. «Черт побери, они тут и в самом деле накачивают клиентов алкоголем». Дженни достала вторую двадцатку, протянула ее бармену. Что-то более громкое, чем музыка, чуть не взорвало ее перепонки. Она оглянулась и увидела кричащего на нее тощего парня с бородой-испанкой, в постпанковском одеянии.

Она повернулась к нему:

– Что?

– Я говорю, тебя не Анжелика зовут?

– Анжелика? С какой стати?

– Потому что на тебе со всех сторон написано «ангел»!

Он громко рассмеялся, выпучив глаза. Его конечности двигались почти без перерыва, мартини в его руке расплескивался, и даже в темноте Дженни видела, что зрачки у него с булавочную головку. «А я-то думала, что это в городах-близнецах[19] ребята без головы». Меньше всего ей сейчас хотелось, чтобы ее подцепил какой-то подонок.

Она допила водку и оттолкнулась от стойки. Неподалеку в полутьме, освещаемой короткими вспышками света, виднелась лестница с голубоватой неоновой подсветкой. Люди спускались и поднимались по ней непрерывным потоком. Тощий парень снова принялся что-то кричать в ухо Дженни, и, чтобы избавиться от него, она протолкалась к лестнице и стала подниматься. Она оказалась перед второй танцплощадкой, погруженной в такую же темноту, только здесь звучала другая музыка – не сальса, а техно-хаус. Дженни подошла к площадке и остановилась на краю, размышляя, не стоит ли выйти в танцующую толпу и попытаться установить с кем-нибудь зрительный контакт. Она шагнула вперед и поняла, что совершает ошибку. Ей показалось, что пол под ней слегка покачивается под натиском тысячи ног. Пять рюмок значительно превышали ее обычный предел, к тому же две последние были крепкими, как поджопник.

Она вдруг поняла, что должна выйти. Удушающая темнота, прикосновение потных тел, неотвратимое мелькание лазеров, пульсация электронного ритма и дикие выкрики – это было уже слишком. Охваченная паникой, несмотря на все выпитое, Дженни выбралась из этого хаоса, спустилась по лестнице (она бы, вероятно, упала, если бы не люди, спускающиеся перед ней) и побрела к двойным дверям, выходящим на Оушн-драйв.

Даже уличная толпа казалась облегчением после клуба. Дженни прошла несколько футов и, глубоко дыша, оперлась о стену. Паника постепенно отпускала ее.

В этот момент перед ней внезапно возникли две фигуры. Прищурившись в ярком неоновом свете, она увидела своих подруг.

– Я так и подумала, что это ты убегала, – сказала Бет. – Что случилось?

– Ничего, – ответила Дженни. – Извините. Вы хотите вернуться?

– Не-а, там одни импотенты. Слушайте, мне говорили о клубе, в котором зажигают по-настоящему. Это рядом – квартал или два.

Дженни сделала глубокий вдох:

– Знаете что? Вы вдвоем идите, а я, пожалуй, возьму такси до кондо.

На лице Бет появилось несчастное выражение.

– Не бросай нас, Джен-детка.

– Правда, я совсем пьяная. Вы идите развлекайтесь. Увидимся позже. – Она полезла за телефоном.

Но Бет оказалась проворнее: она уже держала в руке телефон и загружала приложение «Убер».

– Чтобы машина приехала за тобой при таком трафике, нужно минут пятнадцать, а то и тридцать. Так что у тебя есть время хотя бы посмотреть новое место.

Не дожидаясь ответа, она завершила вызов машины и двинулась по Оушн-драйв, засовывая телефон в свою поддельную сумочку «Дольче и Габбана».

Дженни машинально пошла следом. Но на смену быстро отступившей панике пришло что-то другое: тошнота, которую она почувствовала еще раньше. Теперь тошнота возвращалась с новой силой. «Проклятье, – подумала Дженни. – Это все из-за пятой рюмки. Не надо было выпивать ее залпом».

Она снова остановилась и обвела взглядом бесконечное множество огней вокруг. Они расплывались, снова обретали четкость, потом снова расплывались.

– Девчонки… – сказала Дженни. – Мне правда нехорошо. Кажется, меня сейчас вырвет.

Но Бет и Меган ушли вперед и не слышали ее за шумом.

Дженни быстро огляделась по сторонам. Мир тошнотворно раскачивался, и ее желудку с каждой секундой становилось все хуже. Она не может на глазах у такой кучи народа выложить на асфальт пиццу… Но она почувствовала, как рот начинает наполняться слюной, а это могло означать одно: рвота подступила к горлу.

Вот оно: прямо за следующим зданием один из служебных проездов, которые хаотично ответвлялись от бульвара. Не думая больше ни о чем, Дженни пустилась туда со всех ног. Пока она бежала в узкой темени мимо мусорных бачков, источающих зловоние, и дверей, за которыми находились засаленные кухни, свет и шум постепенно уменьшались, и наконец она даже услышала стук собственных каблуков по плитке. Впереди была только тьма и, где-то очень далеко, сполохи света с Оушн-Корт, а еще дальше – с Коллинз-авеню. Удивительно, как всего за несколько секунд реальность может поменяться от сутолоки и толкучки до пустоты.

Внезапно природа остановила ее бег. Дженни прислонилась к ближайшей стене, уперлась в нее рукой для надежности и вернула в мир димсам с морским гребешком, хрустящую утку и клецки из черного риса.

Рвота продолжалась и продолжалась, пока внутри не осталось ничего, кроме сухих позывов.

Постепенно жуткая тошнота отпустила ее. Дженни оставалась пьяной, и бока у нее болели, но теперь она хотя бы чувствовала себя человеком. Она сделала глубокий очистительный вдох. Здесь, в темноте, было почти уютно, и Дженни неожиданно почувствовала странную симпатию к этому потаенному уголку. Но такси, заказанное Бет, вероятно, уже пришло. Легкий ветерок зашевелил мусор у нее за спиной, когда она повернулась лицом к бульвару. Она отменит вызов и покажет своим друзьям, что может гулять, как…

И в этот момент шуршание вдруг стало громче – громче, чем бывает от ветра; чья-то рука твердо зажала ей рот; по шее быстро распространилось странное ощущение, а потом ее горло неожиданно наполнилось теплой фонтанирующей, удушающей кровью.

11

Было уже почти четыре тридцать, когда Пендергаст вернулся в вестибюль. Он не сказал, чем именно занимался в комнате Элизы Бакстер, а Колдмун не стал спрашивать, хотя и обратил внимание, что куртка на агенте оставалась плотно застегнутой на молнию. С учетом высокой температуры в доме можно было предположить, что он устроил себе своеобразную сауну.

Услышав шаги, Янг, хозяин отеля, вышел из кабинета, спросил, не требуется ли от него что-нибудь еще, снова посетовал, что ничем не может им помочь, и объяснил, как доехать до Миллинокета.

Они вышли на жестокий холод и сели в арендованную машину – Колдмун снова за руль. Следуя указаниям Янга и навигатора, они поехали на юго-восток по все более пустынной и плохо очищенной дороге. Время от времени они видели ферму или коммерческое здание, полузасыпанные снегом. Уже начинало темнеть, но Колдмуну было все равно: ночь не могла оказаться мрачнее уходящего дня.

Он заметил впереди желто-красную вывеску, появившуюся из-за деревьев: «Сейвмарт», о котором говорил сержант Уэйнтри. Нижняя часть вывески отсутствовала, вероятно снесенная выстрелом из дробовика, и в образовавшейся пустоте виднелись флуоресцентные лампы.

– Нам лучше остановиться, – сказал Колдмун.

Пендергаст, изучавший фотографии самоубийцы, поднял глаза:

– Что?

– Нужно купить какую-нибудь еду. Уэйнтри предупреждал, что в такое время года работающих ресторанов нам, возможно, не найти.

В сомнительном убогом магазине, который уже закрывался, они были единственными покупателями. Пендергаст казался здесь странно потерянным: в маленькой овощной секции он взял пучок зелени, повертел в руке и положил на место, потом прошел по проходу, вернулся и наконец остановился у полки с травяными чаями.

Он взял упаковку двумя пальцами:

– Кокос, ромашка и страстоцвет?

– На меня не смотрите.

Колдмун быстро сделал свой выбор: банка сардин, энергетическая плитка, лапша быстрого приготовления, четыре упаковки бисквитов «Твинки» и упаковка самого дешевого молотого кофе, какой удалось найти. После этого он подошел к кассе. Пендергаст минуту спустя последовал за ним с пустыми руками.

Когда они вернулись в машину, Пендергаст снова вытащил полицейские фотографии из папки. Более других его интересовал один снимок: полное изображение женщины, висящей на штанге, одна нога верхней частью щиколотки опирается на край ванны, голова набок, путаница волос не может скрыть выпученные глаза.

– И что там? – спросил Колдмун.

Пендергасту потребовалось некоторое время, чтобы ответить.

– Я просто думал.

– О чем?

– О словах, которые вы вчера сказали Пикетту: вам кажется маловероятным, что миз Монтера и Элиза Бакстер *обе* были выбраны случайно.

– А вам разве так не кажется? Что одна из них, вероятно, была выбрана не случайно?

– И в самом деле. – Пендергаст отложил фотографию. – Я согласен: вероятность того, что обе женщины выбраны наобум, практически равна нулю. Но есть еще и третий вариант.

Колдмун помедлил.

– Вы хотите сказать, не одна, а обе женщины были выбраны не случайно.

– Да. И если это тот случай, то, боюсь, решение нашей задачи может стать либо гораздо проще, либо гораздо труднее.

Колдмун уже стал привыкать к сентенциям Пендергаста, изрекаемым на манер Будды. До сих пор они не обнаружили ни малейших указаний на то, что смерть Бакстер могла быть чем-то иным, кроме самоубийства, или что (если уж откровенно) существует какая-то реальная связь между двумя смертями. Он сдержанно хмыкнул. И не столько увидел, сколько почувствовал, что Пендергаст бросил на него взгляд, прежде чем снова переключить внимание на дорогу.

На парковке вокруг «Скромной скумбрии» стояло удивительно много машин. Когда агенты вошли в вестибюль, причина стала ясна: во время метели, случившейся на прошлой неделе, упавшее дерево вывело из строя электрическую подстанцию и несколько десятков домов остались без электричества. Семьи, у которых не нашлось родственников, вынуждены были устроиться здесь. Увы, сказал хозяин, свободных номеров нет, он даже открыл второй этаж, на зиму обычно закрывавшийся.

Колдмун наблюдал за тем, как Пендергаст, применяя поочередно убеждения, угрозы, мольбы и подкуп, уговорил хозяина уступить им свой номер с двумя двойными кроватями, цветным телевизором и без вайфая.

– Пожалуй, я всегда могу переночевать у своего кузена Тома, – сказал хозяин, засовывая в карман толстую пачку сложенных долларов. – Вы подождите в зоне отдыха, пока я приготовлю кровати и уберу свои вещи. Пару минут.

Зона отдыха представляла собой унылое пространство с заворачивающимся линолеумом, маленькой кухней и огромным бильярдным столом, в настоящее время не используемым. Владелец удалился готовить номер, а Пендергаст и Колдмун подошли к одному из столов.

– Давайте разделим полицейские материалы, – сказал Пендергаст, постукивая пальцем по папке Уэйнтри. – А потом сравним наши соображения.

– А что сравнивать? Результаты вскрытия и рапорты криминалистов на пяти страницах. То же и собеседования. А фотографии говорят сами за себя.

– Именно из-за скудности информации мы и должны думать, как теперь говорят, «креативно». Свежий взгляд на материалы, пусть даже бессистемный, может привести к неожиданным открытиям.

Противясь желанию отрицательно покачать головой, Колдмун показал на папку:

– Приступайте.

Пендергаст быстро рассортировал бумаги на две небольшие стопки, потом сел за стол, подвинул одну стопку к себе и начал молча ее листать. Колдмун тем временем прошелся по комнате, осматривая неизменные настольные игры, полки с книгами в мягкой обложке и прочий бесполезный хлам, обычно присутствующий в таких заведениях. Проинспектировав кухонные шкафы, он с радостью обнаружил на одной из полок электрический чайник.

В этот момент вернулся хозяин.

– Комната готова, – сказал он. – Хотите посмотреть?

– Конечно, – ответил Колдмун, подхватывая выбранную наугад книгу, электрочайник и свою часть документов.

Пендергаст даже головы не поднял:

– Я приду попозже, спасибо.

Хозяин открыл дверь в номер, и Колдмун вошел. Здесь было достаточно чисто (Колдмун не отличался привередливостью), и хозяин пожелал ему доброй ночи. Бросив на пол сумку и куртку, Колдмун с облегчением снял кобуру со служебным пистолетом и положил на одну из кроватей. Затем включил чайник в сеть, чтобы убедиться, что он работает. Хотя он купил себе на обед лапшу, она могла подождать, а пока что его организму остро не хватало кофеина. Он наполнил помятый чайник водой, дал ей закипеть и бросил туда пару горстей молотого кофе. Потом оставил кипеть на маленькой мощности, взял бумаги и «Твинки», лег на пустую кровать и со вздохом скинул ботинки.

Два часа и три упаковки «Твинки» спустя он услышал поворот ключа в скважине. Потом в дверях появился Пендергаст. Он вошел, закрыл за собой дверь и остановился. Оглядел комнату: двуспальные кровати, грязноватые одеяла, выцветшие обои со сделанными кое-где отметками мелом, крохотную ванную с одним полотенцем, – потом перевел глаза на Колдмуна, который лежал на кровати в носках, положив на колени

книгу, в окружении разбросанных ксерокопий и оберток от «Твинки». Ноздри Пендергаста задрожали.

– Ну вот опять, – сказал он.

– Что?

– Этот особенный запах. Что-то среднее между горящим сигаретным фильтром и средством для прочистки канализационных труб.

Колдмун потянул носом воздух. Это пахли не его ноги, – по крайней мере, он на это надеялся.

– Вы имеете в виду кофе?

– Кофе?

Колдмун кивнул в сторону чайника:

– Кофе. Я его заварил, когда вошел сюда.

Пендергаст огляделся и помахал рукой, словно прочищая воздух:

– К несчастью, вы дали кофе вскипеть и этим его погубили.

– Ну, я так его готовлю. Я кипячу его часа два.

Так готовили кофе отец, дед и прадед Колдмуна, и сам он пил только такой кофе. Он вырос в резервации Пайн-Ридж, и у них в доме на плитке всегда кипятился кофе в эмалированной кастрюле. При необходимости в кастрюлю подсыпали еще кофе и доливали воды. Мысль о фильтрах или ситечках считалась нелепицей. На вкус Колдмуна, кофе не мог считаться хорошим, если он не кипятился как минимум неделю.

Пендергаста пробрала дрожь. Он огляделся еще раз, и на его лице появилось странное выражение, тут же, впрочем, исчезнувшее, так что Колдмун не успел ничего заметить. Потом бледное лицо Пендергаста снова стало непроницаемым. Он расстегнул куртку, повесил ее на вешалку, привинченную к двери, и сел на вторую кровать, куда Колдмун бросил свой пистолет. К немалому удивлению младшего агента, Пендергаст взял кобуру. Потом, к еще большему удивлению Колдмуна, он вытащил пистолет.

– «Браунинг хай-пауэр», – сказал он, взвешивая в руке пистолет девятимиллиметрового калибра. – Хорошо сбалансирован. Кажется, последняя конструкция, созданная Браунингом перед смертью. По функциональности не очень отличается от моего «лес-баера». – Он

нажал защелку, и на ладонь его левой руки выскочил заряженный магазин. – Похоже, он побывал не в одной переделке. Наверное, семейная реликвия?

Пистолет и в самом деле принадлежал двоюродному деду Колдмуна и прошел с ним всю Вторую мировую. Но Колдмун думал не об этом. Он сел, внезапно охваченный яростью, бумаги посыпались с него на пол. Оружие человека, в особенности пистолет правоохранителя, является его личным имуществом. Никто другой не смеет к нему прикасаться. Тем более без спроса и с такой небрежностью.

– Какого черта вы делаете? – резко спросил он.

Пендергаст посмотрел на него:

– По-моему, это очевидно. Осматриваю ваше оружие.

Колдмун протянул руку:

– Дайте мне его. Немедленно!

Взгляд Пендергаста на мгновение упал на протянутую руку, потом вернулся к лицу Колдмуна. Что-то в этих холодных кошачьих глазах включило инстинктивный звоночек тревоги в мозгу младшего агента.

Они долго смотрели друг на друга. Наконец Пендергаст засунул магазин в рукоятку.

– Агент Колдмун, – сказал он, – мы оказались в этом отдаленном и пустынном районе, вынужденные против воли делить неприятно тесное помещение. В таких обстоятельствах эта кровать с тощей подушкой является единственным местом во всем штате Мэн, которое я могу считать принадлежащим мне. Вы с вашими бумагами обустроились на другой кровати. И поскольку вы намеренно оставили пистолет на моей кровати, а мы, как владельцы и любители оружия, знаем, что нет большего греха, чем брать чужое оружие без разрешения, тот факт, что вы положили его на мою кровать, мог означать только одно: вы хотели, чтобы я осмотрел и оценил его. Я так и сделал. И я вижу: у вас отличное винтажное оружие.

Он засунул оружие в кобуру и, не говоря больше ни слова, протянул его Колдмуну.

Колдмун тоже молча взял его и положил на прикроватную тумбочку с другой стороны кровати. Ему показалось, что старший напарник устроил ему только что изысканную выволочку. Колдмун встал, чтобы наполнить кружку из кипящего чайника, и тут он вдруг понял, что заслужил

выволочку. Пендергасту не только приходилось работать с упрямым боссом и в некомфортной среде, но еще и дело развивалось не так, как планировалось. И ко всем этим радостям добавлялось неуважение напарника.

Колдмун взял один из документов по делу и с тихим ворчанием сел на свою кровать. Он решил быть более снисходительным к этому человеку.

Колдмун внезапно пробудился ото сна без сновидений. Первой его мыслью было: как странно, что не темно, а светло. Потом он понял, что находится все в том же номере гостиницы «Скромная скумбрия». Он уснул полностью одетый, читая документы из дела катадинской полиции: в руке все еще был зажат лист бумаги. Проморгавшись, он увидел Пендергаста – тот сидел на краю кровати спиной к нему. Он явно продолжал размышлять над фотографиями с места смерти.

Еще один звонок, и Колдмун понял, что его разбудил телефон. Он вытащил аппарат из кармана, отметив время – четверть первого.

– Да?

– Агент Колдмун?

Остававшаяся сонливость мигом исчезла, когда он узнал голос.

– Да, сэр.

– Где вы?

– В мотеле возле озера Миллинокет.

– Ладно, – прозвучал отрывистый голос Пикетта. – Слушайте меня внимательно. Я хочу, чтобы вы оба собрали вещички. И первым же рейсом вылетели в Майами. Если для этого придется ехать машиной до Бостона, то это ваше дело. Найдите самолет и садитесь в него.

Пендергаст повернулся на своем насесте в виде края кровати и внимательно слушал.

– Хорошо, – сказал Колдмун, сел и начал засовывать ноги в ботинки. – А что случилось?

– Что случилось? – отозвался Пиккет с ледяной яростью. – Случилось второе убийство в Майами, а мои ведущие следователи за тысячу миль в

мотеле охотятся на призраков. Выметайтесь к чертям из мотеля и мигом в аэропорт!

Телефон замолчал.

12

Колдмун никогда не бывал в Саут-Бич, только видел его изображения на открытках или фотографии ночной жизни этого квартала, висящие в Сети и рекламирующие экзотический отдых. Теперь, когда их такси из Международного аэропорта Майами закончило медленное движение через восемь кварталов по острову и свернуло с Пятой улицы на Оушн, он увидел совершенно иную картину. В безжалостном сиянии раннего утреннего солнца, без всяких преимуществ неона и благодатных сумерек, знаменитый бульвар казался усталым и изношенным, с его маркизами на окнах отелей и выцветшими от солнца ресторанными уличными зонтами под пальмами.

Неизменным оставалось одно: толпы народа. Даже в девять утра по бульвару бродило множество людей в шортах и футболках, бикини и панамах, с непременным телефоном в руке, готовым для хорошего селфи. В нескольких кварталах впереди Колдмун увидел более плотное скопление людей, которое могло означать только одно.

Когда такси поползло на север, Пендергаст, который за все время их отчаянных попыток добраться из Мэна до Майами если и говорил о чем-то, то только о содержимом полицейской папки, наконец обратился к Колдмуну:

– На тот случай, если я забыл сказать: хочу поблагодарить вас за то, что поддержали мое предложение побывать на месте смерти Элизы Бакстер. Пока не установлена закономерность, невозможно предугадать, нанесет ли убийца новый удар, нанесет его так быстро и в том же городе. Тем не менее я сожалею, что наше отсутствие не позволило нам быть здесь во время преступления.

Колдмун пожал плечами.

– Я заодно с моим напарником, – повторил он. А потом добавил: – Прав он… или нет.

Вместо ответа Пендергаст обратил взгляд своих похожих на льдинки глаз на толчею впереди.

Такси сумело проехать еще несколько кварталов, а потом встало намертво, заблокированное пешеходами, полицейскими и другими

машинами. Пендергаст дал водителю щедрые чаевые и попросил отвезти их вещи в отель, после чего они принялись пробираться сквозь толпу к тому особенно плотному скоплению людей, которое, как и предполагал Колдмун, окружало большую площадку, огороженную полицейской лентой. Были здесь и представители прессы, они безуспешно выкрикивали вопросы, тыча в сторону полицейских микрофоны.

Протиснувшись сквозь плотные ряды зевак, агенты показали свои удостоверения и поднырнули под ленту. Колдмун быстро огляделся. Перед ним тянулся узкий проулок, уходящий на запад между вьетнамским рестораном с одной стороны и супермодным отелем в стиле ар-деко – с другой. За лентой группками стояли полицейские в форме и штатском, они либо опрашивали свидетелей, либо просто охраняли место. Дальше по проулку, там, где, по-видимому, было найдено тело, стояли два криминалиста. С другого конца мрачный проулок был перекрыт полицейскими автомобилями и аварийными машинами.

Несмотря на незнакомую обстановку, Колдмун сразу узнал саму картину. Так начиналось расследование убийства. Глядя на всех этих полицейских, звание которых можно было определить по значкам на лацканах и нашивкам на плечах, он вспомнил слова Джозефа, легендарного вождя индейцев не-персе: «У белых людей слишком много вождей».

От толпы отделился человек и направился к ним. Колдмун отметил детали: невысокий, стройный, средних лет латиноамериканец со жгучими черными волосами, в брюках светлого цвета и рубашке с галстуком, но без пиджака. Похоже, он был знаком с Пендергастом; по крайней мере, он не удивился, увидев человека, облаченного в черный костюм с темным галстуком, словно какой-нибудь агент секретной службы, сброшенный на парашюте в самое сердце Содома.

Пендергаст шагнул вперед и протянул руку.

– Лейтенант Сандовал, – сказал он. – Позвольте представить вам моего напарника, специального агента Колдмуна.

Сандовал пожал руку Пендергасту, потом Колдмуну.

– Я прочел сводку, которую вы приготовили для нас по убийству Монтеры, – громко, чтобы быть услышанным за общим шумом, произнес Колдмун. – Спасибо, тщательная работа.

Сандовал кивнул.

– Вы только что появились, – с едва заметным акцентом сказал он Пендергасту.

Это было утверждение, а не вопрос.

– Увы, да.

Если Сандовал и удивился, то никак не показал этого.

– Давайте я введу вас в курс дела. – Он сделал жест в сторону от толпы, в глубину служебного проезда. – Время убийства – около одиннадцати тридцати вечера. Убитая – Дженнифер Розен из Эдины, штат Миннесота. Она приехала сюда на долгий уик-энд с подругами по колледжу.

– Кто обнаружил тело? – спросил Пендергаст.

– Посудомойщик из ресторана, выходящего в проезд. – У Сандовала была забавная привычка проводить указательным пальцем по верхней губе, словно чтобы разгладить несуществующие усы. Он показал на засаленную дверь рядом с мусорным бачком. – Подруги отстали ненадолго – они появились здесь четыре-пять минут спустя.

– Сколько времени прошло между смертью и обнаружением тела? – спросил Колдмун.

– Немного. Судмедэксперт говорит, что, когда посудомойщик обнаружил ее, она только-только истекла кровью, лежа здесь. – Сандовал указал пальцем место за бачком – бетонную площадку с обведенными мелом очертаниями найденного тела, флажками-маркерами и лужей крови.

– И что он увидел?

– Ничего. По крайней мере, насколько мы знаем. Он говорит только по-вьетнамски, так что нам пришлось найти переводчика, чтобы получить его показания. – Сандовал оглянулся через плечо на азиата в грязном белом халате, который с ошарашенным видом сидел на мусорном бачке, окруженный с двух сторон полицейскими с цифровыми диктофонами. – Он вынес мешки с мусором и увидел на земле неподвижную Розен. Он был так потрясен, что какое-то время вообще ничего не замечал вокруг. А когда огляделся, в проезде никого не было.

– А что насчет Оушн-драйв? – спросил Пендергаст. – Есть какие-нибудь свидетели?

– Да. С избытком. «Скорая» и первая патрульная машина примчались минут через восемь, к тому времени здесь уже толклась добрая сотня

людей, и все они клялись, что видели убийцу, включая двух подружек миз Розен, которые все еще дают показания на Вашингтон, тысяча сто. Вы думаете, это сейчас тут дурдом? Посмотрели бы вы, что творилось ночью. – Сандовал покачал головой.

– Кто-нибудь из свидетелей уже уехал? – спросил Колдмун.

– Пока нет. Дело в том, что их истории противоречат друг другу, а с учетом состояния жертвы... – Лейтенант замолчал.

– Продолжайте, пожалуйста, – попросил Пендергаст.

– Способ убийства сходен с тем, каким убили Фелицию Монтера. Горло глубоко перерезано ножом, потом вскрыта грудина топориком или каким-то подобным тяжелым инструментом с одним лезвием. Работа была проделана эффективно и быстро. Преступник или преступники забрали сердце девушки и тут же исчезли, оставив ее лежать мертвой. – Сандовал покачал головой. – Из всех потенциальных свидетелей прошлой ночи никто не упомянул о том, что видел забрызганного кровью человека с топориком и человеческим сердцем.

– Ее насильно завели в проулок?

– Судя по всему, нет. Похоже, она сама туда забрела с намерением... в общем, ее вырвало. Около тела найдено обильное количество рвоты, которая совпадает со следами частично переваренной еды в ее желудке.

– Камеры наблюдения?

– В проезде нет. Что касается улик, то зеваки, хлынувшие сюда посмотреть на тело, все затоптали. Можете себе представить, как это осложняет нашу работу.

– Фотографии?

– Целая куча. И пока больше ничего.

– Спасибо, лейтенант.

Сандовал развернулся и исчез в шумной толпе, стоящей за полицейской лентой. Колдмун проводил его взглядом. Потом посмотрел на Пендергаста:

– Тот же modus operandi, но другая обстановка. Убийца имел цель и быстро добился ее, не привлекая к себе внимания.

– Да, – прошептал Пендергаст. Он посмотрел на грязную скорбную площадку за мусорным бачком, где простилась с жизнью молодая девушка. – Логистика впечатляет.

Колдмун обдумал слова Пендергаста.

– Вы о том, что он сумел убить, вырезать сердце и потом сбежать?

– Вот именно. Пройти по многолюдному району с тысячами пешеходов – это чем-то напоминает действия Джека-потрошителя. Зачем выбирать такое оживленное место, где столь велик риск, что тебя заметят? – Он повернулся к лейтенанту Сандовалу, который возвращался с пачкой фотографий, и спросил: – Тут поблизости есть кладбища?

Сандовал протянул ему фотографии, задумался на секунду, потом покачал головой:

– Ни одного, кроме Бейсайда, но в самом Майами их несколько.

– Тогда я бы посоветовал…

Пендергасту не позволил договорить шум у него за спиной, громкие голоса, срывающиеся, взволнованные. Полицейский в форме протиснулся сквозь толпу, подошел к Сандовалу и что-то сказал ему на ухо.

Когда полицейский ушел, Сандовал сообщил им:

– Только что найдено сердце. На могиле в Майами. Извините.

Лейтенант развернулся и смешался с другими полицейскими в форме.

Пендергаст подошел к Колдмуну сзади, когда гомон усилился, и процитировал:

– «Осталась только кровь моя. Возьмите ее, но не заставляйте меня мучиться долго».

Колдмун удивленно посмотрел на него:

– Это что, Неистовый Конь из Кэмп-Шеридана?

– Вообще-то, Мария-Антуанетта. В Париже[20]. – Пендергаст отвернулся и показал в сторону Майами. – Давайте поедем и посмотрим, что оставил нам мистер Брокенхартс на сей раз?

13

Интенсивность деятельности полиции возросла, а потом, совершенно неожиданно, Колдмун ощутил перемену. Копы начали разъезжаться. Вот только что они разговаривали небольшими группками, показывали что-то в телефонах – и вдруг исчезли. Полицейские в форме остались у ограждающей ленты охранять улики, но копы в гражданском словно растворились. В то же время он услышал завывание сирен. Машины без графической раскраски, спрятанные среди толпы зевак, стали отъезжать и прокладывать себе путь на улицу, двигаясь по разметке и по встречке, чтобы вырваться из затора. За спиной у него раздался вой других сирен, он повернулся и увидел, что полицейские машины, блокировавшие въезд в проулок с другой стороны, сорвались с места, визжа покрышками. И тут Колдмун понял, что они с Пендергастом никуда не могут уехать, – они брали такси до аэропорта, потом из него, а реквизированный «мустанг» Колдмуна был припаркован возле его отеля.

– Где нам взять машину, черт побери? – спросил он. – И где это кладбище? «В Майами» – это как-то уж слишком неопределенно.

Пендергаст поднырнул под ленту, покидая место преступления, и быстро заскользил между зеваками. Колдмун поспешил следом. Пендергаст остановился у сувенирного магазина, взял со стойки у входа карту Майами и резким движением руки раскрыл ее. Они вдвоем уставились на карту. Пендергаст указал на зеленый прямоугольник в раскидистой сетке напечатанных улиц:

– Ecce![21]

Колдмун прищурился на ярком свету:

– «Городское кладбище Майами».

– Приблизительно в четырех милях от того места, где мы стоим.

Колдмун снова огляделся. Множество машин, едва ползущих, – такси, лимузины, полицейские машины, – но все забиты под завязку.

Хозяйка магазина обратила на них внимание и вышла из-за кассы. Пендергаст засунул карту на прежнее место и быстро зашагал по Оушн-драйв. Колдмун пристроился за ним. Впереди замаячил один из изобилующих в Саут-Бич отелей в стиле ар-деко. Петляя между припаркованными машинами и пешеходами, Пендергаст пустился по серповидной подъездной дорожке к посту носильщика. У входа в отель стояло желтое такси, выцветшее от солнца почти до белизны. Багажник у машины был открыт, и водитель укладывал туда чемоданы, а крепкого

сложения пожилой мужчина помогал столь же пожилой женщине, которая готовилась сесть на заднее сиденье.

Пендергаст представился седоволосому мужчине, пожал ему руку, учтиво поклонился женщине. Колдмун хотел было подойти, но что-то подсказало ему оставаться в стороне. Стали появляться другие люди: парковщики, носильщики, кто-то похожий на портье. На минуту эта небольшая толпа окружила Пендергаста и пожилую пару, загородила их от Колдмуна. Потом группа начала рассеиваться, носильщик вытащил чемоданы из багажника и потащил их назад в отель. И теперь уже седоволосый человек пожимал руку Пендергасту, кивая и сияя. Пара стала подниматься по ступенькам назад в отель, и Колдмун, успевший подойти поближе, услышал прощальные слова старика:

– Спасибо вам еще раз, дружище!

– Хорошего дня. – Пендергаст захлопнул багажник, потом пригласил Колдмуна в машину через все еще открытую заднюю дверь. – После вас.

Колдмун сел. Водитель, удивленно взиравший на все это, нахмурился:

– Какого черта, приятель? У меня предполагалась поездка на сорок долларов.

– Я думаю, эта поездка станет для вас еще более прибыльной, – сказал Пендергаст, садясь рядом с Колдмуном и закрывая дверь. Он достал свой жетон и показал водителю. – Вы знаете самый быстрый путь на Городское кладбище Майами?

На водителя, мужчину лет сорока, с тощим конским хвостом и вытатуированным кубинским флагом на руке, жетон ФБР не произвел особого впечатления.

– Ну.

Пендергаст вытащил из кармана толстую пачку сложенных банкнот:

– Насколько быстро вы можете доставить нас туда?

Водитель продолжал стоять рядом с машиной:

– При таком трафике? Минут за двадцать-тридцать.

Пендергаст бросил на переднее сиденье пятидесятидолларовую банкноту:

– А за десять?

Водитель сел за руль и схватил купюру:

– Крыльев у меня нет, старина…

Еще пятьдесят долларов упали на переднее сиденье.

– Тогда, может, отрастите их быстренько? Крылья, я имею в виду?

Таксист нахмурился:

– Слушай, приятель, у меня уже три предупреждения на лицензии и…

– Вы забываете, что мы из ФБР. Доставьте нас туда самым быстрым способом, каким только можете.

– Самым быстрым! – добавил Колдмун для вящей убедительности. По его мнению, таксист был вполне готов для такой задачи, он походил скорее на водилу гангстеров, чем на таксиста. Колдмун перегнулся через переднее сиденье, пытаясь разглядеть лицензию. – Давай, Аксель, топи педаль.

Водитель захлопнул дверь и сорвался с места, за секунду исчезнув с парковочной петли отеля, но почти сразу застрял в пробке на Оушн-драйв.

Пендергаст повернулся к Колдмуну:

– У вас в телефоне есть приложение, которое прокладывает предпочтительные маршруты?

– «Уэйз».

– Откройте его, пожалуйста. Проверьте дороги в направлении кладбища. Откройте и приложение поддержки, – может, там показан другой маршрут.

Таксист съехал на обочину, чтобы миновать пробку, потом резко свернул налево на Девятую улицу.

– Не могли бы вы объяснить, что произошло у отеля? – спросил Колдмун, разбудив свой смартфон и набрав «Городское кладбище Майами».

– Секундочку. – Пендергаст подался вперед. – Какой маршрут вы выбрали? – спросил он у водителя.

Такси резко затормозило на пересечении с Коллинз-авеню, вынудив Колдмуна ухватиться за ручку над дверью.

– Насыпная автотрасса, потом Бискейн.

Пендергаст вопросительно посмотрел на Колдмуна, а тот, в свою очередь, уставился в экран смартфона. Насыпная трасса Макартура представляла собой непрерывную красную линию, тянущуюся от Майами-Бич до материка. Он покачал головой.

– Нет, – сказал Пендергаст.

– Что значит «нет»? – раздался голос с водительского сиденья. – Вы хотите туда добраться или как?

– Венецианское шоссе гораздо удобнее, – сказал Колдмун, перепрыгивая с одного приложения на другое.

– По островам?! Вы с ума сошли или…

– Я предлагаю вам сделку, – оборвал его Пендергаст. – Мой друг будет называть вам направления, а вы будете следовать его маршрутом, нарушая все правила и законы, только чтобы мы двигались. А я буду давать вам деньги. Что скажете?

Он достал еще одну купюру в пятьдесят долларов и кинул ее на переднее сиденье.

Водитель Аксель посмотрел на деньги, а потом, снова надавив на педаль газа, пересек Коллинз-авеню, несмотря на протестующие гудки встречных. Для такой потрепанной машины стиль вождения Акселя был как струя адреналина.

– Аварийку, пожалуйста, и под светофором на разделительную, – сказал Пендергаст.

– Как прикажете.

Машина перевалила через бортовой камень и, чуть виляя, понеслась по газону.

– Направо на Меридиан, налево на Семнадцатую, – подсказал таксисту Колдмун.

Пендергаст откинулся на спинку сиденья, когда такси вернулось на дорогу и полетело по Меридиан под недовольные гудки других машин.

– И все-таки что произошло у отеля? – спросил Колдмун.

Пендергаст устроился поудобнее:

– Очаровательная пара из Брисбейна на пути в Орландо. Я им отсоветовал и указал, что им разумнее будет еще на день остаться в отеле – в более дорогом номере и, конечно, бесплатном для них.

– А почему просто не помахать жетоном и не забрать у них это чертово такси?

– Забрать у такой милой пожилой пары? Фу, как некрасиво!

– И потому вы обманом отняли у них эту машину.

– Я оказал им услугу. Ни один цивилизованный человек не должен по доброй воле ступать на землю Орландо. Я предположил, что Всемирный музей эротического искусства будет гораздо более приятным выбором, а это за углом от их отеля.

Такси свернуло на Семнадцатую, потом резко ускорилось, вдавив двух агентов в кресла. Водитель умело протискивался между машинами, подавая сигнал и маневрируя и в конечном счете заехав на край тротуара.

– Под красный, пожалуйста. – С этими словами Пендергаст уронил еще пятьдесят долларов на переднее сиденье.

Такси проехало под красный и понеслось дальше. Колдмун еще раз сверился с приложением. Маршрут был свободен от трафика, но трафик оказался меньшим из зол.

Перед ними неожиданно появился простор яркой голубизны – залив Бискейн. Тридцать секунд спустя дорога превратилась в мост над параллельными рядами островов ромбовидной формы, сверкающих среди лазури зеленью и белизной, как драгоценные камни в яйце Фаберже. Колдмун смотрел на переливающиеся высотки и яхтенные причалы, обрамленные бесчисленными пальмами и как будто вырастающие из тропических вод, словно сказочные замки. Ему пришло в голову, что, если бы в детстве, проведенном в резервации Пайн-Ридж, ему показали фотографию такого места, он бы подумал, что это выдумки.

Его мысли прервал громкий скрежет тормозов, и он ударился о подголовник водительского кресла. Придя в себя, Колдмун увидел длинный ряд стоп-сигналов впереди и что-то вроде

дорожно-транспортного происшествия. Он понял, что Пендергаст и водитель – в зеркало заднего вида – с надеждой смотрят на него.

– Ну? – спросил Аксель. – Что теперь, Дэви Крокетт?

Колдмун посмотрел на экран смартфона. Они находились на восточной оконечности острова Риво-Альто.

– Левый поворот, два правых, и возвращаемся на Венецианское шоссе.

Водитель без слов вывернул рулевое колесо, ярдов сто несся по встречке, потом с заносом свернул налево. Пендергаст уронил еще сто долларов на переднее сиденье.

– Знаете, наверное, проще было бы арендовать вертолет, – сказал Колдмун.

К его удивлению, Пендергаст серьезно отнесся к этой идее:

– Все, что угодно, лишь бы улучшить этот отвратительный трафик. – Он помолчал секунду и добавил: – Я уже второй раз опаздываю на место преступления. В третий раз не опоздаю.

Такси еще раз пересекло встречные и попутные полосы, въехало на последний остров в ряду и приблизилось к непрерывной линии отелей вдоль берега.

– Направо на Вторую авеню, – сказал Колдмун, заметив, что 1-я магистраль была бы ненамного лучше, чем парковка, из-за строительных работ впереди.

Вместо ответа таксист проскочил один перекресток, потом второй, едва избежав бокового тарана от двигающегося фургона, потом сделал безумный поворот на Вторую через разделительную полосу, отчего задние покрышки машины задымились, и некоторое время петлял между пальмами, как на слаломной трассе. А потом машина в очередной раз остановилась, и на сей раз, по-видимому, более или менее окончательно: все полосы впереди стояли, очевидно заблокированные строительными работами и страдальцами с 1-й магистрали.

– Черт, – пробормотал Колдмун.

Но не успело прозвучать это слово, как Пендергаст бросил еще одну купюру на переднее сиденье и вышел из машины. Колдмун последовал за ним. В трех кварталах впереди виднелось зеленое пятно – кладбище.

– Одиннадцать минут, – сказал Пендергаст. – Превосходно. Возможно, мы даже опередим нашего друга-лейтенанта.

Петляя между машинами, он вышел на тротуар и ровным, но быстрым шагом двинулся на север.

14

Специальный агент Колдмун кивнул двум копам, стоящим у ворот, и вошел на Городское кладбище Майами. Подъезжали все новые полицейские машины, активность нарастала. Колдмун остановился, чтобы оценить свежим взглядом всю картину, а Пендергаст легким шагом двинулся вперед. Кладбище представляло собой большую зеленую зону, обнесенную забором, выкрашенным зеленой краской, и погруженную в тень корявых дубов. Асфальтовая дорога делила кладбище на две части. Вдоль дороги выстроились надгробия и склепы разных стилей и размеров, одни заброшенные, другие хорошо ухоженные. Кладбище выглядело старинным и, судя по склепам, служило пристанищем для некоторых очень богатых тел. Странное место для захоронения: чуть ли не в самом центре Майами.

Почувствовав атмосферу места, Колдмун зашагал к склепу, в котором нашли сердце, – это был мрачный гранитный храм, обнесенный полицейской лентой и окруженный растущей толпой полицейских и криминалистов. Пендергаст куда-то исчез. Колдмун поговорил с одним из местных копов, и тот ему сказал, что во внутреннее помещение склепа можно будет войти минут через тридцать, когда там поработают криминалисты.

Колдмун неторопливо прогулялся внутри огороженного пространства, запоминая все, что видит вокруг. Склеп, в котором нашли сердце, был сооружен из массивных блоков, по бокам от входа стояли две каменные урны, на тяжелой медной двери образовалась патина. Над дверной перемычкой была высечена фамилия: «ФЛЕЙЛИ». Колдмун прошел мимо открытых дверей и увидел ярко освещенное неухоженное помещение, в котором священнодействовали два криминалиста в белых халатах. Он подумал, что так, наверное, выглядят духи предков, сбитые с толку и не находящие себе места, ищущие освобождения от своих земных оков.

В поле его зрения попала чья-то фигура поодаль: скорбящий человек в черном, стоящий на коленях с опущенной головой. Потом Колдмун понял, что это Пендергаст. С пинцетом в руке он осматривал траву, почти уткнувшись носом в землю.

– Нашли что-нибудь? – поинтересовался Колдмун, подходя ближе.

– Пока нет.

Тем не менее в его руке вдруг откуда-то появилась пробирка, Пендергаст положил в нее что-то невидимое и встал. Он продолжил свой путь вокруг склепа, словно идя по следу, – этому индейскому умению Колдмун научился в детстве.

– Я был бы очень признателен за вторую пару глаз для осмотра земли, – сказал Пендергаст. – Я ищу место, где преступник вошел и вышел.

– Поскольку прошлой ночью было полнолуние и безоблачное небо, вы предположили, что он пришел сюда не по главной дороге.

– Именно.

Они описали мучительно медленную петлю, изучая каждый след, какой им попадался. Когда они в конце концов вернулись туда, откуда начали, – похоже, без какого-либо успеха, – Пендергаст, прищурившись, посмотрел на склеп:

– Так. Комната мертвых уже готова.

Криминалисты под бдительным присмотром лейтенанта Сандовала собирали свои инструменты, снимали рабочую одежду. Колдмун следом за Пендергастом поднырнул под желтую ленту и вошел внутрь.

Вдоль правой и левой стен склепа тянулись ниши в три ряда, по пять штук в каждом, что в целом составляло тридцать погребальных камер; все камеры были заделаны, кроме одной – в дальнем конце слева. Над каждой из камер имелась мраморная табличка с высеченным именем и датами, но у некоторых камер закладные камни растрескались и высыпались, и внутри виднелись сгнившие гробы. Пол был покрыт слоем пыли и следами присутствия крыс; вода, протекшая с крыши, оставила разводы на стенах.

Пока Пендергаст безмолвно расхаживал по склепу, Колдмун сосредоточился на нише, которая и представляла для них интерес – одна из последних.

АГАТА БРОДЕР ФЛЕЙЛИ

3 СЕНТЯБРЯ 1975

12 МАРТА 2007

Снятая мраморная табличка лежала в стороне. Перед гробом на бечевке, как рождественское украшение, висело человеческое сердце, оно чуть раскачивалось в сеточке, сплетенной из колбасного шпагата. Капелька свернувшейся крови застыла внизу, как маленькая сосулька. На полу образовалась липкая лужица.

К сердцу была приколота булавкой записка. Колдмун подошел и осторожно сфотографировал ее смартфоном, потом отступил немного, чтобы прочесть.

Моя красавица Агата,

твоя кончина была самой ужасной из всех, и за это я приношу свои извинения. Цветок нежнейший, схваченный морозом ранним. Поскольку я человек Действия, а не слов, приношу тебе дар в качестве искупления.

С нежными пожеланиями,

мистер Брокенхартс.

– Брокенхартс воображает себя человеком с литературным талантом, – сказал Пендергаст, подойдя сзади.

– Вы про цитату из «Ромео и Джульетты»?[22]

К удовольствию Колдмуна, брови Пендергаста чуть приподнялись.

– Верно. Эти слова можно добавить к строке из Т. С. Элиота в предыдущей записке.

– «Давай пойдем с тобою вместе – я и ты, когда тоска вечерней немоты закроет небеса…»[23] – продекламировал Колдмун. – На первом курсе я слушал лекции по английской литературе, – объяснил он.

– Да-да. Хотя я не могу себе представить, какое отношение Альфред Пруфрок имеет к *этому*… – Пендергаст показал на огромную булавку с зеленой пластмассовой головкой в форме черепашки-ниндзя. – Разве что указывает на странное чувство юмора у нашего убийцы.

Пока Колдмун делал фотографии, Пендергаст снова опустился на колени и принялся разглядывать пол, подбирая своим пинцетом еще что-то невидимое. Он был погружен в свое занятие, когда до Колдмуна снаружи донесся возбужденный голос с густым флоридским акцентом наряду с более размеренными тонами лейтенанта Сандовала.

– А, человек, нашедший сердце, – заметил Пендергаст, поднявшись. – Поговорим с ним?

Человек пересказывал историю своей находки Сандовалу. Колдмун включил диктофон и сунул его в передний карман.

– Мой добрый друг, – сказал Пендергаст, – мы еще не слышали вашу историю. Позвольте поприсутствовать?

– Да ради бога. Я тут рассказывал полицейскому…

– Ваше имя? – вмешался Колдмун.

– Джо Марти. Я дневной сторож. Так вот, я, когда приступаю к работе, всегда делаю обход. А тут смотрю – медные двери раскрыты. Я про себя думаю: нет, вчера так не было. Нет, сэр. Я, джентльмены, внимательно приглядываю за этими надгробиями. Тут много лежит знаменитостей, и мы не хотим, чтобы кто-то их тревожил или разбирал на сувениры. И вот вижу я, двери открыты, и заглядываю внутрь. Ничего не вижу. Тогда я открываю дверь побольше, вхожу внутрь – тоже ничего.

Голос его становился все звонче, усиливался.

– Но тут чую какой-то запах странный. Необычный. Я поворачиваюсь, натыкаюсь головой на эту штуку, и она начинает раскачиваться туда-сюда, вы понимаете? И я себе говорю, что здесь ничего такого не должно висеть. Хватаю его рукой, а оно все мокрое и липкое, и к нему клочок бумаги приколот, и тогда я беру ноги в руки и бегу на свет, и вижу вроде как кровь на руках, и тут я начинаю кричать. Да, сэр, я орал так, что вы и не поверите. Потом я звоню управляющему, он звонит в полицию – и пожалуйста! Позвольте, я вам скажу…

Пендергаст ловко вставил вопрос в этот поток слов:

– В какое время вы пришли на работу?

– В семь. Я всегда в семь начинаю. Ничего такого ни разу еще тут не случалось…

– Когда вы прикоснулись к сердцу, вы почувствовали, что оно еще теплое?

– Черт возьми, я как-то об этом не подумал. Но когда вы спросили… да, оно еще тепленькое было. – Его пробрала дрожь.

– Не знаете, как убийца мог пройти на кладбище?

– Да тут ограда невысокая, никого не задержит. Сюда приходят дети, пиво пьют, писают – неуважительно.

– Часто?

– Чертовски часто.

– Спасибо. Агент Колдмун, у вас есть вопросы?

Колдмун увидел, как Марти обратил на него маленькие влажные глаза.

– Кто-нибудь приходит на эту могилу? Цветы положить?

– Нет, к этой, кажись, никто не приходит.

– А кто отвечает за уход?

– Мы убираем общую территорию. А участки принадлежат семьям, они и должны ухаживать за всем. Многие ничего не делают, и это стыд, черт его…

– Вы знаете семью Флейли?

– Ничего про них не знаю. Не такие знаменитые, как некоторые из здешних. Может, вымерли все. Или живут далеко. Так бывает. Я от вас не скрываю: я когда увидел, как сердце качается туда-сюда, у меня кровь в жилах застыла.

– Да и у кого бы не застыла, – поддержал его Колдмун. – Спасибо.

Джо Марти пошел прочь, вертя головой в поисках еще кого-нибудь, кому бы рассказать историю. Колдмун видел, что у входа на кладбище начала собираться пресса, но репортеров сдерживала полиция.

К ним подошел детектив криминальной полиции в костюме из легкой ткани в клетку. Он помахал двумя листочками и протянул их Сандовалу, который быстро просмотрел один и передал Пендергасту:

– Это предварительные сведения об Агате Флейли. Еще одно самоубийство. Ее тело нашли повешенным на мосту в Итаке, штат Нью-Йорк.

– Спасибо.

Когда Пендергаст взял лист, Колдмун краем глаза заметил быстрое движение: к ним резво приближался долговязый худой мужчина в гавайской рубашке и джинсах в обтяжку, с хипстерской широкополой шляпой на голове. Увидев, что они смотрят в его сторону, он крикнул:

– Джентльмены, можно пару слов?..

Репортер. Лицо Сандовала покраснело от раздражения.

– Глядите-ка, кто сюда пожаловал. Вы что, не знаете, что кладбище закрыто?

Долговязый помахал какой-то карточкой:

– Да бросьте, лейтенант, вспомните, сколько я услуг вам оказал! Пожалуйста, один-два вопроса, и больше ничего.

– Выйдите за ограждение.

– Послушайте, всего… – Репортер вдруг замер, уставившись на Пендергаста. – Вы!

Колдмун посмотрел на напарника. На лице агента, обычно непроницаемом, появилось редкое для него удивление.

– Что вы здесь делаете? – спросил репортер.

Сандовал раздраженно вздохнул:

– Смитбек, выйдите за периметр, или я прикажу моим людям вывести вас. Вы же знаете, это сейчас закрытая зона.

– Секундочку. – Репортер шагнул к Пендергасту и протянул руку. – Агент Пендергаст. Как поживаете?

Пендергаст на мгновение замер.

– Отлично. Спасибо. – Он неохотно протянул руку, и Смитбек энергично ее пожал.

– Вы его знаете? – спросил Сандовал у Пендергаста.

Но Смитбек повернулся и сам ответил на вопрос:

– Конечно он меня знает.

– Ну хорошо, вы поздоровались. А теперь – за периметр. – Сандовал жестом подозвал полицейских в форме. – Сержант Моррел! – крикнул он. – Возьми Гомеса, и проводите этого человека отсюда.

– Пендергаст, пожалуйста!

Пендергаст, похоже, пришел в себя:

– Мистер Смитбек, я удивлен, что вижу вас. Надеюсь, с вами все в порядке?

– Отлично, спасибо. – Репортер посмотрел на быстро приближающихся полицейских и понизил голос: – Почему подключено ФБР?

– По двум причинам. В деле присутствуют необычные психологические аспекты, которые заинтересовали наш отдел поведенческого анализа. И в целевых могилах лежат самоубийцы, покончившие с собой за пределами Флориды, что обусловливает участие федерального агентства.

– В целевых – каким образом?

– Сожалею, но мы не можем вдаваться в детали.

– Ладно, но…

Два копа взяли Смитбека под руки и повели его прочь.

– Это серийный убийца? – выкрикнул тот.

Вместо ответа Пендергаст повернулся к Колдмуну, который вопросительно смотрел на него. Как и Сандовал.

– На случай, если вам интересно… – сказал Пендергаст. – Я хорошо знал его брата. Трагическая история. Когда-нибудь расскажу.

Колдмун кивнул. Он сомневался, что когда-нибудь услышит эту историю, да ему не очень-то и хотелось.

15

Отделение ФБР в Майами было одним из самых продвинутых в стране, поскольку в зону его ответственности входили не только девять округов Флориды, но также Мексика, Карибы, вся Центральная и Южная Америка. Размещалось отделение в новом здании из голубоватого стекла в стиле хай-тек, которое воспарило над улицами Мирамара к северо-западу от Майами, и это было самое впечатляющее здание ФБР, какие Колдмун когда-либо видел. Оно более походило на

постмодернистскую скульптуру, чем на федеральное здание. Колдмун постарался убедить себя, что вовсе не испуган.

Он последовал за Пендергастом на второй этаж, в конференц-зал, в центре которого стояли стол красного дерева и кресла. Здесь были также интерактивные белые доски и экраны с разрешением 5K – самые продвинутые технологии. Колдмун пожалел, что не прихватил с собой термос со своим любимым кофе. Образ висящего сердца с капелькой крови упорно не покидал его с самого утра.

Они пришли рано. Постепенно подтягивались другие агенты (большинство из отделения Майами), они кивали, бормотали приветствия и занимали свои места. Когда все собрались и минутная стрелка на три минуты переползла в следующий час, дверь открылась и вошел ответственный заместитель директора Уолтер Пикетт, а за ним странный шаркающий господин в роговых очках и мешковатом костюме, больше похожий на библиотекаря, чем на агента ФБР. Пикетт сразу занял место во главе стола, положил на столешницу стопку папок и, не садясь, сказал:

– Приветствую вас, леди и джентльмены.

Этот человек, как всегда, был безукоризненно одет и причесан. Он излучал уверенность, спокойствие и достаточно самонадеянности, чтобы заполнить все помещение.

– Позвольте представить вам доктора Мильтона Марса, главного специалиста Четвертого отдела поведенческого анализа. Он вкратце обрисует психологический портрет преступника. Но сначала я хочу сообщить вам, что у нас есть по последнему убийству.

С достойной восхищения эффективностью он ввел их в курс дела по убийству Дженнифер Розен. На основании криминалистической экспертизы был сделан вывод о спонтанном характере убийства, которое было совершено быстро и умело: убийца почти не оставил никаких следов. Потом Пикетт перешел к получательнице сердца:

– Агата Бродер Флейли была найдена повешенной на мосту в Итаке, штат Нью-Йорк. Она приехала туда, чтобы устроиться на работу в Корнеллский университет. Похоже, собеседование прошло не слишком удачно; все обстоятельства говорили в пользу самоубийства, и местный коронер это подтвердил. У нас есть его отчет. Агата была одинокой, и ее тело захоронили в склепе Флейли здесь, в Майами, по условиям давно созданного семейного траста.

Пикетт сделал паузу.

– Полиция Майами, естественно, искала какую-либо связь между жертвами нового убийства и прошлого суицида. Такой связи не установлено. Я думаю, мы можем продолжать, исходя из допущения, что убийца, возможно, выбирает жертв самоубийства, но случайным образом; жертв, между которыми не существует никакой другой связи, исторической или какой-то иной.

Гул согласия, несколько кивков. Колдмуну тоже трудно было представить, каким образом самоубийства десятилетней давности могут быть связаны с недавними убийствами. Он посмотрел на Пендергаста, но не увидел ничего, кроме обычной маски.

– А теперь слово доктору Марсу.

Человек в очках в роговой оправе дружелюбно кивнул всем:

– Вы, несомненно, знакомы с Программой ФБР по предотвращению насильственных преступлений. Программа использует главную базу данных отдела поведенческого анализа.

Гнусавый голос человека звучал удивительно громко даже в большой комнате.

– Виды человеческого поведения подразделяются на категории. Никакое поведение не является абсолютно уникальным. В базе данных Программы по предотвращению насильственных преступлений собрана информация по всем известным серийным убийствам: modus operandi, сведения о жертвах, лабораторные данные, архивы криминальной истории, показания, психологические анализы – короче говоря, всё по каждому преступлению. Вводя факты, полученные по конкретному серийному убийце, в базу данных, мы часто можем экстраполировать факты, нам неизвестные. Мы сделали это с нынешним Брокенхартсом, которого предположительно отделяет всего одно убийство от технического придания ему статуса «серийный убийца», и сейчас я предъявлю вам результаты. Пожалуйста, можете прерывать меня вопросами.

Раздалось шуршание, появились блокноты, проснулись планшеты. Начиналось самое главное.

– Наш психологический анализ указывает на то, что, несмотря на поверхностные впечатления, говорящие о противоположном, Брокенхартс в высшей степени организованный убийца. Он выбирает место, а не жертв. Он ждет в этом месте, заранее расписав все свои действия в мельчайших подробностях. Чтобы избежать видеоидентификации, он выбирает многолюдные места. Когда в

выбранном им месте появляется жертва, он с исключительной наглостью совершает заранее срежиссированное убийство. Он настолько уверен в себе, что совершает убийство в местах интенсивного уличного движения, а потом преодолевает некоторое расстояние до того места, где намерен оставить сердце. Убийства совершаются быстро, он пользуется двумя инструментами. Одним он перерезает горло, другим рассекает грудную кость, потом отделяет сердце от артерий – все это делается решительно, что говорит о хорошей отработке навыка. Мы называем такой тип убийц ритуалистическим. Мотивация обычно связана с религиозной идеей, нередко с дьяволом, Сатаной, Богом или Иисусом. Убийца, вероятно, шизофреник, слышит голоса, считает, что это голоса доброго или злого божества, призывающие его к какому-нибудь конкретному действию. Убийца имеет сильно преувеличенное представление о своем месте в мире и потому чувствует себя обязанным осуществлять определенные действия. Он почти всегда имеет хорошую физическую форму, а в данном случае весьма вероятно, что он моложе двадцати пяти лет. Он мужского пола. В противоположность бытующему мнению он контролирует свои действия. Убийства он совершает не по принуждению свыше, действует добровольно и может остановиться, если сочтет, что для этого есть основания.

Лектор поправил очки на переносице.

– Для каждого эпизода убийца использует один и тот же инструментарий, он его холит и лелеет, а потом пускает в дело. Хотя обе жертвы женского пола, нет никаких указаний на то, что убийства совершались в сексуальных целях.

После этих слов он сделал короткую паузу.

– Есть и другие характеристики, которые мы можем ему приписать. Он живет один. Имеет машину. У него нет подруг или сексуальных партнеров. Скорее всего, у него нет задокументированного криминального прошлого. Соседям своим он кажется более или менее нормальным. Важно сказать, что убийцы такого рода в детстве почти всегда подвергались насилию, будь то сексуальному, психологическому или физическому, от рук близкого родственника, обычно отца. Сильной биографической характеристикой может быть и материнское небрежение. Иногда убийца – выходец из фанатично религиозной или сектантской семьи, насаждавшей принудительные ритуальные действия, которые необходимо осуществлять с безукоризненной точностью, иначе последует наказание. Таким образом, убийства отражают тот ранний опыт.

– Кроме того, подобные убийцы нередко подпитываются общественным вниманием, – добавил Пикетт, – поэтому давайте не будем ему потакать.

И без того плохо, что слухи об оставленных им на могилах сердцах начинают просачиваться, – мы не уверены, но полагаем, что благодарить за это следует кладбищенского сторожа. Так что давайте придерживать остальные подробности: содержание записок, его имя, все остальное.

– Согласен. – Доктор Марс помолчал, оглядел всех совиным взором. – Итак, какие вопросы?

Пендергаст заговорил первым:

– Обычное ли дело, чтобы такого рода убийца регулярно использовал два вида оружия?

– Нет.

– Я так и думал. Наш убийца подкрадывается сзади и перерезает горло – довольно умело, гарантируя быструю смерть от обескровливания, – потом удаляет сердце, завладение которым и представляется его главной целью.

– Это соответствует портрету, – сказал доктор Марс.

– А вы не могли бы порассуждать, почему убийца просто не вырубает сердце жертвы? Зачем тратить время на перерезание ей горла?

Последовала пауза.

– Возможно, чтобы не дать жертве закричать, – ответил наконец доктор Марс.

– Есть другие способы добиться этого, не прибегая к дополнительным действиям, требующим использования двух видов оружия. Возможно ли, что убийца – который, как мы признали, более заинтересован в получении сердца, чем в совершении убийства, – пытается принести жертве как можно меньше страданий?

– Это… не соответствовало бы стандартному портрету.

– Но вы бы не стали отрицать, что такое возможно?

Доктор Марс нахмурился:

– Да. А теперь, если у вас больше нет…

– Еще один вопрос, – невозмутимо перебил его Пендергаст. – Немногим ранее ответственный заместитель директора Пикетт упомянул прозвище, которое убийца выбрал себе сам: мистер Брокенхартс. Мне

кажется, что тут аллюзия на роман Натанаэла Уэста «Мисс Лонлихартс»[24] или на газетную колонку с объявлениями о пропавших близких. Вы не исследовали такую связь?

– Мм… я не знаком с этим романом.

– Я бы советовал вам познакомиться. Это роман об отчуждении от современного мира… и убийстве. Главного персонажа романа, мисс Лонлихартс (кстати, мисс Лонлихартс – мужчина), преследуют страдания, о происхождении которых он прекрасно знает, но никак не может от них избавиться.

– Этого романа нет в нашей базе данных, – сказал доктор.

Пендергасту такой ответ явно не понравился, и он смерил Марса сверкающим взглядом:

– Есть многое на свете, чего нет в вашей базе данных, доктор Марс[25].

– Сомневаюсь, что наш убийца такой уж читатель, – раздраженно вмешался Пикетт.

– Напротив, он цитирует Т. С. Элиота в первой записке и перефразирует Шекспира во второй.

– Хорошо, хорошо, отдел поведенческого анализа рассмотрит дело и в таком ракурсе. Есть еще вопросы или комментарии?

Дискуссия продолжалась еще некоторое время. Колдмун помалкивал. Он ненавидел такие заседания: люди здесь собирались не для обмена информацией, а для того, чтобы произвести впечатление на начальство или услышать собственный голос.

Наконец Пикетт поднялся.

– Если это все… – сказал он, как бы подытоживая.

– Один маленький вопрос, – перебил его Пендергаст, поднимая палец.

Колдмун ощутил укол адреналина. Было что-то такое в ровном голосе Пендергаста, что он уже научился распознавать, – возникающий время от времени скрытый намек на задиристость.

– Да?

– Я прошу разрешения на эксгумацию тела Флейли.

– Мы уже говорили об этом применительно к Бакстер, – заметил Пикетт. – Какой это может послужить цели? Дело о том самоубийстве было открыто и закрыто одиннадцать лет назад… и вдали от того штата.

– И все же я настаиваю на эксгумации.

– Позвольте вам напомнить, что тело было подвергнуто аутопсии, как и положено в случаях самоубийства.

– Я в курсе. Я видел отчет коронера по миз Флейли. Он составлен в туманных выражениях и ни о чем не говорит, как и отчет по Элизе Бакстер.

Пикетт вздохнул:

– Что конкретно вы надеетесь найти?

– Не могу сказать точно. Именно поэтому я и хочу посмотреть. Доступ к ее останкам не вызовет никаких затруднений. И в данном случае, кажется, нет семьи, которая стала бы возражать.

Пикетт посмотрел на Колдмуна, и у агента промелькнула неприятная мысль, что сейчас ему предложат высказать свое мнение. Но это явно было бы неуместно, и наконец Пикетт уступил:

– Хорошо, агент Пендергаст, если вы так настаиваете и поскольку вы ведущий агент в данном деле, я дам свою санкцию.

– Очень вам признателен, – сказал Пендергаст. – И моя признательность не будет знать границ, если это случится в кратчайшие сроки.

16

Пикетт сдержал слово. «В кратчайшие сроки», к удивлению Колдмуна, оказалось «этим же вечером». Колдмун не сомневался, что Пикетт устроил все таким образом, чтобы сделать процесс максимально неудобным. Но если Пендергаст и был раздражен, то никак этого не демонстрировал. Даже напротив: он казался довольным, если только можно назвать довольным человека с непроницаемым лицом сфинкса. Зато персонал кладбища был глубоко возмущен, и, когда все собрались у склепа, Колдмун чувствовал холод, не имевший ни малейшего отношения к вечерней прохладе.

– Приятный вечер, – сказал Пендергаст. – Какое впечатляющее изобилие звезд. Я не в первый раз замечаю, что небеса здесь кажутся ближе, чем в Нью-Йорке.

Это вознесение в миниатюре поразило Колдмуна. Небо очистилось, и, несмотря на луну и свет окружающего города, широкий поток полуночных звезд действительно образовывал арку над головой. На глазах у Колдмуна метеор прорезал темноту. Когда агент был ребенком, бабушка рассказывала ему, что при рождении человек получает дыхание жизни от Вакан Танки, а после смерти оно возвращается в мир призраков вспышкой света. Может быть, этот вичахпи, пролетевший по небу, был Дженнифер Розен, может быть, это ее дыхание жизни возвращалось в вечность.

Наблюдать за происходящим явился директор кладбища, коротышка с ямочками на щеках и пухлыми губами. Колдмун не уловил его имени, но ему послышалось что-то вроде Фэттерхед[26]. Машина для перевозки гробов подошла к самым дверям склепа, въехать внутрь ей мешали гранитные ступени. Четверо рабочих с брезентовыми стропами должны были извлечь гроб из ниши, вынести и установить в кузов. На дорожке ждал санитарный автомобиль, чтобы отвезти останки в морг в здании судмедэкспертизы. В свете фар длинные тени ложились на погребальные ниши внутри.

– Ну, – сказал Фэттерхед, – приступаем.

Рабочие вошли в склеп и встали у темной ниши, Колдмун и Пендергаст остались снаружи. Сердце-маятник удалили еще днем. Рабочие не воспользовались медной ручкой, видимой на торце гроба. Вместо этого они длинным шестом завели одну из строп за дальний торец гроба, потом легонько потянули концы на себя. Показался край гроба. Под него подвели вторую стропу и вытащили еще на пару футов, добавили еще одну стропу снизу – и так, пока в нише не остался только дальний конец гроба.

– Похоже, они делают это уже не в первый раз, – пробормотал Колдмун.

Когда весь гроб выскользнул из ниши, все четверо – по двое с каждой стороны – напряглись под его грузом, надувая мышцы под футболками. Теперь, когда гроб извлекли полностью, Колдмун увидел, что, несмотря на относительно недавнее захоронение, это вместилище тела превратилось в развалину: с протекающей крыши на него непрерывно капала вода, а потому дерево распухло, петли и медные ручки оказались сорваны, днище почти сгнило.

Зученным приемом четверка рабочих развернула гроб. Они замерли на секунду, после чего одновременно сделали шаг, другой и медленным маршем двинулись со своей ношей к двери, словно участники похоронного кортежа.

Когда гроб миновал дверь, рабочие приготовились спуститься по ступеням на землю. Но как только идущие впереди сделали первый шаг, послышался такой звук, словно кто-то смял бумагу, и в прогнившей части гроба появилась вертикальная щель. Днище начало проседать в середине.

– Легче, легче! – крикнул директор. – Стойте!

Они остановились, на их лицах выступил пот. Но зловещим образом трещина продолжала с нарастающим хрустом увеличиваться посреди днища и с выходом на боковины.

– Быстро! Еще один строп посередине! – крикнул директор, и другие рабочие бросились исполнять указание.

Но было поздно: две половинки гроба разделились, и в расширяющейся щели появилось содержимое гроба – средняя часть тела.

– Закройте щель! – завопил Флэттерхед.

Но две половинки гроба словно зажили каждая своей жизнью – они разошлись, как сломанная пополам плитка шоколада. И само тело, распавшееся на две части, выскользнуло наружу в облаке сгнившего шелка и разложившейся одежды. Тело, просолившееся за десятилетие протечек, принадлежало женщине с копной каштановых волос, в черном платье и жемчугах.

Колдмун был глубоко потрясен. Его воспитали в предельном уважении к мертвым.

– Проклятье! – прокричал Фэттерхед.

Все остальные смотрели в испуганном оцепенении.

Молчание. Наконец директор пришел в себя и сказал более спокойным голосом:

– Пожалуйста, принесите саван и поместите в него останки.

Рабочие взяли похоронный мешок, лежавший на тележке, положили его параллельно телу и все вместе, подхватив останки снизу, переместили обе части в мешок, закрыли его на молнию и погрузили в машину для перевозки гробов.

– А что с гробом? – спросил один из рабочих.

– Мы перевезем его в следующую ездку, – ответил Флэттерхед. Он повернулся к Пендергасту. – Прошу прощения, сэр. Такое просто впервые... исключительные обстоятельства...

Он стоял, заламывая руки, не в силах подобрать слова.

– Я бы на вашем месте не стал переживать, – сказал Пендергаст и положил ему на плечо руку, желая его утешить. – Вряд ли какая-либо из частей миз Флейли будет на вас в обиде.

17

Доктор Шарлотта Фоше не любила работать в присутствии зевак, будь то местные копы или федералы. Новички часто производили непроизвольные шумы, громко дышали, некоторых даже рвало. А привычные к таким зрелищам вели себя еще хуже: пытались продемонстрировать свое безразличие, отпуская шутки и делая идиотские замечания.

Сложив руки на груди, она ждала возле каталки с предметом исследования, все еще находившимся в транспортировочном мешке. Первым вошел главный агент ФБР. Типичный федерал, под халатом свежий синий костюм, коротко подстриженные волосы с сединой, квадратная челюсть, широкие плечи. За ним шел поразительно бледный человек в черном костюме, необычайно похожий на множество владельцев и агентов компаний по предоставлению ритуальных услуг, с которыми она имела дело, вот только ни у одного из них не было таких пронзительных серебристо-голубых глаз. Эти двое явно принадлежали к высшему звену, что указывало на огромную важность дела. К высшему или нет, но в морге у них не было никаких привилегий. И никаких дружеских представлений или рукопожатий, которые в любом случае запрещены в секционной.

За этой парочкой появился молодой человек с длинными волосами, разделенными посредине на пробор; его этническую принадлежность доктор Фоше не смогла определить. К ее удовлетворению, все они выглядели неуклюже в халатах, и она обвела их недружелюбным взглядом, когда они встали в ряд.

– Джентльмены, – сказала она, после того как они представились, – правила здесь просты. – Она посмотрела на каждого по очереди. – Первое правило: никаких разговоров и вопросов, если только в этом нет абсолютной необходимости. Правило номер два: молчание. Это значит, никакого перешептывания или шуршания. Правило номер три: никаких ментоловых леденцов. Если вас начинает тошнить, пожалуйста, выходите отсюда немедленно.

Все согласно кивнули.

– Я буду громко говорить во время работы. Пожалуйста, имейте в виду, что я обращаюсь не к вам; я говорю на видеорегистратор.

Снова кивки. Они казались покладистыми, по крайней мере пока.

– Спасибо. Теперь я приступаю.

Она повернулась к телу, лежащему на тележке рядом с каталкой. Тело имело необычную форму. Руководитель доктора Фоше, старший судмедэксперт Дент Моберли, предупредил ее, что останки в плохом состоянии и работать с ними будет нелегко. Ну, оно и к лучшему. Фоше, заместитель судмедэксперта, работала в этой должности всего пять лет после окончания медицинской школы и мечтала возглавить собственный отдел в каком-нибудь большом городе, предпочтительно в Нью-Йорке. И именно трудные, знаменитые дела сделают ее тем, кем она хочет стать. Она порадовалась, что на сей раз доктор Моберли не настаивал на своей ведущей роли.

Для начала она прочитала информацию из медицинской карты: имя объекта исследования, личные данные, дата и зафиксированная причина смерти. Санитар морга подошел к тележке и ловко переместил останки из мешка на каталку.

Доктор Фоше начала с общих наблюдений.

– Отмечаю, что тело в значительной степени разрушено, – сказала она. – Причина – сменяющиеся циклы пребывания во влажной и сухой среде, разложение с последующим обезвоживанием.

От тела все еще исходил запах бальзамирующей жидкости, которая не могла сдержать разрушительные последствия разложения. Тело распалось на две части, и, делая предварительный осмотр, доктор Фоше отметила, что плохое состояние тела выявило формальный (и явно спешный) характер первого вскрытия. По большому счету ей придется делать все с самого начала.

Тем лучше.

Она начала с нового Y-образного разреза, и лаборант подал ей ножницы для открытия грудной полости. Кости стали хрупкими и ломались, как сухие прутья. Внутренние органы были удалены во время аутопсии одиннадцатилетней давности, после чего их вернули в полость тела, – теперь они представляли собой сморщенные черные комки, прилипшие к брюшинной стенке в продвинутой стадии разложения. Вскоре доктор

Фоше перешла «в зону» – так она называла тот момент, когда все ее внимание сосредоточивалось на теле, а все остальное уходило на задний план. Она замедлила темп, когда подошла к участку гениталий и провела очень осторожное рассечение. Поскольку вскрытие носило судебно-медицинский характер, это означало, что была вероятность сексуального нападения. Однако данное тело слишком разложилось, и вряд ли тут можно было обнаружить что-то такое, кроме последствий первичного вскрытия и самых крупных травм.

Тикали часы. Три наблюдателя, слава богу, хранили молчание. А ее босс, к счастью, куда-то исчез.

Наконец она перешла к голове. По данным предыдущего вскрытия, покойная покончила с собой путем повешения. Доктор Фоше нахмурилась, увидев, что доктор, проводивший первую аутопсию, почти не исследовал шею, разве что для подтверждения ее роли в смерти женщины. Она сделала U-образный надрез в передней части шеи и приступила к осторожному рассечению, освобождая грудино-ключично-сосцевидную мышцу от нижних наслоений, обнажая сонное влагалище и артерию, черепной нерв, лопаточно-подъязычную и грудино-щитовидную мышцы. Наконец она дошла до шейного отдела позвоночника.

– Доктор Фоше, можно вопрос?

Она повернулась. Голос принадлежал бледному, тому, кто вроде бы назвался Пендергастом. Она уже хотела напомнить о правилах, но что-то в его глазах, мягких и умоляющих, заставило ее заколебаться.

– Да?

– Вы не видите никаких свидетельств удушения *прежде* повешения?

– Нет.

– Никаких? Из того, что я видел, на шее имеются существенные повреждения, ссадины.

– Судя по отчету коронера, это было то, что на нашем языке называется неполным повешением – там, где повешение не связано с протяженным падением. Типичное явление при самоубийстве. Ссадины, которые вы видите здесь и здесь… – она показала скальпелем, – объясняются тем, что покойная дергалась какое-то время в процессе удушения. Травматического смещения шейного позвонка C2 не наблюдается, то есть перелома позвоночника между первым и вторым шейными позвонками нет, потому что падение было недостаточно протяженным.

По этой же причине я не наблюдаю никаких сильных повреждений связок. И опять же все это характерно для суицидального повешения.

– Спасибо.

Она повернулась, чтобы продолжить работу, как вдруг раздался звоночек, дверь распахнулась и вошел ее босс.

– О, Шарлотта, я вижу, вы уже далеко продвинулись! – громко сказал главный судмедэксперт. С его приходом помещение наполнилось запахом «Олд спайс». – Это Шарлотта, – снисходительно добавил он, обращаясь к главному федералу. – Наш первый патологоанатом афроамериканского происхождения. Высший класс. – Он снова повернулся к ней. – Вы позволите?

– Прошу вас, сэр, – сказала Фоше, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

Этого следовало ожидать. На боссе был халат и все остальное – полная готовность, и он быстро приступил к работе, оттеснил Фоше от тела, театральным жестом взял скальпель и принялся тыкать, колоть и надрезать то в одном, то в другом месте, производя неодобрительные звуки, относящиеся в основном – понимал он это или нет – к поспешно сделанной аутопсии 2007 года.

– Рассечение сонной артерии должно быть диагональным, – указал он своей подчиненной.

Естественно, он ошибался, этой методике было уже двадцать лет, но Фоше научилась никогда не противоречить боссу под запись.

Моберли суетился и тыкал инструментом то в одно, то в другое место, рассек шейный участок, хотя она уже наполовину проделала эту работу. Фоше поморщилась, когда увидела, что его скальпель портит ее работу.

– Вы забыли полностью обнажить первый шейный, – сказал он. – Дайте-ка мне.

Фоше хотела сказать, что как раз собиралась сделать это, но и на сей раз придержала язык.

Несколько минут все наблюдали за тем, как работает Моберли.

– Я уже говорил об этом деле с ответственным заместителем директора Пикеттом, – сказал он, – и, похоже, тут нет никаких сюрпризов. Все, что я вижу здесь, соответствует смерти через повешение. Вы согласны, Шарлотта?

– Да. – Она и в самом деле была согласна.

Моберли еще немного потыкал в тело, потом выпрямился, огляделся и стащил с себя маску.

– Агент Пикетт предупреждал меня, что это будет потеря времени, и, кажется, он был прав. – Он огляделся. – Так что, Шарлотта, мы закончили с общим обследованием?

Она посмотрела на шею. Ее рассечение так и не было доведено до конца, хотя Моберли постарался изо всех сил, чтобы своими художествами довести до конца уничтожение и без того уже подпорченного трупа.

– Еще несколько минут, – сказала она.

К ее удивлению, федерал с серебристыми глазами наклонился к ней:

– Доктор Фоше, сделайте мне одолжение, проведите исследование подъязычной кости.

– Я обнажила бо́льшую ее часть. – Она подошла и показала скальпелем, обнажив остаток кости с помощью пинцета. – Она сломана, если это то, что вас интересует.

– Это нормально при таком повешении?

– Зависит от обстоятельств. Само повешение обычно не приводит к таким повреждениям, но при неполном повешении, какое имело место в данном случае, сильное дергание самоубийцы в петле иногда может вызвать подобные переломы.

– Но вы не видите повода сомневаться в причине смерти? – вмешался старший агент, тот, кого звали Пикеттом. – Это самоубийство через повешение?

– Да.

Фоше заметила, что Пикетт бросил ядовитый взгляд на Пендергаста. Она чувствовала себя виноватой из-за того, что не нашла ничего подтверждающего его версию, – он показался ей добрым человеком.

– Ну что ж, – сказал Моберли, – спасибо вам, Шарлотта, за помощь. – Он помахал рукой. – Можете сворачиваться.

Он повел федералов к двери. Перед тем как выйти, тот, кого звали Пендергастом, оглянулся и посмотрел на доктора Фоше с сочувствием, и

если бы она не знала, что этого не может быть, то не сомневалась бы в том, что он ей подмигнул.

Колдмуну не нравились аутопсии, и после этой его подташнивало. Он вышел из больницы следом за Пендергастом и Пикеттом. На свежем воздухе он глубоко вздохнул, пытаясь прогнать из легких запах формалина и смерти.

Пока они ждали машину, Пикетт обратился к Пендергасту:

– Удовлетворены?

– Я редко бываю удовлетворенным.

– А я вот удовлетворен. Моберли – один из ведущих криминалистов-патологоанатомов в стране, да и его помощница показалась мне довольно проницательной.

Выдержав паузу, Пендергаст сказал:

– Я бы хотел слетать в Итаку.

Пикетт уставился на него:

– Простите, что вы сказали?

– Бакстер ушла из жизни седьмого ноября две тысячи шестого года. Флейли покончила счеты с жизнью двенадцатого марта две тысячи седьмого года. Разница в четыре месяца.

– И что из этого вытекает?

– Одна смерть отстоит от другой на необычно малый промежуток времени. И обе женщины – жители Флориды, обе убиты за пределами штата.

– Совпадение. Вы достаточно долго работаете в ФБР и знаете, что в такого рода делах случаются ничего не значащие совпадения. Агент Пендергаст, абсолютно ясно, что обе жертвы покончили с собой. Вот в чем связь. У нашего парня фиксация на самоубийство. Посмотрите, как он им сочувствует. К тому же женщины не знали друг друга. Путешествие в Итаку не прольет свет на что-либо существенное.

– Тем не менее я бы хотел слетать туда.

Колдмун слушал этот разговор с безразличным лицом. Он не мог не согласиться с Пикеттом. Путешествие в Итаку – пустая трата времени, и, обжегшись в прошлый раз, он больше не хотел рисковать.

– Я могу завершить мое расследование за один день, – не отступал Пендергаст. – Туда и обратно.

Пикетт помедлил, словно обдумывая что-то. Потом в недоумении покачал головой:

– Хорошо. Если вы так убеждены, езжайте. Никаких ночевок: если Брокенхартс нанесет новый удар, вы должны находиться здесь. Но прежде я хочу, чтобы вы посмотрели данные лабораторных анализов – вдруг там появилось что-нибудь занятное.

– Спасибо, сэр.

– Агент Колдмун, вы, естественно, будете сопровождать Пендергаста в Итаку.

– Да, сэр.

Колдмун беззвучно произнес длинное и весьма красочное лакотское проклятие.

Приехала машина Пикетта, и он сел в нее.

– Я возвращаюсь в Нью-Йорк. Вы, конечно, понимаете, что я не желаю, чтобы обстоятельства вновь потребовали моего приезда сюда.

На этом он захлопнул дверь, и машина тут же сорвалась с места.

18

Они прошли по обледеневшему тротуару Ист-авеню мимо мрачного вида административных зданий, направляясь к мосту Терстон-авеню. Хотя в северной части штата Нью-Йорк было не так холодно, как в Мэне за несколько дней до того, здесь все еще лежали горы снега, собранные снегоуборщиками на перекрестках и на углах парковок. Пендергаст снова надел куртку «Снежная мантра», а Колдмун – прежнюю куртку на меху, не застегнув ее. Он поправил сумку, висевшую на правом плече. Даже для такого прохладного дня в конце марта на улицах было необычно тихо – явно по причине весенних каникул. Несколько лет назад Колдмун уже бывал в этом городе пару раз, и, если не считать «Старбакса» на ближайшем углу, здесь с тех пор ничего не изменилось: город оставался все таким же серым, гнетущим, ждущим весну.

Они дошли до перекрестка и ненадолго остановились рядом с регулировщиком, который помогал разъезду машин, пока бригада рабочих устраняла прорыв водонапорной магистрали. Воспользовавшись остановкой, Колдмун вытащил из сумки побитый термос, закутанный в красно-черный плед, снял крышку, которая служила и чашкой, и налил в нее немного своего кофе. Одно из преимуществ федерального статуса состояло в том, что можно было не обращать внимания на все эти предписания Управления по транспортной безопасности, – они могли показать удостоверения в службе безопасности аэропорта, сесть на борт вместе с пилотами и экипажем и пронести на борт все, что им заблагорассудится.

Когда великолепный аромат жженого кофе разлился в воздухе, к Колдмуну повернулись оба его попутчика: Марв Соломон, агент службы безопасности из Корнеллского университета, – с удивлением и Пендергаст – с недовольным узнаванием. Колдмун проигнорировал их, спокойно прихлебывая чуть теплый кофе: он уже давно привык к такой реакции.

Но вдруг стало ясно, что они задержатся на перекрестке еще ненадолго.

– Одну минуту, пожалуйста, – сказал Пендергаст.

Он исчез в дверях «Старбакса» и вскоре появился с картонным стаканчиком с белой пластиковой крышкой, который и протянул Колдмуну.

Колдмун взял стаканчик в свободную руку, рассмотрел его, поворачивая в руке.

– Эспрессо доппио, – пояснил Пендергаст. – Две порции чистой французской обжарки, свежемолотый. Не совсем «Кафе Реджо», но более чем адекватно для цивилизованной заварки. – На слове «цивилизованной» он сделал едва заметный акцент.

Обе руки у Колдмуна оказались заняты. Он сделал еще глоток из крышки термоса.

– Попробуйте другой, – посоветовал Пендергаст дружеским тоном.

Колдмун осторожно попробовал то, что принес ему Пендергаст. Никогда прежде не пил он кофе из «Старбакса» – там все было чертовски дорого. Он быстро отхлебнул еще раз свой кофе, прополоскав рот от другого вкуса. После этого вылил эспрессо на ближайшую снежную горку, а пустой стаканчик бросил в ближайшую мусорную урну.

– Слишком цивилизованно, – заявил он.

Регулировщик дал им знак проходить, и они двинулись дальше вниз по склону. Теперь мост лежал прямо перед ними. Он не был особенно эффектным – всего лишь две зеленые стальные арки, устремленные к небу, и двухполосная дорога между ними, проходящая над ущельем Фолл-Крик и исчезающая в заснеженной перспективе. Колдмун слышал слабый журчащий звук, почти как шепот ветра.

– Вот он, – сказал Соломон из службы безопасности, махнув в сторону моста с такой гордостью, будто сам его построил.

Они снова остановились, и Колдмун посмотрел на этого человека. Ему показалось занятным, что Пендергаст обратился с просьбой предоставить им гида в службу безопасности университета, а не к местным копам. Может быть, копы произвели на него не слишком хорошее впечатление приемом, который был оказан агентам в Катадине. А может, причина была в том, что Соломон проработал в университете две дюжины лет и собственными глазами видел на мосту трех самоубийц. Так или иначе, они изъяли дело из архива местной полиции. Теперь эти документы лежали в сумке Колдмуна вместе с термосом, готовые к просмотру на обратном пути.

Он взглянул на часы. Половина первого. Если они хотят успеть на вечерний самолет, то им лучше поспешить. Хотя они сели на самый первый утренний рейс из Майами в Сиракузы, у них ушло четыре часа, чтобы добраться сюда. Кроме того, Колдмун попросил на обратном пути в аэропорт сделать небольшой крюк, чтобы уладить кое-какие личные дела, а это еще больше ограничивало их временной лимит.

– Давайте посмотрим, – сказал он.

С Соломоном во главе они пересекли улицу и прошли еще сто ярдов до пешеходной дорожки на восточной стороне моста. Ущелье Фолл-Крик резко уходило вниз под их ногами, его неровности и наслоения ощерились длинными угрожающими сосульками. Дно ущелья находилось далеко внизу, покрытое плоскими камнями, среди которых то тут, то там возвышались каменные столбы, вытесанные водой. Выше по течению водопады наполовину замерзли, но в среднем течении потоки серо-черной воды вызывающе перекатывались через пороги, превращая услышанное им ранее журчание в рев. С такого расстояния было видно, что вдоль перил моста имеется декоративное ограждение, выкрашенное той же зеленой краской, а за ним и ниже натянута крепкая проволочная сетка, затейливо закрепленная, чтобы задерживать падающие тела.

– Вот прямо здесь, – сказал Соломон, подтягивая брюки и показывая перед собой. – В ту ночь я делал обход периметра и оказался совсем рядом, когда пришел вызов. Пришел сюда через две минуты, даже раньше копов. Ничего, конечно, не трогал. Поздно уже было трогать. Я знал, что ей уже ничем не поможешь.

Пендергаст достал из кармана куртки тоненькую папку, которую прихватил из стопки папок в Итакском отделении полиции.

– Насколько я понимаю, ее обнаружили два студента. Они все еще находились здесь, когда вы пришли?

Соломон кивнул:

– Да. Оба сидели. Ошарашенные. Мне их, пожалуй, не в чем винить. – Он помолчал. – Вечер был теплый для марта. По-настоящему приятный. Новая луна уже взошла.

– У вас хорошая память, – заметил Колдмун.

– Вряд ли я когда-нибудь забуду ту ночь. То, как она умерла. – Соломон многозначительно посмотрел на них. – Этот мост довольно-таки знаменит так называемыми самоубийствами ущелья Корнелла. Прежде чем там натянули сетку, более десятка людей – и многие из них студенты – прыгнули в это ущелье. Флейли – единственная, насколько мне известно, кто повесился, а не прыгнул вниз.

– А что еще вы помните? – спросил Пендергаст.

– Она воспользовалась желтой полипропиленовой веревкой. Знаете, для оснастки яхт и всякого такого. Прочнее не бывает для тех нагрузок, на которые рассчитана. Флейли привязала один конец к перилам вон там… – Он показал. – Сетки тогда, конечно, не было. Ее натянули несколько лет спустя.

Пендергаст открыл папку и пролистал ее содержимое:

– Довольно распространенная веревка, как я вижу. Продается в большинстве штатов. – Он посмотрел на Соломона. – Она была мертва к тому времени, как вы появились?

Соломон заколебался:

– Трудно сказать.

– Что вы имеете в виду?

– Она была… ну, понимаете, я видел, что ее руки и ноги подергивались несколько секунд. В основном ноги. Не думаю, что она была жива, это просто… – Он снова замолчал ненадолго. – Те студенты, которые сообщили о происшествии, сказали, что она еще боролась, когда они пришли. Но они слишком перепугались и ничего не смогли сделать. Наверно, будь веревка подлиннее, она бы сразу сломала себе шею. – Он облизнул губы. – Несчастная женщина. Чтобы вот так уйти…

– Никто не видел, как она подходила к мосту, как прыгнула?

– Нет, сэр. Я уже говорил, ночь была темная. Тихая. В такой поздний час здесь почти никакого движения.

– А в какое время это случилось?

– В десять минут первого.

Пендергаст вернулся к папке. Колдмун не понимал, зачем Пендергаст задает эти вопросы: на большинство из них, если не на все, ответы содержались в папке. Агент словно хотел впитать в себя информацию от непосредственного свидетеля или от того места, где все случилось, будто ждал, что сам ландшафт прошепчет ему свои тайны.

– Следствием было установлено, что миз Флейли не знала никого из студентов университета или жителей Итаки, – сказал Пендергаст, не отрывая глаз от бумаг.

– Она и не знала никого. Приехала в город всего на один вечер. У нее было назначено собеседование в Корнелле.

Колдмун знал, что собеседование прошло так себе: проявили интерес, но работы не предложили. Об этом упоминал Пикетт, и в отделе кадров Корнелла подтвердили его слова. Агата Флейли, тридцати одного года ко времени самоубийства. Родители давно умерли, братьев или сестер нет, и никого из других близких. Место проживания: Майами. Место работы: консультирование амбулаторных пациентов, больница Милосердия, Майами. Заинтересована в получении работы в качестве адвоката пациентов в Корнеллском департаменте здравоохранения. Какой идиот добровольно переезжает из Майами на север штата Нью-Йорк? Колдмун вспомнил: Фелиция Монтера, первая женщина с безжалостно вырезанным сердцем, тоже работала в медицине – сестрой в больнице «Маунт-Синай». Связь?

Пока Колдмун размышлял, Пендергаст в одиночестве прошелся по мосту, засунув руки в карманы. В дальнем конце моста он внезапно остановился и огляделся вокруг. И опять Колдмуна посетила странная

идея, будто его напарник ждет чего-то. Впрочем, что бы это ни было, оно ничуть не эксцентричнее неподвижного лежания на гостиничной кровати в Мэне. Эксцентричное поведение агента, «Пендергастова загадочность», о которой его предупреждал Пикетт, – ко всему этому Колдмун чувствовал себя невосприимчивым.

Соломон из службы безопасности говорил о чем-то. Колдмун настроился на его волну, понял, что речь идет о снеге и прогнозе погоды, и перестал его слушать. Пендергаст уже возвращался. Прежде чем подойти к ним, он снова повернулся лицом к мосту. На долю секунды он словно замер, и Колдмун явственно услышал, как агент резко втянул в себя воздух. Но когда он отвернулся от моста, его лицо было, как всегда, непроницаемым, и то мгновение – каким бы оно ни было – прошло.

Пендергаст кивнул их проводнику.

– Спасибо, мистер Соломон, – сказал он, запихивая папку назад в карман куртки. – Думаю, мы больше не будем отнимать у вас время.

По пути в аэропорт Сиракуз Колдмун сделал крюк по личным причинам (о чем он и просил Пендергаста). Пунктом его назначения была федеральная тюрьма в Джеймсвилле, штат Нью-Йорк. Он свел визит к минимуму – до получаса, а отклонение от маршрута задержало их не более чем на час. У них еще оставался запас времени до рейса на Майами. После неудобного и шумного утреннего перелета Пендергаст настоял на том, что купит за свой счет билеты первого класса для них обоих. Колдмун слишком устал, чтобы возражать.

Колдмун никогда не летал первым классом, кроме одного раза в роли воздушного маршала, и после недолгого периода неловкости стал наслаждаться и местом для ног, и внимательным обслуживанием, и бесплатным обедом. В особенности понравилась ему стюардесса: она дважды подавала ему виски «Дьюарс» со льдом и не просила за это ничего, кроме спасибо.

Он скосил глаза на напарника, который вяло листал очередную папку. Пендергаст не произнес почти ни одного слова на обратном пути, разве что ответил на неприятный звонок Сандовала, сообщившего им, что в Майами слишком много кладбищ, чтобы установить за ними эффективное наблюдение. Однако агент оставался безупречно вежливым. Пригубливая виски, Колдмун почувствовал, как на него сошел дух человеколюбия. Пендергаст не выразил ни малейшего неудовольствия по поводу его непонятной остановки в тюрьме, даже не спросил ни о чем. Он постарался сделать дружеский жест и принес

Колдмуну эспрессо. Задним числом тот понимал, что поступил по-свински, вылив кофе в сугроб.

– Вы даже не спросили, зачем мне понадобилось в Джеймсвилл, – заговорил Колдмун.

Пендергаст посмотрел на него:

– Свидание с супругой?

– Нет. Это связано с тем, почему я стал агентом ФБР.

Пендергаст закрыл папку.

– Я вырос в резервации в Южной Дакоте. Когда мне было одиннадцать, моего отца убили в пьяной драке. Мы с матерью практически не сомневались в том, кто это сделал. Однако у убийцы были хорошие связи в племенной полиции. Расследование не проводилось. Нам не к кому было обратиться – ни местная полиция, ни полиция штата не имеют юрисдикции в резервации. Федералы имеют, но они не желали ввязываться. Для них все это было не больше чем драка двух пьяных индейцев. Так что дело положили на полку. Я на время забыл обо всем, поступил в колледж, учился кое-как, а потом со мной вдруг что-то случилось. Я работал до изнеможения, чтобы закончить лучшим на курсе и заслужить место в Куантико. После выпуска из академии я приложил усилия, чтобы попасть в офис ФБР в Абердине. Я расследовал убийство отца и нашел все необходимые улики, чтобы приговорить убийцу. Это стало моим первым делом.

Наступила короткая пауза. Колдмун пригубил «Дьюарс».

– Значит, вы стали агентом ФБР из желания мести.

– Нет, я стал агентом, чтобы больше не происходило подобных несправедливостей.

– Понятно, – сказал Пендергаст. – И преступник в настоящее время содержится в тюрьме в Джеймсвилле.

– Я иногда навещаю его, когда бываю поблизости.

– Естественно. Своего рода воссоединение, – кивнул Пендергаст. – Кстати, какой ваш костер совета?

– Что?

– Я имею в виду семь лакотских костров совета.

– А, вот вы о чем. Тетон. Оглала[27].

– А глаза у вас светло-зеленые.

– Моя мать итальянка.

– Правда? Я немало времени провел в Италии. Как ее фамилия?

– Это не важно.

Хотя Колдмун и любил свою мать, он не мог не чувствовать, что она испортила его безупречную в остальном родословную индейца сиу. Он взял ее фамилию для своего среднего имени, но никому не говорил, откуда оно взялось. Он даже свел его к инициалу, когда подавал заявление в Бюро.

– Извините за любопытство. Как бы то ни было, надеюсь, что ваш… э-э… визит увенчался успехом.

И Пендергаст вернулся к чтению.

Колдмун с некоторым удивлением размышлял о Пендергасте. Похоже, мрачная справедливость данной ситуации встретила его отклик.

По крайней мере, хоть в чем-то они согласились.

19

Роджер Смитбек допил бутылку портвейна и поставил ее на поцарапанную деревянную столешницу. Несколько секунд спустя к нему подошла барменша, блондинка лет сорока, в шортах, надетых на купальник.

– Еще, мой сладкий?

– Да, черт побери.

Она вытащила из кармана шорт блокнотик для записи заказов:

– Ну, ребята, готовы?

– Мне сэндвич с морским окунем, – сказал Смитбек. – И побольше чили, пожалуйста.

Она повернулась к спутнику Смитбека.

– Как обычно, – буркнул тот.

Официантка улыбнулась, сделала запись в блокноте и удалилась.

Смитбек посмотрел на человека, сидевшего по другую сторону стола. Человек, угрюмо ответивший на его взгляд, был заурядным, с какой стороны ни посмотри: среднего роста, загорелый, с волосами мышастого цвета и двухдневной щетиной, в футболке «Рон Джон»[28] и мешковатых шортах. Именно такую одежду предпочитали майамские копы, работающие под прикрытием.

И Роджер Смитбек знал, что ему искать. Вот уже шесть лет он работал в городе, начал как расследователь нижнего звена в «Майами геральд» и пробился наверх до полноценного репортера. А Кейси Морз в той или иной мере рос вместе с ним. Они познакомились, когда Смитбек работал в «Геральд» вторую неделю. В те времена Морз был начинающим патрульным полицейским, приписанным к Маленькому Гаити. Он провел необходимое время, снашивая ботинки на улицах, два года по ротации работал в отделе по борьбе с наркотиками, а теперь служил вице-сержантом центрального района. И Смитбек раз в неделю за полный обзор событий покупал ему чизбургеры – редкие, с жареным луком, без салата.

Официантка поставила на стол непочатую бутылку «Утреннего леса». Смитбек схватил ее и сделал большой глоток. Сильные запахи кофе, клена и – да, как же без него? – бекона, омывавшие его вкусовые рецепторы, стимулировали и успокаивали. Пиво варил тут неподалеку, на берегу, некий Фанки Будда, и обычно оно появлялось только в сезон. Но в таверне «Заход солнца» всегда имелся некоторый запас, и это была главная причина, почему Смитбек приходил сюда, а еще потому, что это был типичный полицейский бар, где Морз мог остыть и расслабиться.

Некоторое время они болтали ни о чем: о неблагоприятных перспективах для добычи марлинов в наступающем сезоне, о новой вспышке лихорадки зика в Либерти-Сити, о тираническом поведении нового лейтенанта, начальника Морза. Морз был вполне порядочным копом, но он никак не мог поладить со своим непосредственным начальством. И Смитбек спрашивал себя, о ком этот факт больше говорит – о Морзе или о его начальстве.

Смитбек позволил пустому разговору продолжаться и дальше, поигрывая время от времени своей широкополой шляпой, пока не принесли еду. Он столько лет занимался подобными делами, что поставил этот танец вплоть до последних па. Нет, он вовсе не играл с Морзом или его дружками-копами; скорее, это был обмен, в котором выигрывали обе стороны. Полицейские очень не любили, когда их подозревали в сливе информации в прессу, кроме тех случаев, когда они выигрывали от этого непосредственно, – но они были такими

сплетниками, как никто другой. Если они думали, что тебе уже кое-что известно, то не меняли тему, пока не убеждались, что не они первыми слили эту информацию. Но естественно, они были такими же любопытными, как и его нынешний собеседник. И потому, если ты как репортер поймал где-то скандальную новость… что ж, ты мог предложить бартер. Такова была причина, почему Смитбек часто посещал кварталы, подобные этому, где он мог рассказать что-нибудь интересное сержанту отдела по борьбе с наркотиками.

Смитбек понимал, что его стиль нельзя назвать эффектным, но его это не волновало. Он знал немало репортеров, которые жили только ради крупной добычи. Таким был его старший брат Билл: вечно в поисках горячих новостей, он зачастую пускался во все тяжкие и выводил людей из себя – слон в посудной лавке, готовый на все, чтобы заполучить историю для первой полосы. И не потому, что он был плохим парнем, – Билл был замечательным старшим братом, с сердцем огромным, как дом, и Роджеру не хватало брата, он каждый день оплакивал его безвременную кончину. Просто их стили работы различались не менее, чем их личности. Биллу нравились джаз, поэзия и Деймон Рунион[29], тогда как Роджер предпочитал математику, комиксы от «Марвел» и классическую музыку.

Их отец тоже был репортером, и в некотором смысле Билл и Роджер выросли как отражения двух разных сторон его личности. С одной стороны, их отец в качестве журналиста наводил ужас на тихий пригород Бостона, выискивая горячие факты и местные скандалы с решимостью забрызганной чернилами гарпии. С другой стороны, когда он взял бразды правления в «Беверли ивнинг транскрипт», то стал более разборчивым и стратегически мыслящим: перешел к долгосрочному планированию, старался видеть дальше следующей крупной сенсации и тщательно холил свою газету и свои источники. Роджер понимал такой подход. «Транскрипт» был первой и последней любовью его отца, и он умер, так сказать, за штурвалом от обширного инфаркта, сидя за фотопечатной машиной.

За окном гудел автомобильный поток на Северо-Западной Восьмой. Попозже, когда выйдут проститутки, машины сбросят скорость. Морз с удовольствием поедал бургер, все свое внимание отдавая еде. Это хорошо, думал Смитбек. Забавно, что копы всегда любят устраивать праздник живота, как только кончается смена, предпочитают бары со словом «таверна» в названии.

– Ну и как дела с этим комиссаром? – спросил Смитбек как бы невзначай.

До него дошел слушок, что некий комиссар полиции в Майами нанимает эскорт на деньги округа. Этой информацией он и поделился с Морзом.

– Выглядит неплохо. – Морз облизал кетчуп с пальцев. – Конечно, наш долбаный лейтенант оторвет себе кусок, если мы ему это принесем.

– Вот ведь сукин сын. – Смитбек заметил, что у Морза кончается джин с тоником, и подал знак официантке, чтобы принесла еще. – Очень похоже на мою историю жизни.

– Да? Этот редактор, Краски, все еще ездит на тебе?

– Постоянно.

В этом было некоторое преувеличение, но почему бы не укрепить братские узы общим страданием?

– Жаль, что у меня нет вкусной косточки, чтобы тебя отблагодарить, – сказал Морз. – Но у нас тишина мертвая. Если не считать тех двух убийств, конечно.

– Ага.

Смитбек отхлебнул еще пива. Перед ним стояла маленькая дилемма. Да, обычно он не занимался убийствами, и Морз знал это. С другой стороны, оба репортера «Геральд», которые монополизировали тему убийства, находились сейчас в отпуске. Отец всегда говорил Смитбеку о том, какую важную роль играет чутье («Доверяй своей печенке», – не уставал повторять он), и хотя копы как-то странно помалкивали о недавних убийствах в Майами-Бич, не приходилось сомневаться в том, что эти убийства связаны. Обе убитые были женщинами, обеим вскрыли грудную клетку «тяжелым инструментом с лезвием». Это мог бы сказать любой полицейский, но Смитбеку посчастливилось оказаться в нужном месте два дня назад, когда вся полиция Саут-Бич вдруг ринулась на Городское кладбище Майами. Не секрет, что несколькими днями ранее сильный шухер случился на другом кладбище. Смитбек приложил ухо к земле, и до него дошли слухи, что там была обнаружена некая часть тела, предположительно сердце. Не нужно быть Эйнштейном, чтобы свести эти два случая к одному знаменателю. Да и собственная печенка говорила Смитбеку, что он должен воспользоваться отпуском коллег, прежде чем это сделает какой-нибудь внештатный корреспондент.

Ему нужно было заполучить эту историю. Но он не хотел рассориться с Морзом, потерять в его лице источник. А потому решил удивить сержанта крупицей информации, которая не только была вкусной, но и подразумевала, что он знает больше, чем он знал на самом деле, – один

из вариантов того, что в теории игр называется игрой «Ультиматум». Если он сыграет правильно, то узнает что-то новое.

– Да, – сказал он. – Эти убийства. Кто-то съехал с катушек. – Он допил свой «Утренний лес». – Иначе зачем вызывать федералов?

Морз посмотрел на него с удивлением и подозрением:

– Ты знаешь об этом?

Смитбек пожал плечами, словно дело было незначительное. В конечном счете убийства не входили в круг его репортерских интересов.

– Разумеется. Иначе Пендергаст не приехал бы сюда.

– Пендергаст?

– Ага. Мы со специальным агентом Пендергастом давно знакомы.

Это была та самая крупица информации, и отчасти она была правдивой. Его брат много раз говорил о Пендергасте в диапазоне тонов от разочарования и страха до восторга. Роджер несколько раз встречался с Пендергастом: в первый раз на свадьбе Билла, а потом – когда Билла убили и Пендергаст расследовал убийство. В последний раз Роджер видел агента ФБР на похоронах Билла. И потому, увидев два дня назад на кладбище худую, облаченную в черное фигуру, он не только крайне удивился, но и получил подтверждение своим догадкам о том, что речь идет о серийном убийце. Пендергаст не ответил Смитбеку на его вопрос, но, вообще-то, это было и не обязательно.

Подозрение исчезло с лица Морза, но удивление осталось.

– И этот Пендергаст много тебе сказал?

Расчет Смитбека оказался правильным: сержанта это дело интересовало не меньше, чем его самого. Но двигаться тут надо было осторожно. «Доверяй своей печенке».

– Не так уж много. Про эту странную фигню на кладбищах.

К облегчению Смитбека, Морз кивнул.

– «Странную» не то слово, – сказал коп, когда перед ним поставили новую банку джина с тоником. – Эти записки явно писал псих. Я о чем говорю: кто бы еще стал подписываться таким идиотским именем?

«Черт. Пришла пора импровизировать».

– Да, – сказал Смитбек со всей возможной беспечностью. – Когда я впервые об этом услышал, то подумал: парень морочит вам голову. Как Джек-потрошитель или что-то в таком роде.

Морз фыркнул:

– По крайней мере, «Джек-потрошитель» звучит круто. А что такое «мистер Брокенхартс»? Это как же крыша съехала?

– Серьезно съехала.

И Смитбек быстро, как только посмел, опустил глаза и впился зубами в сэндвич, чтобы скрыть торжествующее выражение. Он не только получил подтверждение своих догадок и вытащил огромную рыбу (а то, что преступник называл себя «мистер Брокенхартс», было огромной рыбой), но еще и мосты не сжег. Морз будет считать, что его, Смитбека, информация восходит к Пендергасту.

Он солгал, но только для того, чтобы узнать правду. И сделал это так тонко, успешно используя игру «Ультиматум», что обе стороны его отца гордились бы им.

– Как бургер? – спросил он сержанта, пережевывая морского окуня.

20

Две записки, испачканные кровью, лежали под ярким светом между предметными стеклами на столике стереомикроскопа. Агенту Колдмуну записки представлялись страницами редкого манускрипта. Эксперт-криминалист по документам (в майамском офисе имелся специалист, который не делал ничего иного, только анализировал клочки бумаги) был невысоким человеком лет сорока, плотного сложения, с бритой головой, телом тяжелоатлета и татуировкой на запястье, выглядывавшей из-под манжета лабораторного халата. Звали его Брюс Янетти. Несмотря на слегка гангстерский вид, ему удавалось источать дух этакого мудреца, хранящего в себе познания в области, о существовании которой другие просто не подозревают.

Пендергаст взял бразды правления в свои руки, и Колдмун, еще не пришедший в себя после стремительного однодневного путешествия в Итаку и обратно, снова вынужден был прятать свое восхищение хамелеоновской способностью этого человека находить общий язык с людьми, принадлежащими к совершенно разным слоям общества, действуя грубо или по-дружески, надевая разные временные личины, каких требовала ситуация.

– Чертовски нелегко было вытянуть у местной полиции эти два письма, – сказал, а точнее, похвастался Янетти, после того как Пендергаст попросил эксперта устроить ему экскурсию по лаборатории и с огромным вниманием выслушал все, что пожелал поведать Янетти о новейших технологических достижениях.

– Как мне это понятно, – сказал Пендергаст голосом, излучающим симпатию. – Рад, что эти письма теперь в руках столь компетентного человека. Скажите нам, доктор Янетти, что вам удалось обнаружить?

– Не «доктор», а «мистер», но спасибо за повышение. – Янетти рассмеялся. – Так вот, мы не нашли ни ДНК, ни отпечатков, никаких физических улик. Это очень тонкая бумага, сто процентов хлопкового волокна, отрезана бритвой или ножом «Экс-Акто» от листа гораздо больших размеров. Удельный вес тридцать два фунта, хлопчатобумажный верхний слой. Идеальная для письма: гладкая, почти глянцевая, с минимальным расползанием или разбрызгиванием. Химический анализ бумаги и ее покрытия указывает, что она почти наверняка бренда «Арчез», холодной прессовки, изготовлена в районе Вогез во Франции.

– Очень интересно, – сказал Пендергаст. – То есть это редкая бумага?

– К сожалению, нет. «Арчез» – один из самых знаменитых и широко распространенных видов бумаги для акварели в мире. Проследить ее происхождение невозможно, поскольку пользователь отрезал ее так, чтобы не осталось водяных знаков или краев. Он работал над ней с большой осторожностью, не оставил ни ДНК, ни каких-либо других физических следов.

– Но партия этой бумаги изготовлена недавно?

– Я бы сказал, в последние несколько лет.

– Понятно. А перо и чернила?

– Запись сделана старомодной авторучкой – почти каллиграфический вид букв позволяет сказать, что перо имеет очень гибкий иридиевый кончик, какие традиционно изготавливались в двадцатые – тридцатые годы прошлого века. Кончик широкий, но не тупой. Чернила триарилметановые синие, и, естественно, этот продукт выпущен гораздо позднее, чем ручка. Скорее всего, это «Квинк», высококачественный, но широко распространенный. Жаль, конечно, учитывая то, сколько теперь в бутиках чернил, которые было бы проще проследить.

Пендергаст снова закивал.

– А почерк? – спросил Колдмун.

Анализ почерка был одним из его увлечений.

– Вот здесь и начинается интересное. Обычно в таких записках от руки автор предпринимает попытки скрыть свой почерк, иногда пишет недоминантной рукой, иногда – печатными буквами. В данном случае можно уверенно сказать, что автор не пытался скрыть свой почерк. Как видите, здесь красивый курсив, легкий и естественный, не изощренный, приятный для глаза. Что же касается характера самого почерка…

В этот момент телефон на столе Янетти зазвонил, и он поднял палец, прося прощения. Через секунду он вернулся со словами:

– У нас посетитель.

Не успел он закончить фразу, как дверь открылась и в лабораторию вошел человек в сером костюме.

– Коммандер Гордон Гроув, – произнес он, протягивая руку Пендергасту. Среднего роста, с задумчивым лицом, серыми глазами и длинными седыми волосами, этот человек, как заметил Колдмун, обладал небольшим брюшком, но искусный крой костюма позволял скрыть это. Если он носил при себе оружие, то крой костюма скрывал и это. – А вы, вероятно, специальный агент Пендергаст. День у вас выдался нелегкий, и я немного сомневался, что найду вас здесь так поздно.

Пендергаст пожал Гроуву руку.

Седоволосый человек обратился к Колдмуну:

– И агент Колдмун.

Он протянул Колдмуну большую прохладную ладонь и с удовольствием пожал его руку. Потом повернулся к эксперту по документам:

– Мы с Брюсом знакомы еще со времен работы в полиции Майами. Он лучший эксперт по документам в стране.

Янетти зарделся вместе со своей татуировкой. Колдмун переглянулся с Пендергастом. «Кто этот человек?» – подумал он с недоумением.

– Не знаю, помните ли вы, джентльмены, «убийство двух мостов» лет шесть назад? Я тогда служил детективом в криминальной полиции, и именно Брюс раскрыл то дело, доказав, что подпись в некоем завещании стоит на листе бумаги другого сорта, отличного от той бумаги, на которой напечатан весь документ, а значит, это подделка.

– Ну, там было не только это, – скромно сказал Янетти.

– Не преуменьшайте свои заслуги, – сказал ему Гроув. – Как бы то ни было, причина моего появления здесь заключается в том, что у полиции Майами и офиса ФБР в Майами трудная, мягко говоря, история взаимоотношений. Иногда требуется некоторое давление, чтобы заставить их играть в паре. Две эти улики – прекрасный пример.

– Спасибо, что так быстро вытрясли их у полиции, – сказал Янетти. И поспешил добавить: – Сэр.

– Рад помочь. – Гроув повернулся к Пендергасту. – Ответственный заместитель директора Пикетт попросил у полиции Майами помощи, а я как раз исполняю функции связного. Несколько лет назад между нашим полицейским и агентом ФБР имело место достойное сожаления непонимание, и после этого моей задачей стало улучшение отношений между местными и федеральными властями. Вы удивитесь, сколько волокиты нам удается избежать благодаря этому. Я здесь, чтобы обеспечить для вас получение всего, что вам потребуется и когда потребуется.

– Огромное вам спасибо, – сказал Пендергаст.

– Но хватит обо мне. Мистер Янетти, – обратился он к эксперту, – вы, кажется, собирались поделиться с нами вашими соображениями насчет почерка?

Янетти откашлялся.

– Всегда возникает вопрос: что можно сказать о преступнике по его почерку? Боюсь, что за последние двадцать-тридцать лет «наука» анализа почерка, то есть графология, полностью разоблачена.

– Разоблачена? – Колдмун не поверил своим ушам. – Что вы хотите этим сказать?

– Это псевдонаука. Графология принадлежит к той же категории псевдонаук, что и астрология, хиромантия и вглядывание в хрустальный шар.

– Не согласен, – возразил Колдмун. – По почерку человека можно немало о нем сказать. Неровный почерк свидетельствует о неровном характере, размашистая подпись говорит о чрезмерном самомнении. И так далее.

– Думать так очень заманчиво, – сказал Янетти. – Но метаанализ – а это анализ всех анализов, – вне всяких сомнений, доказал, что графология

безнадежна в том, что касается определения человеческого характера. Например, выясняется, что многие превосходно организованные люди пишут неразборчиво и наоборот. – Он поднял брови. – Вы ведь не верите ни в астрологию, ни в возможности хрустального шара?

Колдмун не ответил. Никто не должен совать нос в то, во что его научили верить в детстве. Он посмотрел на коммандера, и тот кивнул:

– Криминалистические лаборатории местной полиции практически больше не занимаются графологическим анализом.

Все это время лицо Пендергаста сохраняло намеренно нейтральное выражение. Колдмун еще раз посмотрел на напарника, который задумчиво приложил палец к губам, потом опустил его и заговорил:

– И все же из этих записок мы можем немало узнать о *психологии* убийцы. Мы имеем дело с высокоорганизованным индивидуумом, который цитирует Шекспира и Элиота, использует высококачественную бумагу и редкие винтажные авторучки, – короче говоря, с человеком, имеющим литературные претензии. Вы указали, что найти источник бумаги или чернил будет затруднительно, особенно в наши дни, когда покупки делаются онлайн, но ваши люди могли бы заглянуть в клубы, библиотеки и другие посещаемые места, где может проводить время этот самозваный, литературно образованный джентльмен.

– Отличное предложение, – подхватил Гроув. – Я поручу нашим людям поискать в этом направлении.

– В любом случае, – сказал Янетти, – мне больше нечего вам сообщить, за исключением того, что преступник почти наверняка левша.

– Правда? – поднял брови Пендергаст.

– Определить такие вещи гораздо труднее, чем думают люди. Но наш автор явно использует то, что у нас называется саркастическим росчерком. Если вы посмотрите на буквы «t», то увидите, что черточка поставлена росчерком справа налево, а не слева направо.

Эта крупица знаний была воспринята в молчании.

– Мой отчет будет готов завтра утром, – сообщил Янетти. – Я отправлю вам копию по электронной почте.

– Вы нам очень помогли, – сказал Пендергаст. – Спасибо.

Они направились к выходу вместе с Гроувом. Уже подойдя к двери, коммандер посмотрел на часы:

– Бог ты мой, уже половина восьмого. Мне нужно бежать, но я рад, что перехватил вас. Хотел с вами познакомиться и заверить, что вы получите все, что вам необходимо. – Он пожал им руки, одновременно передавая визитки. – Если возникнут какие-нибудь проблемы, звоните.

– Очень вам признателен, – сухо произнес Пендергаст, пряча карточку в карман своего черного пиджака.

Как только Гроув вышел в коридор, Колдмун посмотрел на карточку. На ней было написано: «Гордон Гроув, коммандер, координатор по внешним связям, департамент полиции Майами».

– Координатор, – пробормотал Колдмун. – Иными словами, стопроцентное прикрытие задницы. Неплохой способ дожить до пенсии. Если мы напортачим, наша вина. Если они напортачат, все равно наша вина.

– Есть множество полицейских навыков, которым не обучают в академии, – сказал Пендергаст. – Прикрытие задницы, как это очаровательно называется, – самый важный из таких навыков.

21

Он неподвижно стоял во влажной темноте, все его чувства были обострены. Он ощущал легкий ветерок, который теперь, когда сумерки перешли в темноту, становился прохладным и высушивал пот на его затылке. Он ощущал разные запахи, одни резкие и близкие, другие более отдаленные: скошенная трава, жареная свинина, дизель, соленая вода, дымок сигары. Его мозг воспринимал составляющие звука, обволакивающего его: рев корабельного горна, далекий смех, грохот бачаты из дискотеки, злобное урчание набирающего скорость мотоцикла, скрежет тормозов. Острее всего он воспринимал свет: в темноте свет казался редким, драгоценным – более реальным. Днем ты не замечаешь света, ты погружен в него, надеваешь солнцезащитные очки и игнорируешь его. Но в темноте все по-другому. Темнота напоминала оправу драгоценного камня, а качества света по своей многочисленности не уступали его оттенкам: мягкий, низкий, напряженный, прозрачный, дрожащий. Натриевые уличные фонари; устремляющиеся в высоту штабеля света, называемые отелями; яхты, чьи стояночные огни мерцали в бархатной темноте бухты. Комфортнее всего он чувствовал себя в темноте, потому что становился защищенным, невидимым и незаметным. Эта безликость была плащом, которого ему не хватало днем, когда он был вынужден страховаться от собственной уязвимости. Он выучил это давно, через мучительный опыт и через Уроки. Именно темнота и незаметность, которую она даровала, позволяли ему выполнять его священный долг – завершить Действие,

ставшее для него таким же необходимым, как воздух. *Действие*… Этот миг, когда ты – никто, облаченный в темноту, было лучшим временем, когда он мог забыть позор и сожаление и жить мгновением, когда его восприятие обострялось и страх уходил. Хотя приготовления требовали скрупулезности, само Действие всегда было непредсказуемым. Всегда возникали варианты, неожиданности. В этом смысле оно напоминало поэзию – никогда не знаешь заранее, куда тебя приведет великая поэма. Оно напоминало сражение, результат которого скрывается в дыме и тумане… «Стихотворение как поле боя», – писал Уильям Карлос Уильямс.

Движущиеся огни проходящего мимо судна проникли между ветками деревьев, а он прижался к стволу, еще больше растворился в шепчущей темноте. Приближающееся Действие наводило его на мысли об Арчи и Мехитабель[30], которые жили в глубоких усиленных карманах его штанов карго. Еще ребенком, еще до Смерти и Путешествия он читал и любил маленькие книги об Арчи и Мехитабель, эти шутливые стихи и рассказы. Арчи был поэт, писавший верлибром и превратившийся в таракана, а Мехитабель – замызганная уличная кошка. Он идентифицировал себя с ними обоими. Они тоже были никем – вредителями, ненавидимыми во всем мире. Но они обладали благородством, и он правильно назвал свои инструменты их именами. Они были его единственными друзьями. Никогда его не подводили. А он за это содержал их в чистоте и порядке так, как его научили на Уроках, оттачивал их так, что они могли волосок перерезать. Они бы ярко сверкали в цвете луны, если бы он не брал на себя труд зачернять их после заточки. Действие скоро затупит их, теплый фонтан крови сотрет чернение. Мехитабель обычно появлялась первой, ее одинокий коготь действовал так быстро, гладко и глубоко, что и боли-то не было, только мгновенный и благодатный сон. А потом уже появлялся Арчи. Деревянное топорище Арчи стало для него продолжением собственной руки. Арчи, несмотря на свою низменность, нес в себе силу искупления. Когда он держал Арчи в руке, то забывал обо всем, даже о Путешествии. Он вырос, и его истина стала яснее и горше, и это было хорошо, потому что других реальностей, кроме горечи и истины, не существовало. Потому что реальность горька. И его сердце становилось все горше от угрызений.

Но время для погружения в прошлое было неподходящим, он должен оставаться в настоящем, быть таким же отточенным, как Мехитабель, чувствовать пот, стекающий по затылку, и дым сигары, плывущий в воздухе, и странный механический разговор далекого трафика, потому что теперь он понимал: ожидание почти закончилось и приближается Действие. Он его слышал и видел, а скоро почувствует его запах, попробует на ощупь. Это произойдет совсем скоро. Сначала будет

Действие, а после него появится оно, то единственное, что может – как он надеялся – навсегда прогнать боль, чувство вины и стыда:

Искупление.

22

Развалившись на двуспальной кровати в своем номере в майамской «Холидей Инн», агент Колдмун смотрел повторный показ «Шоу Дика Ван Дайка» и поглощал четыре пакета шоколадного печенья из автомата в вестибюле, когда зазвонил телефон.

Колдмун не был особым любителем этого шоу (с Робом Петри и его семьей, живущей в пригороде, у Колдмуна было не больше общего, чем с колонией марсиан), но ему всегда нравилось предсказывать, упадет ли Ван Дайк, споткнувшись о подставку для ног на вступительных титрах. Он подождал несколько секунд – как он и предугадал, подставка успешно провела этот эпизод, – прежде чем ответить.

– Да?

– Специальный агент Колдмун? – Звонил ответственный заместитель директора Пикетт.

Колдмун приглушил звук телевизора.

– Да, сэр.

– Я ждал звонка от вас.

Пикетт любил, чтобы звонили ему, а не наоборот. И Колдмун время от времени позволял себе маленькие приватные мятежи, заставляя Пикетта звонить ему.

– Прилетели поздним рейсом, – сказал он. – А потом у нас была встреча с экспертом по документам.

– Что происходило в Итаке?

– Мы заехали в местную полицию, взяли документы по делу, поговорили с женщиной из университета, которая проводила собеседование с Агатой Флейли, а потом посетили место происшествия с человеком, который первым прибыл на вызов.

– А мотель, в котором она остановилась вечером перед самоубийством?

– Его снесли десять лет назад. Персонал разъехался кто куда. Никаких записей не осталось.

– Значит, по существу, это была пустая трата времени, как я и предсказывал.

– Мы еще не просмотрели до конца документы.

– Чтобы сделать это, не обязательно было улетать из Майами. – Раздраженный вздох. – Значит, вы не вынесли из поездки ничего? Совсем ничего?

– Нет, сэр, я…

Колдмун помедлил, вспоминая странное поведение Пендергаста на мосту. То, как у него внезапно перехватило дыхание, словно он увидел что-то или сложил две части пазла.

Пикетт тут же почувствовал паузу:

– Что? Что у вас?

– Я думаю, Пендергаст что-то от меня утаивает.

– Что именно?

– Не знаю. Какую-то версию. План действий, может быть. Что-то ему стало ясно сегодня в Итаке. По крайней мере, мне так показалось. Больше я ничего не могу вам сказать.

– Вы у него не спрашивали?

Вопрос был глупый, и Колдмун даже не попытался скрыть это:

– Вы же знаете Пендергаста: если он почувствует, что я его зондирую, он замкнется еще больше.

– Хорошо. Никаких соображений насчет того, как эта версия, или что уж там такое, собирается проявить себя?

– Я просто… чувствую приближение бури.

– Бури? Хорошо. Я бы даже сказал, идеально. – Пикетт помолчал. – Вы правы, я знаю Пендергаста. Рано или поздно он сделает какую-нибудь глупость. Что-нибудь совершенно дикое или сомнительное с точки зрения этики. Или даже откровенно против приказа. И когда вы почувствуете, что буря уже на пороге, я хочу, чтобы вы доложили мне.

Колдмун беспокойно заерзал на кровати:

– Могу ли я спросить зачем, сэр?

– Мне казалось, мы обсудили это, когда вы согласились быть его напарником. Я хочу предотвратить эту бурю, прежде чем она начнется.

– Даже в том случае, если это поможет делу?

– Если что и поможет делу, так это начать действовать по-настоящему. Мы оба знаем, что относительно Пендергаста можно быть уверенными только в том, что он начнет охотиться за призраками, а это приведет к потере времени и выставит всех в дурном свете. То есть вас и меня, агент Колдмун. Вы посмотрите, каков результат поездки в Мэн.

– Да, сэр.

Голос Пикетта зазвучал неожиданно громко:

– Я был с вами откровенен. Правда в том, что Пендергаст как змея в саду. В моем саду. Я видел, как он обращался с прежним начальством. – Он резко замолчал, словно одергивая себя, и после короткой паузы продолжил, сбавив тон: – Мы в ФБР ведем себя, сообразуясь с правилами, потому что именно так мы арестовываем преступников и защищаем наши действия в суде. Мы защищаем себя, наши дела, нашу цепочку доказательств… и сохраняем нашу честную репутацию. Вот почему мне нужно, чтобы вы не спускали глаз с напарника и докладывали мне, если он начнет сходить с рельсов.

Колдмун нахмурился:

– Я не доносчик, сэр.

– Да господи боже, никто вас не просит становиться доносчиком. – Он снова возвысил голос. – Речь идет об улучшении практики работы. Мы говорили об этом – помните? Ни вы, ни я не хотим, чтобы это дело провалилось из-за неподчинения или неэтичных действий вашего напарника. Это дело важно как для моей, так и для вашей карьеры. Пендергаст – бомба, которая только и ждет, чтобы взорваться, а ваша задача – вытащить из нее взрыватель. Это не имеет никакого отношения к доносам.

– Да, сэр.

– Хорошо. – Голос Пикетта смягчился. – Послушайте, Колдмун… Вы – перспективный агент. Вы уже далеко продвинулись, невзирая ни на какие давние традиции. Мне симпатичны ваши устремления. И нужно

ли объяснять, что на этом деле вы можете потерять больше, чем кто-либо другой? Вы меня понимаете, агент Колдмун?

– Да, сэр.

– Тогда мне больше не нужно тратить ваше время. Жду скорого звонка.

Телефон замолчал, издав тихий щелчок, и Колдмун, взяв пульт, снова вернулся к телевизору. Черт, он уже видел этот эпизод – в нем Роб Петри проводит ночь в хижине с привидениями.

Он вздохнул, пробормотал проклятие и принялся прокручивать каналы.

23

– Можете высадить меня здесь, – сказала Мисти Карпентер, чуть подавшись вперед и прикоснувшись к подголовнику переднего сиденья.

Такси притормозило, и в зеркале заднего вида она увидела, как ноздри водителя затрепетали, вдыхая ее духи.

Она вышла из машины на тротуар, засовывая телефон в надетый через плечо клатч от «Миу-Миу». Черный автомобиль тронулся с места и растворился в череде машин, направляющихся на юг по Коллинз-авеню. Мисти помедлила немного, вдыхая приятный вечерний воздух. Слева от нее, по другую сторону широкой авеню, расположился строй шикарных отелей и жилых высоток, омытых мягким приглушенным светом огней. Справа от нее, за темной полосой травы, располагался престижный район Индиан-Крик с его выставкой яхт и суперъяхт, неподвижных на спокойной воде. Очередной идеальный вечер в Майами-Бич.

Мисти пошла по тротуару, ощущая гладкую упругость своего черного вечернего платья, слыша цокот своих босоножек от Лабутена. Она знала, что это платье нравится Гарри больше других.

«Гарри» был Джей Гарольд Лоуренс III, почетный председатель крупнейшего частного банка в округе Палм-Бич и владелец яхты «Ликвидити» длиной в сто двадцать футов. Даже сегодня, когда он формально перестал возглавлять банк, все называли его «сэр» или «мистер Лоуренс». То есть, конечно, все, кроме Мисти. Мисти всегда называла своих клиентов по имени.

А вот клиентами она их никогда не называла в лицо. Потому что тогда они поняли бы, что клиент у нее не один. Мисти хотела, чтобы каждый из ее особенных друзей думал, что он у нее единственный, особенный друг. Это было почти правдой: она ограничивала круг своих друзей не более чем дюжиной рафинированных и богатых мужчин, большинство

из которых (хотя и не все) были пожилыми. У них имелась одна общая черта: они ценили присущее этой девушке редкое сочетание красоты, изящества, сочувствия и эрудиции не по годам.

Мисти на мгновение замедлила шаг, глядя в сторону Индиан-Крик и хмуря идеально выщипанные брови. Она слишком рано вышла из «Убера» – в дешевеньком районе: яхты здесь стояли на стоянке борт к борту, корма к корме, засунутые в эллинги, словно плавучие особняки. Более крупные суда вроде «Ликвидити» стояли поодаль, расположившись параллельно берегу.

Она посмотрела на часы: четверть десятого. Гарри уже, наверное, ждет ее, сидя в общей каюте с бутылкой его любимого шампанского, охлаждаемого в ведерке со льдом. Они, вероятно, поедят на борту – он предпочитал есть на борту в такое время года, – и он, возможно, будет слегка меланхоличен. Почти ровно десять лет назад его жену унес рак. Работа Мисти состояла в том, чтобы помогать ему забыть об этом; заставлять его улыбаться ее искрометному остроумию, заводить с ним разговоры на темы, которые нравятся ему больше всего. На три или четыре часа она ему гарантирует, что он забудет о своих заботах и одиночестве. А потом она уйдет. К утру ее банковский счет увеличится на пять тысяч долларов.

Мисти – а на самом деле Луиза Мэй Абернати из Пойнт-оф-Рокс, штат Монтана, круглая сирота, – владела уникальной, по ее мнению, профессией. Эта профессия не подразумевала секса, по крайней мере теперь, когда избранный список ее особенных друзей был составлен и утвержден. Мисти чувствовала себя в безопасности, поскольку новых клиентов не принимала, а значит, не возникало и потребности в верификации, рекомендательных письмах, проверках фильтрационными агентствами. Она предоставляла доброкачественную и достойную услугу. Ее работа оплачивалась чрезвычайно хорошо. Возможно, даже не выходила за рамки закона.

Она шла дальше, цокая каблучками в темных омутах между фонарями. Транспортные пробки ежеминутно скапливались и рассасывались, когда светофор менялся на зеленый. Огни отелей высвечивали сумеречными многоцветными красками пальмовые деревья, сам Индиан-Крик и – в дальней части – парк Пайнтри. Мисти прошла стационарные эллинги и уже видела неподалеку хищные очертания «Ликвидити».

Ее всегда удивляло, как много яхт стоят в темноте и кажутся необитаемыми, даже при экипаже, словно некие экстравагантные предметы искусства, предназначенные только для демонстрации. Зрелище это, с его темнотой, смягченной рассеянным светом,

просачивающимся с востока, неизменно напоминало ей серию картин Магритта «L'empire des lumières»[31].

В детстве Мисти всегда превосходила сверстниц умом и красотой, и поэтому ее уделом в те годы были одиночество и отчуждение. Положение дел изменилось, когда она поступила в колледж Уэллсли[32], где ее голодный интеллект расцвел в полную силу. Там она научилась искусству разговора и умению использовать свою привлекательную внешность как статью дохода или, если необходимо, как оружие. В конечном счете она окончила колледж со специализацией по трем предметам: история искусства, классические языки и музыка – интереснейший набор сокровенного знания, с которым, как выяснилось после получения диплома, она совершенно не знала, что делать.

У нее были деньги после работы в колледже на неполную ставку, и – при отсутствии каких-либо других планов – Мисти решила потратить их на большое путешествие, прежде чем сделать следующий шаг. Она обнаружила, что ей нравится бывать в казино и на частных вечеринках, находиться среди представителей высшего европейского света, если ей удавалось хитростью пробиться в их круги. Девять месяцев спустя она оказалась на острове Ки-Бискейн, где ее чуть не сбил «ягуар ХК», когда она переходила Крэндон-бульвар.

Машину вела шестидесятилетняя Кармен Хелд, расстроенная и подавленная горем: четыре месяца назад ее муж ушел в мир иной. Женщина, испуганная тем, что она могла стать убийцей за рулем, уговорила Мисти зайти в ближайшее здание, которое оказалось шикарным рестораном. За долгим ланчем две женщины подружились. Миз Хелд – Кармен – обнажила душу перед Мисти. Она была одинока и грустна, а самое главное – раздосадована: наконец-то у нее были деньги и время по-настоящему познать жизнь, вот только рядом не осталось никого, с кем она могла бы заняться этим.

Мисти очень понравился тот ланч. Она уже поняла, что ценит – и даже предпочитает – общество людей пожилых. А они, в свою очередь, получали удовольствие от ее способности с умом говорить на самые разные темы, от ее умения вести себя так, что у собеседников возникало желание довериться ей. Студенты постоянно жили впроголодь, и было так приятно пообедать в качестве гостя с кем-нибудь, кто не считает деньги в кармане и может потратить сколько угодно. Кармен было шестьдесят, но она всю жизнь хорошо за собой следила и – если не обращать внимания на появляющиеся морщинки – оставалась вполне привлекательной. Очень даже привлекательной.

Странная и в то же время абсолютно здравая идея начала вызревать в голове Мисти.

У нее не было никаких планов на тот вечер, и, когда Кармен сказала, что возвращается в Майами-Бич, и предложила Мисти подвезти ее, девушка приняла предложение. Вскоре Кармен стала ее первым особенным другом, а ее странная, но в то же время здравая идея вскоре стала карьерой.

«Временной карьерой», – напомнила себе Мисти. Она сошла с пешеходной дорожки и пошла по тропинке под темными пальмами к яхте Гарри. Такая жизнь удовлетворяла ее, хорошо кормила и одевала, но не могла продолжаться вечно. Недавно девушка стала подумывать о поступлении на юридический факультет. Она уже отложила двести тысяч долларов – более чем достаточно. Еще полгода, и она всерьез займется подготовкой к поступлению.

Мисти замедлила шаг и снова нахмурилась. Яхта, стояночные огни которой рассеивали бархатную темноту, показалась ей незнакомой. Вероятно, «Ликвидити» стоит за ней. Гарри уже расставляет бокалы под шампанское, нужно поспешить. Она ускорила шаг, раздражаясь, что каблуки слишком глубоко зарываются в сырую траву. Может быть, через полгода еще слишком рано. Она пока не может бросить своих особенных друзей, тем более так внезапно. Она еще не готова перестать пить cru classé Bordeaux[33] и…

Из темноты пальм, наполненной насекомыми, раздался резкий шуршащий звук, вторгшийся в мысли Мисти. Она повернулась на звук, и в этот момент что-то с ужасающей скоростью, но при странном отсутствии боли глубоко вонзилось в ее шею. Она издала короткий непроизвольный звук, а потом словно погрузилась в сон.

На просторном балконе президентского люкса в Версальской башне отеля «Фонтенбло» Пендергаст осторожно пригубил принесенный ему официантом чай и одобрительно кивнул. Настоящий дарджилинг первого сбора, произрастающий на одной из высокогорных плантаций Западной Бенгалии: травянистые ноты его тонкого ароматного букета узнавались безошибочно. Пендергаст проводил взглядом официанта, сделал еще глоток, потом поставил чашку рядом с чайником, откинулся на спинку мягкого шезлонга и закрыл глаза.

По бокам кресла лежали стопки папок, для обеих нашлись своеобразные пресс-папье: его «Лес-Баер 1911» и запасной его пистолет «Глок-27 Джен-4». Пендергаст внимательнейшим образом прочел документы в папках; больше они ничего не могли ему предложить.

Размышляя, он медленно сплел воедино разные нити недавних убийств и далеких самоубийств: те, что укладывались в общую картину, и (что еще интереснее) то, которое не укладывалось. Пока он думал, звуки и запахи южнофлоридского вечера постепенно сходили на нет: слабый запах океана, гул разговоров из бара и из ресторана под открытым небом где-то далеко внизу, восхитительно теплая, влажная атмосфера, которая так точно соответствовала температуре его кожи.

Наконец Пендергаст отложил в сторону умственное плетение. Он знал, что он должен делать дальше. Главное на пути к достижению цели состояло в том, чтобы в процессе наломать как можно меньше дров.

– «Когда конец концом бы дела был, – пробормотал он себе под нос, – я скоро б сделал»[34].

С этими словами он открыл глаза, выпрямился и взял чашку чая.

И в этот момент его острый слух уловил какой-то звук, слабый, но различимый – резкий, гортанный, ничуть не похожий на смех внизу и мгновенно пресекшийся.

Пендергаст замер, чашка застыла на полпути к его губам. Он ждал, но звук не повторился. Громада отеля окружала его со всех сторон, и потому он не мог точно определить, откуда донесся до него этот звук. Тем не менее Пендергаст донес чашку до рта, пригубил, на сей раз сокрушенно, зная, что к его возвращению чай станет теплым, а то и совсем холодным, потом поставил чашку, встал, взял оба пистолета и вышел.

24

Стоя в этом обширном холодном пространстве, Колдмун не мог не испытывать сильное ощущение дежавю. И это вполне понятно: совсем недавно он побывал в склепе, покрытом плесенью, а теперь оказался еще в одном доме мертвецов. Этот носил название «колумбарий». Колдмун не знал значения этого слова, пока Пендергаст не объяснил ему, что так называется здание, где на вечном упокоении стоят в нишах урны с прахом мертвецов. Здесь было гораздо приятнее, чем в склепе Флейли: ротонда с куполом, повсюду золотые листья и белый мрамор, а ниши закрыты стеклом. Можно заглянуть внутрь, увидеть урну, а еще маленькую статуэтку и фарфор или серебряную табличку с гравировкой – именем и датами жизни покойного. И все же Колдмуну это казалось жестоким и варварским. Какой смысл хранить прах предка, если ты оказал ему неуважение – сжег его тело, а значит, оборвал его путь в мир призраков.

Его глаза притягивала ниша за полицейской лентой, ставшая местом преступления. В нише находилась урна из белого мрамора. Но мрамор перестал быть белым: тонкая струйка крови вытекла из-под крышки, побежала по наружной стенке урны, по стеклянному основанию ниши, и оттуда несколько маленьких капель упали на белый мраморный пол.

– Похоже, – пробормотал Пендергаст, глядя на нишу, – часть праха из урны выкинули. – Он показал на небольшой серый холмик на полу, помеченный флажком-маркером криминалистов. – Чтобы освободить место для сердца. Записка оставлена в нише, засунута между фарфоровой фигуркой святого Франциска и табличкой с именем усопшей. – Он обратился к Колдмуну: – Вы видите что-нибудь странное?

– Да тут все странное!

Пендергаст посмотрел на него, как смотрят на недоразвитого ученика:

– А я, напротив, нахожу это фактически идеальным повтором предыдущего modus operandi. Странной – или по меньшей мере красноречивой – представляется целостность картины.

– Вы думаете, это была постановка?

– Именно. Но не ради нас, а из личных соображений. Брокенхартс не театральная личность. Он живет внутри собственного разума, и ему безразличны как мы, так и следователи. А вот и записка.

Сандовал все еще находился в Индиан-Крик, где Пендергаст – вместе с другими – обнаружил последнее тело. Тем не менее команда криминалистов не стала терять времени, когда поступило сообщение о найденном сердце. Теперь один из криминалистов достал записку оттуда, куда ее положили. Колдмун сфотографировал ее, а Пендергаст вслух прочел:

Моя дражайшая Мэри,

ангелы оплакивают тебя, и я плачу вместе с ними. Пожалуйста, прими этот дар с моими глубочайшими соболезнованиями.

С непреходящей любовью,

мистер Брокенхартс.

P. S. Светила движутся, несется время, а мистер Брокенхартс будет продолжать заглаживать вину.

Пендергаст кивнул, и криминалист забрал записку. Колдмун видел на лице Пендергаста свет, подавляемое сияние возбуждения.

– Что вы об этом думаете? – отважился спросить Колдмун.

– Записка вносит полную ясность.

– Я весь внимание.

– Во-первых, мы имеем еще одну литературную цитату, на сей раз из «Доктора Фауста». Оригинал звучит так: «Светила движутся, несется время; пробьют часы»[35]. Я полагаю, вы знакомы с Кристофером Марло так же, как с Элиотом и Шекспиром?

– К сожалению, я не учился в Оксфорде, – невольно чувствуя раздражение, ответил Колдмун.

– Примите мои соболезнования. Это пьеса об ученом человеке, который в погоне за высшим знанием продает душу дьяволу. Бой часов – намек на Мефистофеля, который придет за Фаустом и утащит его в ад.

– А смысл?

– Ад – самая страшная расплата.

Колдмун ждал дальнейшего объяснения, но его не последовало. Типично для Пендергаста: он сообщил, что записка вносит полную ясность, но лишь протанцевал по периметру объяснения. Колдмун решил предложить собственное объяснение:

– Постскриптум, кажется, адресован нам, вы это понимаете. Это что-то новенькое.

– Действительно. Хотя я не думаю, что он подливает масла в огонь. Он просто пытается объяснить.

Колдмун чуть было не спросил: «Что объяснить?», но решил не давать Пендергасту еще одну возможность блеснуть уклончивостью.

Они молча смотрели на криминалистов, продолжавших работу. Издали доносился низкий гул прессы, которая собралась у колумбария перед полицейским кордоном. Третье убийство прорвало дамбу; история Брокенхартса вышла на федеральный уровень, и все жаждали, требовали информации: Си-эн-эн, Новости Эн-би-си – вся шарага.

– Интересно, откуда этот репортер Смитбек узнал имя Брокенхартс, – сказал Колдмун. – Разве это не закрытая информация?

Вместо ответа Пендергаст подошел к нише.

– «Мэри С. Адлер, – прочитал он имя на табличке. – Четырнадцатое апреля тысяча девятьсот восьмидесятого года – седьмое июля две тысячи шестого года». Мы уже знаем, что она покончила с собой через повешение в Роки-Маунт, штат Северная Каролина. И что день ее самоубийства на четыре месяца предшествует самоубийству Бакстер и на восемь месяцев – самоубийству Флейли.

– Я не представляю, каким образом эти сведения помогут нам. Ясно же, что Брокенхартс выбрал этих людей, потому что они совершили самоубийство. Тут мы не узнаем ничего нового. Поэтому я задаю другой вопрос: почему убийца выбирает самоубийства, которые произошли в пределах столь ограниченного временно́го периода?

Пендергаст доброжелательно посмотрел на него:

– Агент Колдмун, этот вопрос и в самом деле весьма уместен, и он должен быть задан. Однако я чувствую, что наш убийца действует на более высокой плоскости логики.

– И что это значит?

– Вспомните мою отсылку к «Доктору Фаусту». Мне кажется, наш убийца чувствует себя лично ответственным за эти смерти, которые, кстати, могут и не быть самоубийствами.

Колдмун подавил желание закатить глаза.

– Если это не самоубийство, то что? Судя по составленному портрету, нашему мальчику было что-то около четырнадцати лет в то время, когда эти женщины умерли.

– Я это знаю.

– Тогда какая тут может быть связь?

– Я не утверждаю, что он физически связан с ними. Но заданный вами вопрос о временно́м отрезке – это действительно загадка, лежащая в самой основе этого дела. Наш убийца убивает с тревожной регулярностью и быстротой. Нам необходимо эксгумировать Элизу Бакстер.

«Что, опять? О нет!»

– Пикетт упадет в обморок, если вы попросите его об этом во второй раз.

– Наш долг выше чьего-либо дурного настроения, не так ли, агент Колдмун?

– Вы и в самом деле хотите его разозлить?

– А какой у нас есть выбор? Единственный другой вариант – ждать, когда нам пришлют результаты вскрытия Мэри Адлер. Но я полагаю, пользы от этого будет не больше, чем от предыдущих вскрытий, то есть полный ноль. Когда полиция решает, что совершено самоубийство, патологоанатомы ничего другого и не видят.

Пендергаст позвонил Пикетту не прежде, чем они вернулись в выделенный им временный кабинет в здании Майамского отделения ФБР. Колдмун слышал лишь одну сторону разговора, но беседа продолжалась недолго и не принесла никаких сюрпризов. Пендергаст опустил руку с телефоном:

– Пикетт снова отказал.

– Значит, эту идею можно зарубить.

– Напротив. Я в этом деле главный агент и как таковой имею власть эксгумировать Бакстер против воли Пикетта и против воли родителей.

– Вы серьезно? Это прямое неподчинение.

К огромному удивлению Колдмуна, Пендергаст улыбнулся:

– Вы должны понять, если уже не сделали этого, что в жизни неподчинение не только необходимо, но даже временами захватывающе.

Тем же вечером, находясь в своем номере отеля, Колдмун получил эсэмэску, которой ждал и опасался: «Позвоните мне немедленно».

Он позвонил, сбросив обертки «Твинки» с кровати, и Пикетт ответил ему крайне раздраженно:

– Колдмун? Я ждал вашего звонка с момента моего разговора с Пендергастом.

На самом деле Колдмун весь день собирался ему позвонить. Он знал, что должен проинформировать Пикетта о намерениях Пендергаста. И у него имелись все основания, чтобы сделать это. Идея Пендергаста

представляла собой еще одну легкомысленную схему, которая ничего не даст и закончится катастрофически. «Вы – перспективный агент. Вы уже далеко продвинулись, невзирая ни на какие давние традиции. Мне симпатичны ваши устремления. И нужно ли объяснять, что на этом деле вы можете потерять больше, чем кто-либо другой?»

– Сэр, я… – начал было Колдмун.

– Не надо объяснений. – Голос Пикетта смягчился. – Слушайте, я знаю, вы в трудном положении. Я понимаю: нужно быть заодно с напарником и все такое. Но когда мы говорили в последний раз, вы мне сказали, что грядет буря… и теперь я могу догадаться, что это за буря. Вы получили данные по вскрытию из Северной Каролины по последнему самоубийству? Как ее имя – Мэри Адлер?

– Нет еще, не получили. Кажется, им никак не найти это дело. Что-то потеряли во время оцифровки.

– Значит, он пойдет на эксгумацию Бакстер, несмотря на мой приказ. Верно?

– Да.

– Я это знал. Ладно. Не пытайтесь его отговорить. Ясно?

Колдмун не ответил.

– Слушайте. Вся ответственность на нем – на вас это никак не отзовется, вы младший напарник. С таким явным неподчинением я смогу перевести этого типа куда подальше, отправить в какое-нибудь милое, тихое болото на Среднем Западе, а вы станете старшим напарником по этому делу. Так что работайте по его плану. Договорились?

Колдмун сглотнул.

– Договорились.

25

Эксгумация Элизы Бакстер, хотя и не столь катастрофическая, как эксгумация Агаты Флейли, прошла не без трудностей. Она была запланирована на шесть часов утра, чтобы не тревожить посетителей, и Колдмун проснулся под звуки дождя, барабанящего в окно отеля. Бейсайдское кладбище хлюпало под ногами, не успевая впитывать в себя воду ливня, и, несмотря на все меры предосторожности (высокотехнологичное подъемное оборудование, водонепроницаемый брезент, временная палатка, поставленная над могилой), яма начала

заполняться водой, и Колдмун поскользнулся и упал в грязь, испортив свой костюм из «Уолмарта». Когда они поставили гроб в кузов катафалка, Пендергаст тоже превратился в пугало: его черный костюм промок, туфли и обшлага брюк были заляпаны грязью, на лице тоже появились пятна грязи, отчего он сам стал похож на свежеэксгумированное тело. Что еще хуже, Пендергаст настоял на том, чтобы они сопровождали гроб в морг и вскрытие началось немедленно, так что времени переодеться не было. По какой-то причине он безумно спешил. Колдмун, мучимый угрызениями совести сильнее, чем предполагал, мог только гадать, какое такое шестое чувство предупредило Пендергаста о ловушке, которую для него подстроили.

Они прибыли в подвальную зону приема трупов в морге под неумолчный стук дождя по крыше автомобиля. Грузчики сноровисто сняли гроб с катафалка, поставили на электрифицированный конвейер, переместили в специальный приемник, промыли и очистили, наконец открыли и переложили тело на каталку. Весь процесс занял не более получаса, и Колдмун как зачарованный наблюдал за их эффективными действиями. Более того, само тело являло собой полную противоположность телу Флейли: не говоря уже о его странном цвете, оно выглядело так, будто Бакстер умерла всего неделю назад.

Они последовали за останками в секционную. Когда они вошли внутрь, Пендергаст сообщил Колдмуну:

– Я заранее позвонил, чтобы вскрытие проводила доктор Фоше, а не ее начальник Моберли.

Колдмун одобрительно кивнул. Хотя он мало что понимал в судебно-медицинской анатомии, но первоклассного козла мог определить с первого взгляда.

Два ассистента начали подготовку к вскрытию: разложили инструменты, настроили видеокамеры, отрегулировали свет, разрезали одежду на трупе. Помещение наполнилось сильным запахом формалина, влажной земли и разлагающейся плоти, и Колдмун поймал себя на том, что изучает стены и потолок. Все это дело было мартышкиным трудом, но от этого ему не становилось легче при мысли о том, как ловко Пикетт вынудил его исполнять роль иуды. Он еще раз напомнил себе, что именно Пендергаст собирается разрушить собственную карьеру вопиющим неподчинением. Что он, Колдмун, может тут поделать? Он слишком упорно работал, пробивался наверх, несмотря на обстоятельства, чтобы теперь совершить харакири.

Когда тело было готово, дверь открылась и вошла Фоше.

– Джентльмены, – сказала она, коротко кивнув. – Мы помним правила?

– Несомненно, доктор Фоше, – ответил Пендергаст, вежливо поклонившись.

– Тогда я приступаю.

Она начала длительное и точное описание тела, в то время как ассистенты переворачивали для нее труп, потом возвращали в прежнее положение. Наконец эта часть была завершена, но не успела Фоше начать Y-образное рассечение, как дверь открылась и появился Моберли в рабочем облачении, принеся с собой запах «Олд спайс».

– А, Шарлотта, – сказал он. – Рад, что я вовремя! – Он вошел, потом повернулся к Пендергасту и Колдмуну. – Видимо, что-то случилось со связью: сообщение о вскрытии попало в мой офис всего несколько минут назад. Я позвонил ответственному заместителю директора Пикетту, и он заявил, что не давал на это санкции. Кто дал?

– Я имею эту честь, – холодно произнес Пендергаст.

– Похоже, у вас разногласия с вашим начальством, агент Пендергаст, но меня это не касается. Меня заботит другое: в таком важном деле необходимо участие старшего патологоанатома. Сказать по правде, я не понимаю, что здесь делает Шарлотта.

– Я обратился конкретно к ней с просьбой провести аутопсию, – объяснил Пендергаст.

– А кто дал вам право принимать решения такого рода? Мы не можем допустить, чтобы из-за отсутствия опыта у патологоанатома произошла ошибка. – Он повернулся к ассистентам, одновременно показывая на видеокамеру. – Вскрытие провожу я. Запись идет?

– Да, доктор Моберли.

– Хорошо. Шарлотта, вы можете остаться и наблюдать. Для вас это будет ценным учебным опытом.

На лице Фоше, когда она стянула вниз маску, сменилась череда выражений, и ни одно из них не было приятным. Она открыла было рот, но, видимо, передумала, сделала шаг назад и снова надела маску.

– Ножницы, пожалуйста.

Ассистент подал шефу ножницы.

– Прошу прощения, доктор Моберли, – произнес Пендергаст тихим голосом.

Колдмун неожиданно почувствовал, что волоски у него на шее встают дыбом. В голосе Пендергаста он услышал что-то такое, что уже слышал раньше, только еще хуже.

– Да, агент Пендергаст? – сказал через плечо Моберли.

– Положите инструмент, повернитесь и посмотрите на меня.

Эти слова были произнесены негромким, вкрадчивым голосом, но он почему-то звучал очень неприятно.

Моберли выпрямился и повернулся, не понимая, что происходит:

– Простите?

– Вскрытие будет производить доктор Фоше. Вы можете остаться и наблюдать и, возможно, получите ценный учебный опыт.

Моберли уставился на агента, лицо его посерело, когда он осознал оскорбление.

– Чего вы хотите добиться, разговаривая со мной подобным образом?

Пендергаст вперился своими сверкающими серебристыми глазами в лицо старшего патологоанатома:

– Я попросил доктора Фоше провести эту судебно-медицинскую аутопсию, и проводить вскрытие будет она.

– Это неслыханно! – повысил голос Моберли. – Как вы смеете отдавать приказы в моем патологоанатомическом отделении?

Пауза. Затем Пендергаст спросил:

– Доктор Моберли, вы уверены, что хотите, чтобы я ответил на ваш вопрос?

– Что, черт побери, это должно означать? – сердито спросил Моберли. – Это что, угроза? Пикетт предупреждал меня касательно вас. Что это вы о себе возомнили?

– Я агент ФБР с допуском к отличным источникам.

– Мне на это наплевать. Убирайтесь из моего морга!

– Я использовал эти источники, чтобы заглянуть в ваше прошлое. И оно – как это говорится? – пестрое.

Он замолчал. Моберли уставился на него, замерев.

– Например, проведенная вами в две тысячи восьмом году аутопсия шестнадцатилетней Анны Гутьеррес, по результатам которой вы указали, что она умерла от инфекции крови, была опровергнута второй аутопсией, назначенной судом, и вторая аутопсия показала, что девушка стала жертвой изнасилования и удушения. Или проведенное вами в две тысячи десятом году вскрытие восьмимесячной Гретхен Уорли, по результатам которого вы указали, что причиной ее смерти был синдром детского сотрясения, тогда как…

– Хватит! – оборвал его Моберли, побагровев. – Каждый патологоанатом совершает ошибки.

– Правда? – сказал Пендергаст своим прежним вкрадчивым голосом. – Из вашего личного дела я узнал, что, подавая заявление на должность старшего патологоанатома, вы не сообщили, что в тысяча девятьсот девяносто третьем году вас уволили в Индианаполисе.

Молчание.

– Уволили, могу я добавить, после ареста и приговора за пьяную езду… по пути на работу.

Последовавшее молчание было насыщено невидимыми электрическими разрядами.

– Это, конечно, не все, – произнес Пендергаст все так же тихо. – Вы хотите, чтобы я продолжал?

Невыносимое молчание продолжалось несколько секунд. Потом Моберли просто покачал головой. Колдмун, пораженный таким поворотом событий, обратил внимание, что лицо Моберли утратило все свои краски. Глаза доктора устремились в верхний угол помещения. Колдмун проследил за его взглядом и увидел поблескивающую линзу камеры.

– Ах! – воскликнул Пендергаст. – Видеокамера! Господи боже, неужели то, что я сейчас говорил, записано? Как неловко! Полагаю, придется начать официальное расследование. А пока, доктор Моберли, мы и так потеряли много времени на болтовню. Думаю, вам уже не терпится уйти. Доброго вам утра.

Моберли дрожащими руками медленно стащил с лица маску, потом халат, уронил их в корзину и поплелся к дверям. Дверь за ним закрылась с пневматическим шипением. Два ассистента стояли неподвижно, раскрыв рот. Никто не произнес ни слова.

Наконец Колдмун, все еще ошеломленный неожиданным поворотом фортуны Моберли, проговорил:

– Не могу поверить, как быстро вы его уничтожили. Я в том смысле, что он даже слова сказать не мог.

– Когда взрывают атомную бомбу, – сказал Пендергаст, – тени, оставшиеся на стене, редко способны протестовать. – Он обратился к доктору Фоше, которая тоже выглядела потрясенной: – Сожалею, что нарушил вашу работу так драматично. Пожалуйста, продолжайте.

Фоше набрала полные легкие воздуха, потом, не говоря ни слова, взяла инструменты и начала работать.

26

Тело Элизы Бакстер сохранилось гораздо лучше, чем тело Агаты Флейли, а потому аутопсия была гораздо более сносной. Колдмун вынес ее со своим обычным стоицизмом, радуясь тому, что с утра у него во рту не было ничего, кроме его любимого кофе. Фоше продолжала с исключительной осторожностью, непрерывно сопровождая свои действия комментариями на видеокамеру. Пендергаст, со своей стороны, хранил молчание. В десять часов Фоше все еще продолжала работу, она медленно рассекала тело, удаляла органы, помещала их в контейнеры. Никаких сюрпризов не случилось. Тело Бакстер, как и тело Флейли, имело все признаки самоубийства.

До одиннадцати оставались считаные минуты, когда у Колдмуна в кармане завибрировал сотовый телефон. Он вытащил его так быстро, что из кармана на пол высыпались монетки. Звонил Пикетт. Фоше предупреждала их не отвечать на звонки в ее присутствии, поэтому Колдмун выскочил в тамбур.

– Да?

– Я звонил Пендергасту, – сказал Пикетт. – Он не отвечает. Только что старший патологоанатом Моберли сообщил мне, что Пендергаст, вопреки моим указаниям, эксгумировал тело. Я хочу поговорить с вами обоими. Немедленно.

– Пендергаст все еще наблюдает за аутопсией.

– Колдмун, вы слышали, что я сказал?

– Я пойду за ним.

– Уж будьте добры.

– Ждите.

Колдмун проскользнул в секционную. Фоше уже приближалась к концу, работала над головой и плечами, а Пендергаст внимательно наблюдал. Колдмун подал ему знак, и тот, нахмурившись, подошел.

– Пикетт на телефоне. Он хочет поговорить с нами.

Судя по виду Пендергаста, он почти готов был отказаться от разговора, но все же кивнул. Они вышли из секционной, и Пендергаст протянул напарнику мелочь, минуту назад выпавшую у того из кармана на пол.

– Ваши тридцать сребреников, – сказал он.

Колдмун ничего не ответил на это. Он перевел смартфон в режим громкой связи.

– Агент Пендергаст? – раздался голос Пикетта. – Вы меня слышите?

– Да.

– Агент Колдмун?

– Да, на связи.

– Хорошо. Потому что выслушать должны вы оба. Специальный агент Пендергаст, насколько я понимаю, вы санкционировали эксгумацию останков Бакстер, получили судебный ордер и в настоящий момент проводите аутопсию.

– Верно.

– Таким образом, вместо того, чтобы вести следствие в таком важном направлении, как убийство этой девицы по вызову, которое, как я понял, произошло прямо под окнами вашего отеля на другой стороне улицы, вы, в нарушение моего приказа, предприняли аутопсию. В нарушение моего прямого приказа.

– Да.

Пауза.

– Мне только что звонил адвокат семьи Бакстер. Вы предприняли эксгумацию, несмотря на их возражения. Они собираются подавать в суд.

– Прискорбно.

– И это все, что вы можете сказать? «Прискорбно»?

– Поскольку это дело федеральных правоохранительных органов, разрешения родственников не требовалось.

– Я знаю. Но мы живем в реальном мире, и такого рода судебный иск выглядит некрасиво. Итак, выявило ли вскрытие какие-либо важные новые улики?

В его голосе слышалась изрядная доля сарказма.

Никто не ответил.

– Агент Колдмун?

– Нет, сэр, не выявило.

– Вскрытие завершено?

– Подходит к концу.

– Понятно. Агент Пендергаст, я несколько раз говорил вам, что это будет бесполезной тратой времени, тем не менее вы нарушили мой приказ. Ваше неподчинение привело лишь к тому, что мы имеем судебный иск и проблемы в области пиара.

– Мне жаль это слышать, – ответил Пендергаст.

– Мне тоже. Потому что, как вы, конечно, понимаете, подобное поведение со стороны федерального агента недопустимо. Вам известно, что неподчинение в ФБР является одним из серьезных служебных нарушений. Я снимаю вас с дела. Я уже привел в действие формальный механизм отстранения. Новым ведущим агентом становится Колдмун, ему в подчинение передаются три младших агента, два из Майами, один из Нью-Йорка. Как выясняется, у нас есть вакансия в офисе ФБР в Солт-Лейк-Сити.

Молчание.

– Позвольте мне подчеркнуть, что это не понижение в должности и не наказание. Это даже не вопрос для рассмотрения службой внутренней безопасности. Офис в Солт-Лейк-Сити контролирует территорию штатов

Юта, Айдахо и Монтана. Ваша зона ответственности будет не менее широкой, чем здесь.

Пикетт сделал паузу. Молчание продолжалось.

– Суть в том, агент Пендергаст, что ваше представление об этике противоречит моему. Я просто не могу руководить офисом, в котором работает фрилансер вроде вас и делает все, что взбредет ему в голову, наплевав на иерархию. Вы меня понимаете?

– Понимаю.

– Вы можете сказать что-нибудь в свою защиту?

– Нет.

– Агент Колдмун, если у вас есть какие-то соображения в связи с тем, что вы сейчас услышали, изложите их.

Колдмуна удивила мягкая уступчивость Пендергаста. Если она и в самом деле была такой мягкой, то как объяснить язвительное замечание минутной давности о тридцати сребрениках? Но, слушая торжествующий голос Пикетта, Колдмун еще больше удивился тому, что с ним самим происходило что-то непонятное. Он начинал злиться: на себя – за то, что позволил собой манипулировать и оказался в такой ситуации; на Пендергаста – за его скрытный характер и неординарные методы; но более всего на Пикетта – за то, что вынудил его нарушить один из самых священных кодексов ФБР – кодекс преданности напарнику. Это было неправильно. Как бы на него ни давили, он не должен был соглашаться на игру Пикетта, и винить в своем согласии он мог только себя. Но для начала Пикетт не должен был ставить его в такое положение.

– У меня есть одно соображение, – заговорил Колдмун.

– Я слушаю.

– Это соображение состоит в том, что я на сто процентов поддерживаю моего напарника. Если вы отстраняете его от дела, отстраняйте и меня.

– Что? Вы с ума сошли?

– По-моему, то, что я сейчас сказал, вполне понятно и логично.

– Что ж, я буду… – Пикетт замолчал, но через несколько мгновений снова раздался его резкий голос: – На протяжении всего следствия вы были не согласны с методами его ведения Пендергастом. Вы говорили,

что он тратит ваше время, отвлекаясь на не имеющие отношения к делу побочные вопросы. Вы попусту потратили время на полеты в Мэн и Итаку, а теперь попусту тратите его на эту бесполезную аутопсию. И в то же время вы выступаете в его защиту, исходя из ложно понятого чувства преданности. Что ж, если вы этого хотите, я переведу в Солт-Лейк-Сити вас обоих. Дело чрезвычайно важное, и мне не составит труда найти высококлассных агентов, чтобы они довели его до конца. Вы этого хотите?

– Да, сэр, именно этого.

– Так тому и быть. Я вылетаю для официального оформления моих распоряжений.

Телефон замолчал.

Колдмун повернулся и встретился взглядом с Пендергастом.

– Вам не обязательно было делать это.

– Нет, обязательно. Я это заслужил. Согласился шпионить за напарником… я полагаю, вы, вероятно, поняли, что происходит.

– Я подозревал это с самого начала.

Колдмун безрадостно рассмеялся:

– Ну конечно!

– Вы хороший человек, агент Колдмун.

– Черт, в Солт-Лейк-Сити не так уж и плохо. Мне всегда нравился Запад. Флорида слишком плоская. И слишком зеленая.

Они помолчали секунду, потом Пендергаст показал на дверь в секционную:

– Прежде чем собирать вещички, мы вполне можем выслушать выводы доктора Фоше.

Они вошли в секционную в тот момент, когда Фоше начала укладывать инструменты.

– Джентльмены, я хочу показать вам кое-что. Пожалуйста, подойдите сюда.

Колдмун и Пендергаст встали по разные стороны стола, а Фоше отрегулировала свет, направив его на переднюю часть шеи.

– Я попытаюсь описать это с точки зрения непрофессионала, – сказала она. – Но сначала позвольте мне заметить, что первоначальная аутопсия, как и в случае с телом миз Флейли, была проведена в лучшем случае поверхностно. А теперь, держа в памяти это мое соображение, скажите: вы видите отметины здесь, здесь и здесь?

Она показала на несколько очень слабых кровоподтеков.

– Они были вызваны сдавлением – если верить отчету коронера – от связанной в петлю простыни, на которой Бакстер предположительно повесилась, привязав ее к штанге для занавески. При таком повешении эти синяки вполне естественны. Вы пока понимаете меня?

Колдмун кивнул.

– Далее, вот здесь... – Фоше показала на кость в форме подковы, обнажившуюся в верхней части шеи, – находится подъязычная кость. Как вам известно, у Флейли эта кость была сломана. В ее случае кость сломалась посередине, что называется, в теле кости. То же самое мы видим и здесь. И опять же это типично при самоповешении. – Она сделала паузу. – Кроме того, имеются переломы в двух больших рогах, здесь и здесь, которые образуют крылья подъязычной кости. – Она выкатила небольшое увеличительное стекло на креплении. – Так вам будет лучше видно.

Колдмун посмотрел, потом посмотрел и Пендергаст.

– Оба рога сломаны практически симметрично. – Фоше убрала увеличительное стекло. – Подобные двусторонние переломы не могут появиться при удушении повешением. Обычно причиной таких повреждений является то, что мы называем удушением сдавливанием. То есть жертву хватают за шею двумя руками и с силой вдавливают два больших пальца, при этом сдавливание сопровождается периодическим усилением-ослаблением нажатия и сотрясением. Для этого требуется человек с мощными руками, почти без вариантов мужчина. В данном случае – правша, судя по различиям в повреждениях двух рогов. Такое удушение не может иметь места при самоубийстве.

– То есть вы хотите сказать... – начал было Колдмун, но замолчал.

– Я хочу сказать, что жертва умерла не от удушения повешением. Она была задушена руками. А повешение произошло сразу после смерти, когда образование синяков все еще возможно, что позволяет скрыть

удушение руками и представить его как самоубийство. – Доктор Фоше сделала паузу. – Но это не было самоубийством. Эта женщина, несомненно, стала жертвой убийства.

27

Роджер Смитбек остановился, высморкался в листовку агентства по продаже недвижимости, скатал ее в комок и швырнул в урну, после чего вошел в приземистое здание из белого кирпича на Северо-Западной Пятнадцатой авеню, где размещалась профессиональная ассоциация «Психиатрическая группа Бронера». Сезон образования пыльцы (даже не сезон, а круглогодичный бич Флориды) был в полном разгаре, и аллергическая реакция проявляла себя обычным образом.

Смитбек остановился, чтобы сделать глубокий вдох и полностью сосредоточиться на том, ради чего он сюда пришел. Он не был репортером-расследователем, но в последние дни стал спрашивать себя, не поменять ли ему профессиональную ориентацию: у него вроде бы прорезался нюх хорошего расследователя. Именно нюх (в данный момент страдавший из-за насморка) и привел его сюда.

С помощью бинокля Смитбек легко прочитал имена и даты жизни покойников, на чьих огороженных полицейской лентой могилах мистер Брокенхартс оставил свои жуткие подношения: Бакстер и Флейли. Другие журналисты, конечно, сделали то же самое, и теперь эти имена были известны обществу. То же самое и со вчерашней получательницей подарка, Мэри Адлер, чей прах покоился в колумбарии.

Но Смитбек пошел дальше, чем ленивые недоумки из его журналистской братии. Он извлек некрологи Бакстер и Флейли из своего цифрового газетного морга (про Адлер ему ничего не удалось найти) и узнал, что они обе покончили с собой. Потом он нашел их бывшие адреса в старых телефонных книгах и узнал, что они жили в Майами всего в нескольких милях друг от друга. Из этого он смог по кусочкам собрать их персональные истории.

Несомненно, полиция Майами и Пендергаст пошли тем же путем. Но тут Смитбека внезапно осенила гениальная мысль. Он до сих пор краснел, вспоминая о своей проницательности. Две молодые многообещающие женщины покончили с собой. И он подумал: а не могла ли хотя бы одна из них ходить к психотерапевту? А если да, то к какому и не удастся ли выудить у психотерапевтов какую-нибудь информацию об этих женщинах?

Затем все стало складываться еще лучше. Просматривая архивные страницы Интернета, Смитбек нашел шестнадцать офисов психиатров и

психотерапевтов в пределах разумной доступности от домов самоубийц. Он прокашлялся, придумал схему и начал обзванивать офисы, используя самые разные приемы, в том числе выдавая себя за брата покойной, который много лет оплакивает сестру и теперь хочет поставить точку в истории с ее необъяснимым самоубийством. Смитбек понимал, что ему не удастся выцарапать у них историю болезни по телефону, но по крайней мере он узнает, была ли у кого-нибудь из них пациентка по имени Бакстер или Флейли.

И тут он напал на золотую жилу. Бакстер и Флейли обе посещали психиатров – одного и того же психиатра. Человека по имени Петерсон Броннер. Связь была совершенно невероятная, но в то же время настолько невозможная, что вряд ли полиция или даже Пендергаст установили ее. Или они ее установили, но держат это в тайне. В любом случае это не имело значения – именно он держал сенсацию за хвост.

Итак, кто такой этот Броннер и что он знает о Бакстер и Флейли? У Смитбека возникло туманное представление, а может, надежда, что сам Броннер имеет какое-то отношение к злодейским преступлениям. Мозг журналиста лихорадочно работал, и он выстроил ряд сценариев: Бакстер и Флейли обнаружили, что Броннер мухлюет с программой «Медикэр». Или что он этакий доктор-рвач, выписывающий рецепты пациентам направо и налево. Или что он делает какие-то другие противозаконные вещи… и он убил этих женщин, чтобы избежать огласки. Кто лучше, чем психотерапевт, знает, как инсценировать убийство? А может быть, сам мистер Брокенхартс был – или все еще остается – пациентом Броннера? Господи Исусе, может, Броннер и есть Брокенхартс и таким образом извиняется за их самоубийства, которые были неудачным результатом лечения!..

Смитбек сделал еще один глубокий вдох и попытался обуздать свое воображение. Сначала он должен познакомиться с мистером Броннером.

Пригладив непокорные волосы, он принял подавленный вид, какой, по его преставлениям, приличествовал человеку, находящемуся в глубокой депрессии, и толкнул стеклянную дверь в здание Психиатрической группы Броннера. Он подошел к секретарю, пухлому человеку лет тридцати пяти, который жизнерадостно приветствовал его, осведомился о его имени, потом спросил, записан ли он на прием.

– Мм… нет, – ответил Смитбек монотонным голосом. – Я… – Он подавил рыдание. – Я испробовал все. У меня не осталось никакой надежды. Я хочу прекратить все это. Мне необходимо немедленно увидеть доктора Броннера, это чрезвычайные обстоятельства.

Секретарь выглядел слегка встревоженным, что было странно для человека, работающего у психотерапевта.

– Прошу прощения, но мы не занимаемся людьми с улицы. Вам нужно обратиться за неотложной помощью. – Он взял телефон. – Вот, я набираю девять-один-один и вызываю вам «скорую».

– Постойте! Нет. Я никуда не поеду. Я хочу увидеть доктора Броннера, и больше никого. Он помогал моей сестре много лет назад – она говорила, что он творил чудеса. Мне не нужен никто другой, только он!

Он повысил голос, надеясь, что шум дойдет до ушей доктора и тот заявится сюда собственной персоной.

Секретарь, встревоженный теперь по-настоящему, сказал:

– Я немедленно приглашу вам медсестру.

Он нажал кнопку.

– Я хочу доктора! – завопил Смитбек.

Он чувствовал себя немного неловко. Его брат Билл всегда наслаждался такими спектаклями, но ведь он был экстравертом. Роджеру, разумеется, было далеко до брата.

В приемную вбежала сестра: тощая пожилая женщина с манерами боевого топора.

– Мне нужно увидеть доктора Броннера! – вскричал Смитбек. – Вы не понимаете? Я на грани!

Женщина смерила его суровым, но сочувственным взглядом:

– Как вас зовут, сэр?

– Смитбек. Ро… Роберт Смитбек.

Сестра энергично кивнула:

– Доктор Броннер на пенсии. Я попрошу доктора Шадида принять вас.

Смитбек не предусмотрел такого варианта, ведь клиника все еще носила имя Броннера. Он застыл с идиотским видом, пытаясь понять, что ему делать дальше.

– Мистер Смитбек, пожалуйста, идите за мной.

Если Броннер на пенсии, то ни к чему продолжать эту канитель. Нужно сматываться отсюда.

– А знаете что? Мне стало гораздо лучше.

Его слова явно были плохим знаком, потому что голос медсестры сразу же смягчился.

– Я думаю, вам немедленно нужно увидеть доктора. Доверьтесь мне.

«О боже».

– Нет-нет. Я в порядке!

Он развернулся и поспешил из офиса, преследуемый голосом медсестры, которая призывала его вернуться, пока он прорывался через двери и бежал по парковке к своему автомобилю.

Усевшись в машину, Смитбек оглянулся назад. Никто его не задерживал. Слава богу. Он вытащил телефон и с помощью газетного информационного межсетевого шлюза быстро нашел доктора Петерсона Броннера. Но тот жил чертовски далеко, в Ки-Ларго, а день уже клонился к закату, и движение на дорогах было ужасным. Нет, он отправится туда завтра утром и ухватит старика-дока за бороду в его логове. Если тот уже пенсионер, то, вероятно, не годится на роль Брокенхартса-убийцы. Так или иначе, Смитбек не сомневался, что добродушный старый доктор не устоит против него. Он узнает все, что можно узнать, а потом, может быть, опубликует свою сенсацию.

28

Ответственный заместитель директора Уолтер Пикетт вышел из лифта во влажное тепло бара на крыше. Исходя из немалых размеров отеля ультралюкс, он предполагал, что это будет большое шумное пространство, заполненное туристами. Он ошибался: ресторан уже закрылся на ночь; выстроившиеся в ряд напротив бара столы, освещенные свечами, были почти все свободны, а за низким стеклянным барьером у края здания виднелись огни Майами и темная линия Атлантики.

За баром находился бассейн, залитый, как и остальная часть крыши, приглушенным голубоватым светом. Бассейн был пуст, вокруг него стояли роскошно мягкие шезлонги с отдельными столиками и зонтами. Тут и там в точно выбранных местах располагались фонарики, излучавшие желтовато-оранжевое сияние. Почти все шезлонги были

пусты. Пикетт прошел три четверти пути вокруг бассейна, прежде чем увидел Пендергаста.

Агент отдыхал на шезлонге, поставленном в полулежачее положение. Пикетт, старавшийся быть модником, насколько это позволял его бюджет, обратил внимание, что Пендергаст сменил свой черный костюм на белый из чистого льна, а английские туфли ручной работы – на итальянские. Его белые волосы и очень темные очки, которые он надел несмотря на поздний час, отражали голубой и оранжевый свет, исходящий от бассейна и ламп.

Увидев, что приближается начальство, Пендергаст поставил на стол маленький стакан с эспрессо и сел.

– Сэр, – произнес он совершенно нейтральным голосом.

Пикетт поднял руку, показывая Пендергасту, чтобы тот оставался в прежнем положении, огляделся и устроился на краю стоящего рядом шезлонга.

С тех пор как он резко прервал телефонный разговор с Колдмуном, между ним и Пендергастом не было никаких контактов. Пикетт, конечно, знал о том, что выяснилось после этого звонка. В самолете он думал. Много думал.

– Пришлось лететь поздним рейсом, – сказал Пикетт в порядке объяснения.

– Я рад, что дождался. Хотите кофе или чего-нибудь покрепче?

Пикетт отрицательно покачал головой, и Пендергаст жестом остановил приближавшегося к ним официанта.

– Полагаю, вы привезли приказ о моем переводе.

– И о переводе Колдмуна, – добавил Пикетт, похлопав себя по карману.

– Признаюсь, никогда не бывал в Солт-Лейк-Сити. Даже понять не могу, как мне удавалось пропустить его за столько лет.

Пикетт не ответил.

Пендергаст пригубил эспрессо.

– Позвольте взглянуть? Я полагаю, там есть имена агентов, которые сменят нас здесь. Вы, конечно, захотите, чтобы мы ввели их в курс дела. – Он протянул руку.

– Через минуту, – сказал Пикетт. – Хочу задать вам гипотетический вопрос.

– Это мой любимый вид вопросов.

– Как вам известно, вы сейчас отстранены от дела. Но гипотетически: если бы я оставил вас, то каким стал бы ваш следующий шаг?

Пендергаст сделал вид, что обдумывает ответ.

– Я бы занялся списком клиентов мисс Карпентер. Она, кажется, была компаньонкой-фрилансером самого предприимчивого калибра. Уверен, что такая умная женщина за свою карьеру узнала немало самых разных тайн.

– Полиция Майами уже занимается этим, и вы это знаете.

Короткая пауза.

– Тогда я стал бы искать общее между тремя убитыми женщинами. Все они были убиты поздно вечером в районах с интенсивным движением на дорогах. Почему убийца шел на такой риск? То, с каким тщанием совершались убийства, и методический характер могильных даров выводит убийцу далеко за рамки нормального распределения. Это представляется плодородной почвой для – как это называется? – для сцепления.

Пикетт нетерпеливо заерзал:

– Черт побери, Пендергаст! Перестаньте обращаться со мной как с идиотом, я вовсе не идиот. Это все очевидные направления расследования. Я не хочу выслушивать всякую фигню. Я хочу узнать, чем в первую очередь занялись бы *вы*, будь у вас такая возможность.

На этот раз пауза длилась гораздо дольше. Наконец Пендергаст снял темные очки и сунул их в карман пиджака. Теперь бассейн отражался в его бледных глазах.

– Хорошо, – сказал он. – Я с самого начала был убежден, что между старыми суицидами и новыми убийствами имеется существенная связь, помимо очевидного подношения даров. Убийца, несмотря на его молодость, возможно, имел отношение к тем случаям самоубийства, по меньшей мере одно из которых, как мы теперь знаем, оказалось убийством. По этим причинам я бы направил главные усилия на расследование тех предыдущих убийств. Вот так вы скорее всего сможете найти убийцу или убийц.

Пикетт нахмурился:

– Но старые убийства вроде бы не имеют ничего общего, если не считать того, что все жертвы жили в Майами.

– Я повторяю: Элиза Бакстер не убивала себя. Ее убили. Теперь следует провести более внимательное расследование двух других предполагаемых самоубийств.

Пикетт раздраженно вздохнул:

– Это если исходить из предположения, что помощница патологоанатома права. Не забывайте, что старший патологоанатом участвовал в аутопсии лишь на самом начальном этапе.

– У меня есть все основания полагать, что она права. Более того, я подозреваю, что Флейли и Адлер тоже были убиты.

– Флейли эксгумировали, и тело обследовали по вашему требованию, и помощница старшего патологоанатома, с чьим мнением вы, похоже, считаетесь, назвала ее смерть самоубийством!

– Я осознаю это. Получение данных по аутопсии Мэри Адлер задерживается, но, когда они будут присланы, в них могут обнаружиться сведения, подкрепляющие мою версию. Однако мы здесь не для того, чтобы обмениваться колкостями: вы спросили у меня, каким стал бы мой следующий шаг, и я ответил. – Пендергаст сделал еще глоток кофе. – Хватит гипотетических вопросов. Тем более что все эти рассуждения бесплодны, поскольку я уже на пути в Штат пчелиного улья[36]. А теперь, если вы не возражаете, я бы хотел ознакомиться с приказом о моем переводе.

Наверное, целую минуту Пикетт сидел совершенно неподвижно. Потом медленно вытащил из кармана пиджака конверт. Пендергаст протянул руку.

Пикетт взял конверт двумя руками и разорвал пополам, а половинки сунул в карман.

– Я даю вам разрешение продолжать следствие в обозначенных вами направлениях, – сказал он.

Единственной реакцией Пендергаста была немного приподнятая бровь. Он откинулся на спинку шезлонга и убрал протянутую руку.

– А теперь я хочу, чтобы вы выслушали меня очень внимательно, специальный агент Пендергаст, – сказал Пикетт, сжав руки. – Я добился

своего нынешнего положения, потому что верю в систему и ее правила. Еще я неплохо понимаю психологию мотиваций и вознаграждения. Но я не настолько ослеплен собственным эго, чтобы считать, будто мне не стоит учиться чему-нибудь. Вы по природе бунтарь, и вам нравится быть бунтарем. Ваш метод следствия нарушает почти все принципы, которые я считаю верными, кроме одного – арифметического. Вы получаете результаты. Как в случае с аутопсией Бакстер, когда все считали, что это тупиковый путь.

Вместо ответа Пендергаст просто допил кофе.

– Но получение результатов не меняет того факта, что ваши методы необычны. При использовании нетрадиционных методов нет страховки от неудачи. Я хочу сказать, те из нас, кто следует правилам, чувствуют себя в безопасности, даже если в чем-то напортачат. Но в случае нарушения правил масштаб неудачи возрастает. И вот как теперь будут развиваться события. Вы и Колдмун останетесь здесь и доведете расследование до конца так, как вы считаете нужным. Естественно, я хочу, чтобы вы информировали меня о важных продвижениях. Если вам понадобится помощь, дайте мне знать. Во всем остальном я не хочу слышать о ваших нарушениях правил. Держите ход следствия в тайне и получайте результаты. Я даю вам свободу действия в обмен на одно: если это дело с громким треском провалится из-за ваших методов, вы получите по полной программе. Но не Колдмун. И не я. И тогда уж совершенно точно – никакого нью-йоркского офиса. Не заблуждайтесь на этот счет, я сдам вас со всеми потрохами. – Он сделал паузу. – Договорились?

Пендергаст коротко кивнул.

– И еще одно, – продолжил Пикетт. – Никакого одинокого рейнджерства. Дело крупное, расползающееся, и вам понадобится поддержка. Вы знакомы с коммандером Гроувом. Он обеспечит вам всестороннюю помощь от полиции Майами. Этот полицейский департамент имеет наилучшие в стране ресурсы. Они могут добыть для вас все необходимые данные, они могут бросить сотню полицейских на выполнение любой задачи, которую вы захотите решить, они могут вести наблюдение, могут допросить хоть целый квартал, если нужно. Вам не обязательно держать Гроува в курсе всего, но скажите ему, что вам нужно, и он все сделает.

– Он представляется мне довольно компетентным человеком, – заметил Пендергаст.

– У него чертовски хорошая репутация. И не недооценивайте его из-за административной должности, которую он занимает, – в свое время он

достаточно поработал на земле. – Последовала пауза. – Между нами все ясно, агент Пендергаст?

– Абсолютно все, сэр.

– Просто помните: если дела пойдут наперекосяк, вся ответственность ляжет на вас, и только на вас.

– Именно так я всегда и предпочитаю работать, – сказал Пендергаст.

Пикетт протянул руку, и Пендергаст коротко пожал ее. Затем Пикетт поднялся, повернулся и, обойдя бассейн по периметру, исчез в темноте бара на крыше.

29

В четыре часа утра Шарлотта Фоше лежала в кровати, глядя на потолок, залитый красным светом от ее цифрового будильника. В два часа ее разбудил кошмар: она производила вскрытие трупа и скальпель все соскальзывал и соскальзывал в сторону, пока наконец труп не сел и не выбранил ее за бестолковость. С тех пор она лежала без сна, беспокойно размышляя об аутопсии Флейли.

Это не было похоже на нее – ночные кошмары, беспокойство. Благодаря Моберли, этому мешку с дерьмом, она нарастила себе слоновью шкуру. То, что сделал с этим типом агент Пендергаст, казавшийся таким приятным, было ужасно… но справедливо в каком-то извращенном смысле. Пендергаст был кем-то вроде ангела мести, который может стать верным другом – или неумолимым врагом.

Ее мысли вернулись к кошмарному сну. Безусловно, аутопсия Бакстер поколебала ее уверенность. Она подтвердила, что это было убийство. Но не ошиблась ли она? А что касается аутопсии Флейли, достаточно ли скрупулезно она исследовала подъязычную кость? Вспоминая тот момент – появление Моберли, то, как он оттолкнул ее в сторону, то, как искромсал шею трупа, – она поняла, что была выбита из колеи и, вероятно, утратила сосредоточенность. Заканчивая осмотр подъязычной кости, она пребывала в возбужденном состоянии и не уделила этому объекту должного внимания. Могла упустить что-то.

В половине пятого, поняв, что больше уже не заснет, Фоше встала, приняла душ, выпила кружку кофе, села в машину и направилась в морг. Ночь все еще оставалась нежной – именно такие моменты были одной из причин, почему она была в состоянии выносить Майами, несмотря на его блеск, трафик, толпы и преступность.

В морге было тихо и темно, и когда Фоше включила свет, она на миг ослепла. Без промедления вытащив тело из ячейки, она прикатила его в секционную. Прокрутила в уме перечень последовательных действий судмедэксперта. Удостоверившись, что все готово, она включила систему видео- и аудиозаписи, объясняя вслух, что она собирается делать и почему.

Она подкатила большой стереоскопический микроскоп и принялась заново исследовать подъязычную кость. Тело кости, срединная ее часть, явно была сломана (Фоше отметила это в своей первой аутопсии), то ли из-за дергания Флейли в петле, то ли вследствие ее короткого падения с моста. В этом не было ничего необычного. Теперь она обратила внимание на рога подъязычной кости. Эта кость была одной из самых необычных костей во всем человеческом теле, поскольку она никак не сочленялась с другими; по сути, она плавала между мышцами и связками, обеспечивая крепление для языка, мягкого нёба, надгортанника и глотки. Подъязычная кость имела форму подковы с большим и малым рогами с обеих сторон. В случае Бакстер рога были симметрично сломаны путем сдавливания пальцами, причем с правой стороны больше, чем с левой, из чего Фоше сделала вывод, что убийца-правша схватил жертву за шею обеими руками и сдавил, при этом большой палец правой руки нажимал сильнее. Но в случае Флейли сдавливание (если допустить, что оно имело место) оказалось слишком слабым, чтобы вызвать перелом кости. Что на самом деле стоило бы сделать, так это МРТ, но для этого потребовалась бы куча бумажной работы, не говоря уже о массе вопросов.

Фоше усилила увеличение и начала с правого рога, осторожно удаляя крохотные частички ткани. Она видела, где оставил канавки небрежный надрез, сделанный Моберли. Осторожно, отскребывая и зачищая плоть, она добралась до кончика большого рога, потом двинулась назад – к малому. Процесс был мучительный, но, дойдя до основания рога, она ничего не нашла. Убийца должен был надломить эту кость. Стоит ли проделывать ту же операцию с левым рогом?

Она вздохнула и приступила к расчистке. Она не смогла бы успокоиться, если бы не сделала все, что в ее силах.

Очистив левый рог на две трети, Фоше остановилась. Кажется, что-то есть? Она усилила увеличение еще на один шаг и тогда разглядела маленькую трещинку на внутренней части кости. Это был надлом, при котором кость скорее согнулась, чем треснула, но в данном случае силы нажатия хватило, чтобы вызвать слабый усталостный перелом вдоль длины кости, а не поперек. Повреждение было едва заметным, почти невидимым – таким крошечным, что обычная цифровая камера не

смогла бы его зафиксировать. Но МРТ должна отчетливо выявить повреждение.

Она выдохнула. Специальный агент Пендергаст был прав с самого начала. Он просил ее уделить особое внимание подъязычной кости, и она сделала это, но ничего не нашла. Если бы не Моберли, то она рано или поздно заметила бы этот перелом. Но Моберли оттолкнул ее, и ее внимание рассеялось… Она покачала головой. Нет, нельзя винить Моберли: может, он и говнюк, но в том, что она не увидела перелома, только ее вина, и ничья другая. Вся кровь прихлынула к ее лицу при мысли о том, как она подвела агента Пендергаста.

Она выпрямилась, отругала себя за самобичевание и вернулась к работе. Она человек науки, и эмоции тут не должны играть ни малейшей роли. Фоше закончила расчистку и обнажение левого рога. Описав все сделанное и увиденное на камеру, она осторожно закрепила и защитила обнаженную кость ватой и покрытием, после чего уложила труп на каталку и отвезла в охлаждающую ячейку. Потом села за стол, чтобы заполнить бланки на МРТ.

Странно, что это убийство не было исполнено так же чисто, как убийство Бакстер. Сдавливание было слабее, и оно не убило жертву, та лишь частично потеряла сознание. На самом деле она была еще жива, когда оказалась в петле на мосту, и свидетель видел, как она дергалась некоторое время, прежде чем умереть. Странно также, что на сей раз был сломан левый рог, а не правый. Возможно, убийца одинаково хорошо владел обеими руками.

В любом случае это была очень важная информация. Фоше посмотрела на часы: семь часов. Пендергаст уже должен проснуться; судя по его виду, он ранняя пташка. Она открыла ящик и порылась в ворохе визиток, которые накопила за свою работу. Найдя карточку Пендергаста, она достала свой сотовый, чтобы позвонить ему, признаться в своей ошибке и сообщить о новом открытии.

30

Смитбек выпил третью чашку эспрессо, взял две плитки гранолы, чтобы съесть по пути вместе с цетиризином от этой чертовой аллергии, и спустился в гараж. Он завел «субару», включил кондиционер, после чего вытащил телефон, набрал адрес Броннера и сунул телефон в держатель на приборной панели. Выехав на улицу, он двинулся по маршруту, следуя указаниям Сири[37].

Он решил не звонить Броннеру перед приездом. По телефону этому типу будет легче от него отделаться, и тогда у него почти не останется

вариантов. Лучше уж приехать, надавить на обаяние и языком проложить дорогу в дом. Смитбек попытался представить, как бы с этим справился Билл. Ему и надо-то всего получить ответы на несколько важных вопросов – это не займет больше десяти минут. Он надеялся, что Броннер еще не обзавелся старческой деменцией. У него, наверно, было немало пациентов, и вспомнить Флейли и Бакстер одиннадцать лет спустя будет нелегко. Интересно, видел ли старик их имена в газетах?

Смитбек почувствовал, что храбрость покидает его, и напомнил себе, что разматывает ниточку, про которую не знает никто.

Утренний час пик в Майами, как всегда, был жестоким, но как только Смитбек выехал на 826-е шоссе, машин на дороге стало меньше. Он из опыта знал, что нужно как можно дольше избегать 1-й магистрали с ее туристами, а вместо этого ехать по платной Рейган-Тернпайк. В конечном счете он съехал на 1-ю магистраль во Флорида-Сити и, потратив еще полчаса, через Сазерн-Глейдс выехал на прекрасную насыпную дорогу, которая вела в Ки-Ларго. Название места его назначения звучало как типичный «красивый» адрес этого района: Платановая аллея, где, несомненно, у каждого вылизанного дома имелась своя безукоризненная пристань. Но, добравшись до места, Смитбек обнаружил, что шикарным его никак не назовешь: задрипанный квартал застройки середины прошлого века, убогие дома, трейлеры, катера с центральной консолью, украшенные объявлениями «Продается».

Странное место для обитания психиатра, в особенности такого, который и по сей день, возможно, получает доходы от своей прежней клиники.

Дом располагался в конце Платановой аллеи, прямо на канале, и он оказался еще одним сюрпризом: это было большое обветшалое сооружение, с обваливающейся со стен штукатуркой, с кровлей из терракотовой плитки, все еще перекошенной после прошлого урагана. Вокруг дома – буйство тропической растительности, судя по всему много лет не знавшей садовых ножниц. Дом серийного убийцы? Или просто чокнутого?

К дому вела подъездная дорожка, перекрытая белыми коваными воротами с потеками оранжевой ржавчины. Смитбек припарковал машину у ворот, вышел и поискал взглядом интерком или звонок, но ничего не нашел. Ворота были заперты.

Что же это за дом с воротами, у которого нет ни интеркома, ни звонка? Через решетку Смитбек с трудом разглядел на дорожке пикап бирюзового цвета, скрытый за бамбуковыми зарослями. В доме кто-то наверняка есть.

На улице было пусто. Смитбек оглядел ограду – ничего особенного. Он ухватился за решетку, вскарабкался, перекинул тело на другую сторону, спрыгнул и легко приземлился. Напустив на себя столько уверенности, сколько позволяли его актерские способности, он двинулся по дорожке и прошел мимо пикапа к двери. Больше одной попытки у него не будет, так что нужно приложить максимум усилий.

Он нажал кнопку звонка. И после долгой паузы услышал шарканье тапочек по каменному полу – кто-то медленно шел к двери. Еще через несколько секунд дверь открылась.

Смитбек предполагал, что увидит сутулого, хрупкого седоволосого человека в очках в роговой оправе. Он не мог быть дальше от истины. Удалившийся на покой психиатр был крупным, сильным мужчиной, и вовсе не таким уж старым – лет шестидесяти пяти, наверное. У него была массивная, как у хряка, челюсть и волосатые руки с набухшими венами. Броннер смотрел на визитера, и у Смитбека возникло неприятное ощущение, что с этим человеком что-то не так.

– Доктор Броннер? – спросил он.

– Как вы сюда попали?

– Э-э… перебрался через забор.

При этих словах ширококостное лицо Броннера потемнело, но он ничего не сказал.

– Я брат вашей пациентки, которая лечилась у вас много лет назад и, к несчастью, покончила с собой. Конечно, вашей вины в этом нет, – поспешил добавить Смитбек.

– Кто?

– Женщина по имени Агата Флейли.

Долгая пауза. Смит почувствовал смутную тревогу. Через открытую дверь он видел пустую, заброшенную комнату.

– Послушайте, если сейчас неподходящее время… – пробормотал он, подаваясь назад. – Я говорю, может, вы заняты…

– Входите, – сказал Броннер и, отойдя в сторону, открыл дверь пошире.

Смитбек опасливо вошел в дом. Здесь было так же безрадостно, как в тюрьме, но, по крайней мере, из окон открывался вид на океан за полосой платанов.

– Прямо на берегу, – отметил Смитбек. – Отлично.

– Садитесь.

Смитбек сел на ветхий диван.

– Я помню Агату, – медленно проговорил Броннер, садясь напротив Смитбека и не сводя с него глаз. – Она приходила ко мне… когда? Тринадцать-четырнадцать лет назад.

– Кстати, вы не помните точные даты?

Отсутствующий взгляд.

– Да. Не точные, но она была моей пациенткой в течение двух лет. В две тысячи пятом и две тысячи шестом году, кажется. Историй болезни здесь у меня, конечно, нет, они все в клинике. Доступ к ним закрыт, если, конечно, у вас нет ордера от Агентства по страхованию здоровья.

– Ордера у меня нет. Я не ищу информацию такого рода, просто надеюсь понять, почему она сделала это. Я хочу сказать, ее самоубийство удивило всю нашу семью.

Немигающий взгляд.

– Забавно, она никогда не говорила мне ни о какой семье.

Черт, у этого старикашки мозг как мышеловка.

– У нее были я и мой единоутробный брат. Я имею в виду эту семью. – Смитбек сглотнул, пытаясь изображать озабоченность, но в то же время и надежду.

– Ее самоубийство удивило и меня. Она явно не соответствовала психотипу самоубийцы. Впрочем, тут никогда нельзя быть уверенным.

– Меня с братом заинтересовал и еще один вопрос – о ее хорошей подружке, которая тоже лечилась у вас. Элиза Бакстер.

Неторопливый кивок.

– Еще один случай самоубийства.

– У вас хорошая память.

– Психотерапевт никогда не забывает своих пациентов-самоубийц.

Долгий, внимательный, неприятный взгляд.

Смитбек откашлялся.

– Когда вы принимали Бакстер в качестве пациентки?

– Несколько раз. В конце две тысячи четвертого – начале две тысячи пятого, что-то такое.

– Можно спросить, почему она к вам ходила? Мне любопытно, что у нее могло быть общего с моей сестрой.

– У нее была проблемная мать. Одна из тех родительниц, которые постоянно ругают свое чадо. Но ей не нужен был психиатр по этой причине. Ей требовался психотерапевт, и я дал ей рекомендацию. Не думаю, что она воспользовалась моим советом.

– У них был еще один общий друг. Женщина по имени Мэри Адлер. А с ней вы, случайно, не встречались?

Долгое молчание. Наконец Броннер ответил:

– Нет.

– Вы уверены? Мэри С. Адлер из Хайалиа?

Внезапно Броннер уставился на него пристальным жестким взглядом:

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Смитбек. Роджер Смитбек.

– Смитбек. Не Флейли. Агата никогда не была замужем.

Смитбек проглотил слюну. Проклятье!

– Ладно, Смитбек, в какую игру вы играете?

– Ни в какую игру я не играю. Я всего лишь скорбящий брат…

– Прекратите эту брехню. Я умею читать газеты. Мэри Адлер, Агата Флейли, Элиза Бакстер. Могилы Брокенхартса.

Смитбек снова сглотнул. В горле у него пересохло.

– Вы репортер, верно?

Провал. И что дальше?

– Верно. Вы – репортер, и вы пришли ко мне *под вымышленным предлогом*! – неожиданно взревел Броннер и, вцепившись корявыми руками в подлокотники кресла, поднялся, нависнув над Смитбеком.

– Э-э… да. Так оно и есть. – Смитбек не мог продолжать лгать дальше. – Я репортер «Геральд», и я хочу знать, почему Флейли и Бакстер обе были вашими пациентками, а теперь, через одиннадцать лет после смерти, их выбрал Брокенхартс. Совпадение?

Броннер надвинулся на него, сжав кулаки, и Смитбек мигом потерял присутствие духа и вынужден был отступить.

– Чего вы хотите добиться этими измышлениями? Вы думаете, я как-то связан с этим делом?

– Это никакие не измышления. Я пришел сюда в поисках правды.

– Вы хотите уничтожить мою практику, сукин вы сын!

– При чем тут ваша практика? Я хочу опубликовать информацию о том, что две жертвы были вашими пациентками, потому что она имеет общественный интерес. – Смитбек изо всех сил пытался сохранить мужество и достоинство, но его выдавал страх, сквозивший в голосе. – Я хочу получить ваши комментарии по этому факту, доктор. Это совпадение или что-то еще?

– Вот тебе мой комментарий, маленький говнюк!

Броннер сжал руку в массивный кулак и сделал шаг вперед. Хотя он и был на тридцать лет старше журналиста, его фигура выглядела устрашающе, а Смитбеку, трусу от рождения, которому всегда удавалось сглаживать чреватые неприятностями ситуации, пришлось отступать.

– Да погодите же! Подумайте, что вы делаете и как вы будете выглядеть…

Броннер с ревом бросился вперед. Смитбек увернулся от тяжелого удара и припустил к двери, преследуемый доктором. Он понесся к забору, Броннер не отставал. Смитбек забрался на забор, но тут Броннер схватил его за ногу. Смитбек дрыгнул ногой, потеряв туфлю, и перевалился на другую сторону забора. С одной босой ногой он помчался к машине, запрыгнул на сиденье, завел двигатель и рванул с места, выбросив из-под колес фонтаны песка. Последнее, что он увидел, был Броннер, с почерневшим от ярости лицом сотрясавший ворота.

«Ты, ублюдок, – подумал Смитбек, – не рассчитывай, что тебе сойдет с рук запугивание прессы». Он потерял одну туфлю («Ванз классик», по

шестьдесят долларов за пару), и шансы, что Броннер вернет ее, равнялись нулю.

Он посмотрел на часы на приборной панели. Десять тридцать – времени достаточно, чтобы написать статью.

– Эй, Сири, – сказал он, – найди-ка мне доктора Петерсона Броннера. – И, немного подумав, добавил: – Криминальное прошлое.

– Вот что я нашла в Сети, – ответил раздражающе приятный голос.

Первый снимок, появившийся на экране его смартфона, оказался полицейским снимком доктора: тот стоял у шлакобетонной стены, прижимая к груди табличку со своим именем.

31

Управление полиции Майами располагалось в большом приземистом здании, которое своими окнами из тонированного стекла, наклоненными вверх и наружу в консольном стиле, напомнило Колдмуну диспетчерскую башню в аэропорту. Здание находилось на Северо-Западной Второй авеню, рядом с небоскребами в центре города и неподалеку от городского кладбища; Колдмун даже узнал несколько ориентиров, оставшихся в памяти после незабываемого броска к склепу Агаты Флейли.

И запомнилось ему не только это. Когда Пендергаст подобрал его возле отеля, Колдмун обнаружил своего напарника в помятом желтом такси, запах в котором, не говоря уже о водителе, был ему слишком хорошо знаком. Похоже, Пендергаст отыскал Акселя и нанял его в качестве временного шофера.

– Он знает город, – объяснил Пендергаст, когда они понеслись на запад по виадуку Макартур. – И к тому же наслаждается новообретенной свободой ехать без обычных ограничений. Я восхищаюсь людьми, которые гордятся своей работой.

Колдмун не возражал: ему осточертело возить их по Майами, учитывая несуразный трафик этого города.

Такси пронеслось по городу с жуткой скоростью и остановилось у входа в управление, проскрежетав тормозами, явно требующими ремонта. Толпа репортеров, журналистов и телевизионщиков у двойных главных дверей здания повернулась на звук, и Пендергаст вышел из машины в сопровождении Колдмуна. Аксель – Колдмун так и не узнал его фамилию – не выказал ни малейшего желания уезжать, вместо этого он

положил на приборную панель небольшой черный бумажник с золотым жетоном.

– Что вы ему дали? – спросил Колдмун.

– Всего лишь побрякушку, – последовал ответ.

Почуяв свежее мясо, толпа репортеров хлынула им навстречу. Агенты стали пробиваться к дверям, не встречаясь ни с кем глазами и игнорируя выкрикиваемые вопросы. Одна тележурналистка – молодая, коротко стриженная блондинка с широкими скулами и в дорогой одежде – встала на пути у Колдмуна и не позволяла ему обойти себя, каждый раз делая шаг в ту же сторону, что и он. Он видел ее мельком, переключаясь с канала на канал в номере гостиницы: репортер-расследователь местной телевизионной станции, как-то там Флеминг – имя он не вспомнил. Очень привлекательная, но глаза яркие, как у гремучей змеи.

– Извините меня, сэр! – прокричала женщина, пихая ему в лицо микрофон с яркой шестеркой на чехле. – Сэр! Что вы можете сказать о последней жертве? Вы можете подтвердить, что в городе действует серийный убийца?

Колдмун снял шляпу.

– H'ahíya wóglaka ye. Owákahnige šni, – проговорил он и с максимальной тактичностью обошел ее.

– Что вы ей сказали? – спросил Пендергаст, когда они вошли в здание.

– Миз Флеминг? Я сказал, что не понимаю ее вопроса и не могла бы она говорить медленнее.

Пендергаст неодобрительно прищелкнул языком:

– Ложь есть ложь, даже по-лакотски.

– В резервации старейшины говорят: хуже лжеца только лицемер.

– Моя бабушка, каджунка[38] из Нового Орлеана, любила эту же самую древнюю пословицу.

Пендергаст подошел к большому столу, за которым сидел полицейский в форме, и что-то сказал ему. Коп показал на лифтовый холл. Они предъявили свои удостоверения, зарегистрировались, миновали металлодетектор и направились к лифтам.

– Мы идем в так называемый оперативный центр, – сообщил Пендергаст. – Там полиция держит свои электронные игрушки. С их помощью они получают доступ почти ко всей имеющейся последней информации в реальном времени, а также к медицинским и криминологическим базам данных. Я готовлю наш собственный небольшой центр в менее подозрительном месте, но для начальной консультации этот офис тоже сгодится. Этот связной, коммандер Гроув, обещал встретить нас там вместе с лейтенантом Сандовалом.

– Вы и вправду считаете, что Пикетт сдержит обещание и позволит нам работать, а сам не будет вмешиваться?

– Нас ведь не отправили в Солт-Лейк-Сити, верно?

Они вышли из лифта и двинулись по загроможденному коридору. Колдмун посмотрел на часы: ровно 15:00.

Оперативный центр соответствовал своему названию: он щетинился множеством компьютеров и громадной глянцевой информационной доской на роликах. Колдмун огляделся. Несколько флуоресцентных ламп за матовыми потолочными панелями перегорели, одна из ламп мигала. На столе в дальнем углу среди груды бумажных стаканчиков и упаковок порошкового молока стояла замызганная подтекающая кофеварка. Судя по виду наполовину полной кастрюльки, она кипела всего несколько часов. Слишком свежий кофе. Несмотря на высокотехнологичное оборудование, это помещение казалось гораздо более знакомым, чем современное здание ФБР в Мирамаре, где доктор Марс представлял им психологический портрет преступника. Это было обжитое помещение, где делалась настоящая работа; помещение с обшарпанными стенами и скворчащей системой кондиционирования воздуха. Окна так и вообще отсутствовали. Колдмун расслабился.

В центре комнаты стоял прямоугольный стол, у одного его конца сидели Сандовал и коммандер Гроув. Лицо Сандовала выражало деланое равнодушие, а вот коммандер не мог полностью скрыть интерес и даже нетерпение. А почему бы и нет – расследование было захватывающим, по таким книги пишут.

– Джентльмены, – сказал Пендергаст, поприветствовав каждого кивком. – Благодаря работе доктора Фоше мы знаем, что Флейли умерла вследствие того же удушения руками, что и Бакстер. Короче говоря, мы имеем дело с убийствами, замаскированными под самоубийства. – Он обратился к Сандовалу: – Для нас есть что-нибудь новое, лейтенант?

Сандовал погладил воображаемые усы, его апатичное лицо скривилось.

– Этот чертов охотник за новостями, Смитбек, способен кого угодно вывести из себя. Сначала он откуда-то узнает прозвище Брокенхартс, а прямо сегодня утром выясняет, что Бакстер и Флейли лечились у одного психиатра.

Он взял свой смартфон и начал читать вслух статью, появившуюся в Интернете:

– «Хотя полиция отказалась опубликовать тексты записок, оставленных на могилах, эти мрачные „дары“ сами по себе указывают на ущербного человека, который, как это ни удивительно, может и не соответствовать шаблону классического психопата, обычно воспринимаемого общественным мнением как существо без жалости или нормальных человеческих чувств сострадания и эмпатии. Возникает вопрос: что эти „дары“ значат для дарящего? Утрату? Сочувствие? Раскаяние? Если бы власти посвятили больше времени изучению психологии мистера Брокенхартса и задались вопросом, какой жуткий опыт мог создать личность с подобным искаженным взглядом на мир, то они, возможно, нашли бы его и на этом убийства закончились бы».

Он с отвращением положил телефон на стол.

– Мы должны были сами найти психиатра, а не узнавать о нем из этой чертовой газеты. Точно так же мы должны были внимательнее отнестись к возможной связи между старыми самоубийствами и новыми убийствами. Это наша вина.

– По крайней мере, этот репортер не знает, что «старые самоубийства» вовсе не самоубийства, – сказал Колдмун.

Сандовал кивнул. Потом он нажал на пульт на столе, и большой черный прямоугольник в дальнем конце помещения ожил. Колдмун понял, что это не школьная доска, а монитор сверхвысокого разрешения. Экран разделился на три окна, в которых появились снимки крупным планом: Бакстер, Флейли и Адлер.

– Мне представляется странным, – заговорил Пендергаст, – что хотя все три женщины, предположительно покончившие с собой, жили в Большом Майами, но убили их за сотни миль друг от друга. В то же время недавние убийства Брокенхартса все произошли в Майами-Бич.

– Вы думаете, это важно? – спросил Сандовал.

– Понятия не имею.

Сандовал повернулся к Гроуву:

– Есть что-нибудь по аутопсии Адлер, коммандер?

– Мы наконец преуспели кое в чем, – сказал Гроув. – Наша команда обнаружила заключение и фотографии, сделанные в морге. Я получу их в течение часа. Она явно была почитательницей группы кантри «Толстые пальметто[39]» и отправилась в Северную Каролину из Хайалиа на концерт, который так и не состоялся, потому что ведущий гитарист вывихнул большой палец.

– «Толстые пальметто», – повторил Колдмун.

– Они распались несколько лет назад.

– Мы все равно их проверим, – сказал Сандовал. – Тем временем наша команда здесь, в Майами-Бич, опрашивает членов ее семьи, бывших коллег, всех остальных. Пока ничего существенного.

– Есть какие-либо новости о Мисти Карпентер и ее необычном бизнесе? – спросил Колдмун.

– Мы расшифровали список ее клиентов, – ответил Сандовал, – и начали опрашивать их. Но опять же все указывает на то, что она оказалась случайной жертвой.

– Мм… – промычал Пендергаст. Он посмотрел в сторону, прищурился. Потом снова перевел взгляд на Сандовала. – Огромное спасибо, лейтенант. Это было чрезвычайно полезно.

– Отлично, – откликнулся Сандовал, собирая свои бумаги.

Никаких вопросов, никакой критики, ничего – чистое сотрудничество. Колдмун не мог не признать, что Пикетт держит слово.

– Коммандер Гроув, – сказал Пендергаст, – теперь, когда у нас есть более четкое представление о том, что мы ищем, я надеюсь, что исследовательский отдел и отдел внешних связей полиции Майами – насколько я понимаю, они находятся в вашем подчинении – раскинут для нас сеть. А конкретнее – необходимо выявить случаи смерти, признанные самоубийством, которые по modus operandi схожи со смертями Бакстер, Флейли и Адлер. Да, мы пока не получили подтверждения по Адлер, но, я думаю, имеет смысл поискать новые самоубийства, за которыми могут скрываться убийства, не так ли?

– Конечно. Прекрасная идея. – Гроув начал делать заметки в маленьком блокноте в кожаном переплете.

– Сеть будет достаточно широкой, и, боюсь, вашим людям придется поработать. Искать нужно самоубийства, соответствующие следующим характеристикам: женщина, возраст от двадцати до сорока, жительница Большого Майами, но умершая в другом штате, повесившаяся на связанной в петлю простыне и не оставившая записки. Если в аутопсии таких самоубийств есть вывод об убийстве или даже подозрения на убийство, включайте и их. Чтобы облегчить условия поиска, на первых порах можно ограничить его штатами восточнее Миссисипи.

– Хорошо, – сказал Гроув, продолжая записывать. – А временной интервал?

– Январь две тысячи шестого – январь две тысячи восьмого.

Колдмун посмотрел на Пендергаста. При таком разбросе параметров можно получить список длиной в телефонную книгу. Слава богу, у них есть Гроув с его возможностью управлять ресурсами по сбору информации, имеющимися в распоряжении полиции Майами.

Гроув встал:

– Если у вас все, джентльмены, я немедленно приступлю к работе.

– Мы перед вами в долгу за помощь, коммандер, – сказал Пендергаст.

– Не стоит. Может быть, в следующий раз, когда я приеду в Нью-Йорк, вы устроите мне экскурсию по дому двадцать шесть на Федерал-плаза.

– С удовольствием.

Гроув вышел из оперативного центра вслед за лейтенантом Сандовалом и двинулся по коридору. А Пендергаст вернулся к своим делам.

32

Едва Смитбек появился в отделе городских новостей и уселся в своем отсеке, как рядом с ним возник секретарь Морис с ящиком для почты.

– Тут тебе целая куча писем, – сказал он.

– А не может кто-нибудь открыть их и посмотреть, что там? Мне надо продолжать расследование.

– Мы их открыли. Шесть предположительно от самого мистера Брокенхартса. Мистер Краски взял их к себе в кабинет и хочет немедленно тебя видеть.

Застонав, Смитбек встал и направился через лабиринт отсеков в кабинет редактора. Краски был крупным человеком в пропотевшей рубашке с галстуком, без пиджака, со стрижкой ежиком, вышедшей из моды еще в 1955 году. Судя по его виду, он прилежно проштудировал книгу о том, как быть крутым газетным издателем-сквернословом. Единственное, чего ему не хватало, так это сигареты, прилипшей к губе. Под этой маской он был, конечно, милейшим парнем в мире – настоящее клише из фильма «Первая полоса»[40].

– Где ты был, черт тебя дери? – проворчал Краски вместо приветствия.

– Эй, босс, сейчас половина десятого. И вчера я раскопал настоящую сенсацию, эту историю про психиатра. В смысле, две женщины из покончивших с собой посещали его! И этот ублюдок попытался напасть на меня, когда я спросил его об этом. Я провел кое-какие разыскания и обнаружил, что пять лет назад этот тип избил свою жену во время бракоразводного процесса – ему явно пора прослушать курс по обузданию ярости. Поэтому его и лишили практики. Я говорю вам: он выглядит как серийный убийца.

– Может быть. – Краски махнул рукой. – Тогда как ты объяснишь вот эти письма у меня на столе – шесть штук, адресованных тебе мистером Брокенхартсом?

– Да наверняка фигня это все.

– Ты так думаешь? Посмотри.

Он пододвинул к Смитбеку стопку писем. Пять из них были написаны на дешевой бумаге небрежным почерком, одно так вообще цветным карандашом. Шестое письмо пришло в дорогом конверте кремового цвета.

Смитбек взял одно письмо наугад.

Эй, Смитбек, я – мистер Брокенхартс, и я оторву тебе твои сраные яйца…

Письмо продолжалось в том же духе, с ошибками и грамматическими вывертами. Смитбек взял другое.

Дорогой Роджер Смитбак, меня зовут мистер Брокенхартс у меня две женщины в заложницах на Оушн-Вей-Драйв-Аллмеда ты поторопись приехать а то я их убью…

Это письмо он тоже не стал дочитывать и взял кремовый конверт. Достал из него письмо и развернул. Оно было написано изящным наклонным почерком, каждая буковка аккуратно выписана. Смитбек начал читать, и по спине у него пробежал холодок.

Дорогой Роджер,

Вы, вероятно, понимаете: их смерть взывает к справедливости. А больше всего – ее смерть. Пока она не успокоится, не успокоюсь и я. Именно ради нее я обязан выжить. Вы понимаете? Я должен искупить вину. Если Вы не в силах помочь мне в этом, мне придется продолжать самому – и хорошо это не кончится.

Искренне Ваш,

мистер Брокенхартс.

– О господи. – Он посмотрел на Краски. – Это письмо… кажется, оно настоящее.

– Я тоже так подумал.

– Мы должны показать его полиции, да?

– Конечно, конечно. Загвоздка в том, что мы на самом деле не знаем, Брокенхартс ли это. Ведь тут еще пять писем, и это только сегодняшняя почта. Ко всему прочему еще и твой мозгоправ. – Краски ткнул пальцем в конверт. – Это твоя история. Садись за работу. Как только выйдет твоя статья – скажем, через два часа? – тогда и передадим все шесть писем полиции.

Смитбек взял письмо и конверт:

– Ладно.

– Добудь образчик почерка этого психиатра. Может, нам удастся определить, он это или не он. Но нужно тщательно проверить факты,

чтобы никакого говна в твоей статье, так что ты поосторожнее. Только по источникам, только проверяемое. У тебя есть склонность к излишней самоуверенности. Вот этого не надо.

– Да, сэр.

– Давай пошевеливайся.

Смитбек отнес кремовый конверт на свой стол, ногой отодвинул ящик с другими письмами и приступил к работе. Первым делом он еще раз прочел письмо, и его поразила фраза, выделявшаяся из остальных. «Именно ради нее я обязан выжить». Он погуглил и обнаружил, что это слегка измененная цитата из романа «Искупление» британского романиста Иэна Макьюэна. Занятно. Ох как занятно. Нужно об этом упомянуть.

Письмо Брокенхартса, обращенное лично к нему, Смитбеку. И чокнутый психарь, которого с этим делом связывает не одна ниточка, а две. Специалисты по теории игр считают, что эволюция была прямым следствием успешных результатов. Если так оно и есть, то он быстро эволюционирует в звезду уголовной хроники со специализацией в убийствах.

Его пальцы запорхали по клавишам, набирая текст.

33

Уперев руки в бока и поджав губы, Колдмун оглядел комнату. Он словно вернулся назад во времени, а может, попал в декорации кинофильма «Ки-Ларго»[41] с потолочными вентиляторами, стоящей в углу пальмой в горшке, большими плетеными креслами с округлой спинкой, стенами в декоративных панелях, джутовыми ковриками… и удушающей жарой. В середине громадной комнаты находился витиеватый викторианский стол, окруженный стульями и заваленный документами, папками и фотографиями, – и ни намека на компьютер. На стене с затейливыми выцветшими обоями висели две пробковые доски и несколько больших карт. С трудом верилось, что такое место все еще существует на окраине Маленькой Гаваны. Через окна внутрь проникал отдаленный шум машин, несущихся в час пик по скоростной дороге Долфин. Вентиляторы медленно вращались, шевеля неподвижный воздух; предвечернее солнце проникало через жалюзи на окнах, расчерчивая одну из стен световыми полосами.

Пендергаст, в белом льняном костюме, сидел в одном из плетеных кресел, соединив шалашиком пальцы двух рук. На столе рядом с ним стояла коробка для улик. В другом углу Колдмун увидел водителя такси,

Акселя, который вальяжно развалился в кресле и чистил ногти выкидным ножом.

– Входите, агент Колдмун, и устраивайтесь.

Колдмун вошел.

– Мне повезло найти эту квартиру, – сказал Пендергаст. – Как раз между зданием ФБР на Мирамар и управлением полиции. Очень удобное местоположение, позволяющее значительно сократить время на переезды, если возникнет такая необходимость. Центральное расположение относительно всех наших объектов расследования – и вдали от туристического трафика, который был для нас настоящим бичом.

Колдмун подошел к окну и открыл жалюзи, чтобы вдохнуть свежего воздуха, но вместо этого получил заряд дыма от pollo de la plancha[42].

Он повернулся:

– Слушайте, мы можем включить кондиционер?

– Тут нет кондиционера, – сказал Пендергаст. – Мне очень жаль, но я от него простужаюсь. Мне повезло, что старый и дорогой друг сумел предоставить мне в пользование это историческое место, пусть в нем и нет некоторых удобств.

Колдмун начал закатывать рукава своей джинсовой рубашки:

– Историческое?

– Здесь Джон Хьюстон написал сценарий фильма «Сокровища Сьерра-Мадре». За этим самым столом, если хотите знать.

– Ясно.

Пыльный звонок, висящий под потолком, приглушенно прозвонил один раз, потом второй. Пендергаст посмотрел на водителя:

– Аксель, не могли бы вы впустить их?

Аксель молча сложил нож, поднялся на ноги и поплелся к двери, ведущей на лестницу. Выбор такого шофера показался Колдмуну странным: он приходил и уходил, когда ему вздумается, и, хотя его водительские способности не вызывали сомнений, он казался безразличным к собственной безопасности и безопасности пассажиров, а кроме того, был уж очень неприятной личностью. И тем не менее

Колдмун понимал, почему Пендергаст нанял Акселя: тот прекрасно ориентировался на улицах и ему можно было доверять в той степени, в какой можно доверять человеку, превыше всего ценящему деньги. Он явно не дружил с правоохранительными органами, а значит, шанс, что Пикетт или кто-то другой узнает об их перемещениях от Акселя, равнялся нулю.

Колдмун услышал короткий гул разговоров, шаги вверх по ступенькам, и в дверях появилась доктор Фоше, а за ней – коммандер Гроув. Они огляделись с явным удивлением. Акселя с ними не было, – видимо, он воспользовался возможностью улизнуть, чтобы обделывать свои таинственные делишки.

– Доктор Фоше. Коммандер Гроув. Добро пожаловать. Садитесь, пожалуйста. – Пендергаст указал на кресла у стола. – Хотите что-нибудь выпить? Эвиан? Пеллегрино?

– Что это за место? – спросил Гроув.

– Мое собственное маленькое убежище, – ответил Пендергаст. – Называйте его медитативным приютом.

Садясь за стол, Фоше и Гроув качали головой. Фоше вывалила на стол груду папок так небрежно, будто этот старинный стол был куплен в «ИКЕА»; Гроув же, наоборот, аккуратно расчистил перед собой небольшое место и положил туда портфель.

– Коммандер Гроув, насколько я понимаю, у вас есть для нас новости.

Гроув вытащил свой неизменный блокнот. Колдмуна удивило, как этот человек может хранить столько информации в столь малом предмете. Половина сведений, вероятно, находится у него в голове.

– В последние двадцать четыре часа мне пришлось погонять моих людей. Исследовательская и аналитическая команды провели перекрестную корреляцию базы данных программы ФБР по предотвращению насильственных преступлений и архивов департаментов здравоохранения, а также местных отделений полиции и полиции штата по всему Восточному побережью. И естественно, местные базы данных имеют собственные методы поиска и индексации, я уже не говорю об обычных ошибках каталогизации и ложноположительных результатах, замедляющих работу. – Он махнул рукой, словно отгоняя эти досадные неприятности. – Как бы то ни было, из общего числа в несколько тысяч суицидов мы нашли восемнадцать, которые укладываются в схему: подходящий возраст, время, место, тип удушения, вероятная причина смерти. Я направил отчеты по аутопсии и

полицейские дела доктору Фоше, которая и сообщит вам о том, что ей удалось найти.

После этого восхитительно короткого вступления мяч приняла доктор Фоше:

– Начну вот с чего: на основании фотографий, которые полиция Майами наконец-то выудила из офиса коронера в Роки-Маунт, я смогла подтвердить, что Мэри Адлер была убита тем же способом, что и Элиза Бакстер и Агата Флейли: удушением руками, что в ее случае привело к повреждению правого рога подъязычной кости, левый остался цел. Это явное убийство, хорошо закамуфлированное, но бесспорное. Кроме того, перелом обнаружился и на самом теле подъязычной кости. Скорее всего, это произошло в ходе инсценировки повешения, имевшей место после смерти. Из восемнадцати самоубийств я по разным причинам исключила пятнадцать. Эти самоубийства не вызывают сомнений, а тип повреждений, судя по фотографиям, сделанным в ходе аутопсии, и замечаниям коронера, не соответствует трем нашим жертвам. Шестнадцатый номер я исключила, так как при более внимательном изучении этого случая выяснилось, что балясина, на которой она повесилась, сломалась и это привело к существенным повреждениям верхнечелюстной кости, а также самой шеи.

Фоше сделала паузу.

– А вот два оставшихся случая имеют все признаки нужного нам modus operandi: перелом по меньшей мере одного рога подъязычной кости, причем правый рог поврежден значительно сильнее левого, плюс посмертное повешение на связанной в петлю простыне.

– Вы убеждены, что это убийства, которые наш преступник сумел выдать за суицид? – спросил Пендергаст.

– Я убеждена, что это убийства, закамуфлированные под суицид, – ответила Фоше. – Касательно же того, кто это сделал, тут уже ваша зона ответственности, агент Пендергаст.

Этот находчивый ответ сопровождался улыбкой. Фоше открыла свой портфель, вытащила из него две тонкие папки и подвинула их по столешнице Пендергасту и Колдмуну.

– Лори Уинтерс и Джасмин Ориол, – продолжила она. – Первая обнаружена мертвой в Бетесде, штат Мэриленд, вторая – в Саванне, штат Джорджия, промежуток между их смертями – четыре месяца. Обе незамужние, обе моложе сорока, обе из Большого Майами, предсмертных записок не оставлено. Одна уехала в командировку,

другая была фотографом-фрилансером на задании. И у обеих одинаковые переломы больших рогов подъязычной кости. Обратите внимание, что в случае с Уинтерс перелом имеется только на правом роге, а у Ориол повреждены оба рога. Я обнаружила это по рентгенограммам. В защиту первичных патологоанатомов могу сказать, что внешне шеи жертв имели сильные потертости, хотя и не в такой степени, как у Флейли, а в случае с Ориол был поврежден и хрящевидный материал гортани.

Пока Фоше объясняла, Колдмун рассматривал фотографии: несколько цветных снимков с места самоубийства, несколько крупных планов шеи жертвы до и после вскрытия, рентгенограммы, упомянутые Фоше. Переломы были помечены кружочками, но ему все равно пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть крохотные трещинки. Все было так, как сказала Фоше: при тех обстоятельствах, при которых проводилась аутопсия, нужно было быть параноидальным патологоанатомом, чтобы в буквальном смысле видеть череп под кожей.

– Итак, эти новые обнаруженные жертвы были, скорее всего, убиты праворуким преступником, – сказал Пендергаст. – Как Элиза Бакстер и Мэри Адлер.

– Да. Во всех четырех случаях один или оба рога подъязычной кости были сломаны, причем правый рог неизменно получал бо́льшие повреждения, чем левый.

– Но не в случае с Агатой Флейли. Вы сказали, что во время второго обследования тела обратили внимание на повреждение в виде надлома левого рога, а не правого.

– Верно, – кивнула Фоше.

– К тому же, – вставил Гроув, – мой друг Янетти, эксперт по документам, говорит, что обе записки, которые он анализировал, написаны левшой, а это соответствует способу, каким было перерезано горло двум последним жертвам: сзади, справа налево.

На несколько мгновений наступила тишина. Наконец Пендергаст шевельнулся в кресле.

– Что ж, разве бывает серийный убийца без загадок? Как бы то ни было, вы отлично поработали, доктор Фоше. Благодаря вам и коммандеру Гроуву у нас теперь есть пять давно ушедших в мир иной жертв, на которых мы можем основывать наше расследование. – Он помолчал. – Один дополнительный вопрос. Вы объяснили, как трудно переквалифицировать эти самоубийства в убийства без хирургического

или радиологического обследования. А как насчет *тактильного* аспекта?

Доктор Фоше нахмурилась. Ее несколько обескуражило наблюдение Пендергаста касательно явной леворукости убийцы Флейли.

– Не уверена, что поняла вас.

– Этих женщин убила сильная пара рук. Странгуляционные борозды от предполагаемого самоудушения появились позднее. Если бы вы прощупали их шеи пальцами, не обращая внимания на визуальное свидетельство потертостей и синяков, то не могло бы так случиться, что повреждение рогов подъязычной кости показалось бы вам отличающимся, скажем, от характерных повреждений при самоубийстве повешением?

– Мне это никогда не приходило в голову. Я... да, я полагаю, что показалось бы. Можно было бы почувствовать перелом кости, обхватив шею руками, – наверное, это ощущалось бы как щелчок. А почему вы спрашиваете?

– Я просто подумал: неужели убийца не понимал – или прекрасно понимал, – что оставляет нам улику?

В разговор вступил Гроув:

– Я уже связывался с лейтенантом Сандовалом, просил его провести разыскания по Уинтерс и Ориол. Доктор Фоше, если бы вы собрали воедино все значимые сведения по пяти аутопсиям – по двум, проведенным вами, и по трем, результаты которых вы анализировали, – это было бы очень полезно.

– Я уже начала заниматься этим, – кивнула Фоше.

– И вот еще что, – сказал Пендергаст. – Коммандер, я думаю, полиция Майами должна установить наблюдение за могилами Уинтерс и Ориол.

Наступило неловкое молчание. Гроув откашлялся.

– Да. Я вижу в этом логику. Боже упаси, но если он убьет еще кого-нибудь, то мы сможем поймать его в тот момент, когда он будет украшать одну из могил. Надеюсь, до этого не дойдет.

– Постойте, – вмешался Колдмун. – Не лучше ли будет дать утечку, что мы опознали еще два убийства-самоубийства – Уинтерс и Ориол? Если преступник будет знать, что мы ведем наблюдение за могилами, это может остановить его от принесения в жертву еще одной женщины.

– Печальная правда состоит в том, – сказал Пендергаст, – что при таком большом исходном массиве данных сеть коммандера Гроува могла упустить другие убийства-суициды. Я хочу сказать, что, даже если эти две могилы не получат подарков, могут обнаружиться и другие могилы, которые получат.

Он позволил этой мрачной мысли немного повисеть в воздухе.

– Тем не менее в надежде предотвратить новые убийства, я думаю, пришло время обратиться напрямую к мистеру Брокенхартсу.

– Что? – спросил Колдмун. – Каким образом?

– У него теперь появился друг по переписке.

– Неужели вы об этом репортере – Смитбеке? – сказал Гроув. – Ему нельзя доверять. Мы уже проверяем этого психиатра, о котором он написал. Зачем делать ему бесплатную рекламу? Уже и так полгорода в панике.

– Такие литературные экзерсисы только уводят от сути дела, – сказал Пендергаст. – А она состоит в том, что Брокенхартс протянул руку к Смитбеку.

С этими словами он снял крышку с коробки для улик, извлек оттуда латексные перчатки, надел их, вытащил пять писем разного размера во вскрытых конвертах и разложил на столе. Наконец вытащил еще одно письмо, без конверта, лист бумаги, зажатый между двумя стеклами наподобие сэндвича.

– Эти шесть писем Смитбек получил сегодня утром. Пять из них от психов. А шестое – то, которое он цитирует в своей последней статье, – подлинное. Наш друг мистер Янетти, эксперт по документам, подтвердил, что бумага, чернила и почерк те же самые, не говоря уже о тоне и стиле письма, в котором содержится литературная аллюзия. Это обращение мистера Брокенхартса к Роджеру Смитбеку. Разве оно похоже на письмо больного человека, ищущего внимания? Сомневаюсь. В конце концов, он и прежде писал письма, и это были личные письма, оставляемые на могилах, не предназначенные для газет. Возможно, статья Смитбека случайно задела какую-то струну в душе Брокенхартса. В отличие от остальных медиа, Смитбек не кричал с пеной у рта о том, какой психопат этот Брокенхартс. И вот отклик мистера Брокенхартса. – Пендергаст наклонился над стеклянным сэндвичем. – «Я должен искупить вину. Если Вы не в силах помочь мне в этом, мне придется продолжать самому». – Он откинулся на спинку кресла и оглядел присутствующих. – Заметьте, что если бы он придерживался своей

схемы, то должен был бы совершить убийство прошлой ночью. Смитбек, вероятно, отвлек его и этим выиграл время. Но не заблуждайтесь: этот человек не только просит о помощи – он дает обещание. Если мы его не найдем – или не найдем способа помочь ему, – он убьет снова. И очень скоро.

Все погрузились в молчание. Немного погодя Пендергаст посмотрел на Гроува и Фоше:

– Огромное вам спасибо за помощь. Уже поздно, а я знаю, что вы оба люди очень занятые, поэтому не могу вас больше задерживать.

Дождавшись ухода визитеров, Колдмун повернулся к Пендергасту:

– Вы же не собираетесь использовать Смитбека для связи с Брокенхартсом? Я не хотел говорить это в их присутствии, но мне кажется, это ужасная идея.

Пендергаст улыбнулся:

– Да, я сказал, что у мистера Смитбека есть друг по переписке, но я ничего не говорил о том, чтобы через него связываться с Брокенхартсом. Возможно, в детстве вы слышали афоризм: «Чтобы рассказать одну историю, требуется тысяча голосов». Нет, эта история будет рассказана иначе, иными голосами. – Он достал телефон. – Алло, это Дабл-ю-эс-ю-эн шесть, новостной канал Южной Флориды? Отлично. Будьте любезны, соедините меня с отделом миз Флеминг. Верно, Кэри Флеминг. Благодарю вас.

34

Студия Дабл-ю-эс-ю-эн-Ти-Ви находилась не в центре Майами, как рассчитывал Колдмун. Нет, она разместилась у черта на рогах – на отдаленной юго-западной окраине Кендал-Лейкс, между полем для гольфа на тридцать шесть лунок и аэропортом бизнес-авиации. Чтобы добраться туда даже с Акселем за рулем, потребовалось более сорока минут.

Колдмун вышел из такси на парковку, окружающую длинное невысокое здание, ощетинившееся спутниковыми тарелками и радиовышками. Поблизости выстроился на ночь ряд новостных фургонов с такими же, только меньших размеров, электронными игрушками на крышах. Колдмун зевнул, потянулся, помассировал поясницу. Вдали, за чередой одинаковых домов с бассейнами и одинаковыми черепичными крышами, виднелся бесконечный зеленовато-коричневый простор болот. За короткое время, проведенное им в Южной Флориде, Колдмун

узнал, что здесь существуют четыре отчетливо различимых вида жилых зон: прибрежные бульвары для супербогатых, огражденные микрорайоны для зажиточных отставников, мрачные районы из «Большого угона автомобиля»[43] – и болота.

В зоне ожидания посетителей, сразу у входа, сидел коммандер Гроув, и, когда они вошли в искусственную прохладу за стеклянной дверью, он поднялся.

– Вы как раз вовремя, – сказал он, пожимая им руки. – Я боялся, как бы вы не потерялись. – Он повернулся к Пендергасту. – Ваш сегмент следующий. Сейчас позову помощника продюсера. – С этими словами он поспешил по коридору.

– Кажется, он знаком с этим местом, – заметил Колдмун, когда они зарегистрировались в проходной.

– Поскольку в его обязанности входят связи с общественностью, возможно, это второй его дом, – ответил Пендергаст.

Гроув быстро вернулся в сопровождении энергичной молодой женщины с папкой-планшетом.

– Меня зовут Натали, – сказала она, когда они обменивались рукопожатиями. – Спасибо, что связались с нами вчера вечером. Кто из вас агент Пендергаст?

Пендергаст ответил коротким кивком.

– Отлично. Вы прежде бывали в прямом эфире, в студийной обстановке?

– Нет.

На лице Пендергаста сохранялось нейтральное выражение, как и в течение всей поездки. Колдмун знал, что несколько часов назад Пендергаст говорил с Пикеттом, но не счел нужным поделиться с напарником содержанием разговора.

– Ну и хорошо, – сказала молодая женщина, ведя их из зоны ожидания по длинному пустому коридору. – Миз Флеминг будет задавать тон своими вопросами. Она великолепная ведущая, просто превосходная, у нее опыт работы в Филадельфии и Хартфорде, и нам крупно повезло заполучить ее. Ваш сегмент начинается через десять минут.

Они прошли мимо окна, и Колдмун, заглянув в него, увидел два призрачных лица и темную комнату, наполненную мониторами, микшерами и другим звуковым и видеооборудованием.

Они остановились на пересечении коридоров, и Натали внимательнее присмотрелась к Пендергасту:

– Мм… Ну, с черным костюмом мы ничего не можем поделать, но в остальном я почти не вижу проблем. Давайте пропустим вас через гримерную, потом мы повесим на вас микрофон и проверим качество звука.

Натали завела Колдмуна и Гроува в какое-то помещение, по-видимому комнату ожидания, а потом повела Пендергаста дальше по коридору, продолжая говорить с ним утешительным тоном, словно ему предстояла операция.

Колдмун оглядел комнату. Здесь стояли диваны, мягкие кресла, стол с фруктами, сырные тарелки и небольшой холодильник с прозрачной дверью, заполненный бутылочками с водой и диетической газировкой. Прежде Колдмуну довелось бывать только в одной студии – на радиостанции близ Рэпид-Сити, и вся она состояла из двух комнат и туалета. Эта комната – с ее шепчущей вентиляцией, сложным оборудованием и бесплатной едой – стала для него откровением. Он взял бутылочку воды и сел.

Гроув занял кресло рядом с ним. Обычно флегматичный, коммандер сегодня излучал нетерпение, и Колдмун ничуть не удивился бы, если бы тот начал потирать руки от радости.

– Превосходно, – сказал Гроув. – Я испытал истинное облегчение, когда Пендергаст позвонил сегодня утром и сообщил, что согласился дать интервью Дабл-ю-эс-ю-эн. Не только согласился, но даже сам *предложил*. Проникновение на рынок у телестанции лучшее в округе Майами-Дейд, и демография зрителей идеальна.

– Хорошо, что они сумели организовать интервью так быстро, – ответил Колдмун, свинчивая крышку с бутылки. – Насколько я понимаю, это вы постарались.

– Мы с Кэри старые приятели. – Гроув взял с тарелки ломтик сыра. – Это интервью – идеальный способ успокоить общественность. Но я не очень понимаю, что он собирается говорить. Он дал понять, что это каким-то образом связано с заметками репортера Смитбека.

– Увы, – сказал Колдмун. – Я ничего не знаю.

– Не сомневаюсь, что у вашего напарника самые благие намерения, но эти газетные репортеры… они исказят что угодно, лишь бы продать побольше экземпляров. – Гроув сунул в рот еще ломтик сыра. – По

крайней мере, мы можем надеяться на Кэри – она повернет разговор в нужное русло. Она первоклассная ведущая, настоящий профессионал. А если мы слегка усмирим разыгравшуюся бурю, люди будут спать спокойнее, пока мы не посадим этого парня за решетку.

В коридоре раздались шаги, и сразу же появилась Натали с Пендергастом на поводке. На его лицо наложили какую-то оранжевую основу, вероятно, чтобы скрыть смертельную бледность его лица под яркими студийными прожекторами, но здесь, при обычном освещении, он походил на восковую куклу.

– Отлично, – сказала Натали, посмотрев на часы. – Три минуты. Идем в студию «Б», подключим к вам микрофон.

Они двинулись по очередному пустому коридору с Гроувом и Колдмуном в арьергарде. Пендергаст по-прежнему не открывал рта.

– Немного нервничаете? – спросил Гроув. – Нет, конечно. Работая в Нью-Йорке, вы, вероятно, дали немало пресс-конференций. И в любом случае Кэри не будет подавать вам трудные мячи. Здесь все хотят одного – утешения.

Пройдя через двойные двери, они двинулись по короткому коридору к новым дверям и вдруг оказались в студии «Б» – большом, похожем на склад пространстве с кабелями, повсюду змеящимися по бетонному полу, с людьми, стоящими по краю, и полукругом из трех камер, обращенных к декорациям в виде жилой комнаты с изображением береговой линии Майами на заднике. Колдмун удивленно огляделся. Все было таким искусственным – куски стен, отсутствие потолка, ничего, кроме черных занавесей на стенах из шлакобетона и мостков из паркетной доски, заканчивающихся всего в нескольких футах от декорации, – что он не мог себе представить, как зрители способны принять этот обман за реальность. Там стоял стол с шелковыми цветами, несколько пальм в горшках и два роскошных директорских кресла по сторонам стеклянного стола. В одном из них сидела женщина, в которой Колдмун узнал журналистку, не дававшую ему пройти в управление полиции. Ее окружала небольшая армия косметологов и звукоинженеров. Человек с рацией в руках стоял между зачехленными камерами и смотрел на все недремлющим оком. Колдмун решил, что это продюсер, режиссер или что-то в таком роде. Женщина в кресле была не в настроении, ворчала на людей, суетившихся вокруг нее, даже оттолкнула руку женщины с косметической кисточкой. Пендергаста тем временем проводили на его место, сзади пропустили под пиджаком микрофонный провод, сам микрофон присоединили к лацкану.

– Одна минута, – раздался голос из темноты за камерами.

Свет вокруг декораций, и без того яркий, стал еще ярче. Несколько камер на колесиках заняли места.

– Джентльмены, встаньте, пожалуйста, там, – тихо сказала Натали Колдмуну и Гроуву. – Мы выходим в эфир через минуту.

Она показала своим блокнотом на закрытое место, откуда были видны и декорации, и мониторы трансляции.

– Тридцать секунд! – сообщил бестелесный голос.

Вся обслуга исчезла со сцены, и ведущая (ее лицо внезапно осветилось яркой, доброжелательной улыбкой) повернулась к Пендергасту. Они обменялись несколькими словами, которых не разобрал Колдмун. Затем продюсер указал на них театральным жестом; мониторы прекратили показывать рекламные ролики и тестовые изображения и сосредоточились на декорациях, и, словно ниоткуда, прозвучала музыкальная заставка.

– Еще раз добро пожаловать на «Семичасовые новости шестого канала», – прощебетала женщина. – Источник номер один в Майами, из которого вы узнаете все, что вам нужно. Меня зовут Кэри Флеминг. Как я сказала в самом начале, нам повезло: наш следующий гость – удостоенный высоких наград сотрудник ФБР, специальный агент Алой… – (к удивлению Колдмуна, она споткнулась на имени), – Пендергаст. Он ведущий агент в проводимом ФБР расследовании убийств, совершенных мистером Брокенхартсом, и сегодня он с нами, чтобы эксклюзивно сообщить о последних подвижках в деле, а также о том, что мы, общество, должны знать об этом монстре.

Флеминг перевела взгляд со светового сигнала на гостя, и на ее лице появилось серьезное выражение. Две камеры услужливо развернулись в сторону Пендергаста.

– Агент Пендергаст, спасибо, что пришли.

Пендергаст кивнул в ответ.

– Насколько я понимаю, вы живете в Нью-Йорке. Надеюсь, вам понравился наш прекрасный город, несмотря на столь прискорбную причину вашего приезда.

– Майами воистину прекрасное место.

Благодарная улыбка.

– Но возможно, это не первый ваш приезд. В конце концов, по вашему акценту я могу сказать, что вы не с севера, как у нас говорится.

– Верно. Я вырос в Новом Орлеане.

– Замечательно. – Флеминг посмотрела на маленький телесуфлер, низко стоящий на деревянном настиле; Колдмун предположил, что он дает подсказки интервьюеру. – Что вы можете сообщить нам о прогрессе в этом деле? Особенно после жестокого третьего убийства.

– Ничего, – ответил Пендергаст.

Колдмун почувствовал, как Гроув беспокойно зашевелился рядом с ним в темноте.

Если Флеминг и удивил такой ответ, она умело скрыла это.

– Вы хотите сказать, что ничего нового не было обнаружено с тех пор, как в газете появилось письмо убийцы?

– Я прошу прощения, миз Флеминг, но вы спросили, есть ли что-нибудь такое, что я могу сообщить *вам*.

– Ясно. – Женщина понимающе кивнула, подмигнув в камеру. – Вы имеете в виду, что есть ряд аспектов – подвижек, – которыми вы не можете поделиться с общественностью.

– Именно так.

– Тогда, может быть, вы скажете, удовлетворены ли вы ходом расследования?

– Я редко бываю удовлетворен. Однако мы определили некоторые направления расследования.

Флеминг была матерой ведущей – Колдмун не мог не отдать ей должного – и поднаторела в обращении с неудобными гостями.

– Я уверена, наши зрители сейчас вздохнули с облегчением. Понятно, что многого вы нам сказать сейчас не можете, – проговорила Флеминг слегка заговорщицким тоном, – но хотя бы намекните, насколько вы близки к поимке монстра.

– Увы, к сожалению, это я не могу предсказать. Но есть одна услуга, о которой я хочу вас попросить.

– Конечно.

– Пожалуйста, не называйте его монстром.

Колдмун услышал резкий вздох Гроува.

Улыбка застыла на лице ведущей.

– Мне жаль, если вы не согласны с этой характеристикой. Разве этот человек не убил жестоко трех невинных женщин?

– Да, вы правы.

– А если и этого недостаточно, то разве он не вырезал их сердца, чтобы украсить могилы жертв суицида, чем добавил скорби их семьям, которые и без того немало страдали?

– Да.

– Тогда, агент Пендергаст, с какой же стороны это *существо* не монстр?

– Монстр подразумевает зло. Удовольствие, получаемое от жестокости. Психопатическое отсутствие вины или раскаяния.

– Да, но…

– И я не думаю, что это правильно характеризует мистера Брокенхартса. Он, несомненно, убивал, но не ради убийства.

– О чем вы говорите?

– Он не получал от этого удовольствия. Напротив, все свидетельствует о том, что он перерезал горло своим жертвам для того, чтобы их смерть была максимально быстрой и безболезненной. Именно раскаяние, а не его отсутствие стало причиной этих убийств.

– Не уверена, что наши зрители поймут вас. Не могли бы вы пояснить?

Пендергаст перевел взгляд с ведущей на ближайшую камеру. Продолжая говорить, он поднялся с кресла.

– На самом деле, – сказал он, – я здесь для того, чтобы обратиться к мистеру Брокенхартсу. Лицом к лицу.

– Агент Пендергаст… – начала было Кэри Флеминг.

Но Пендергаст не слышал ее. Все его внимание было обращено на камеру.

– Мистер Брокенхартс, я знаю, вы меня видите и слышите, – говорил Пендергаст, медленно надвигаясь на камеру и заставляя оператора отступать назад. – Я знаю, вы рядом… совсем рядом.

– Сукин сын, – пробормотал Гроув. – Что он делает, черт побери?

Пендергаст продолжал своим мягким, медоточивым голосом, заполняющим студию:

– Вы не монстр. Вы – человек, которому был причинен вред. Возможно даже, что вы подверглись жестокому насилию.

На мониторе Колдмун видел, что голова и плечи Пендергаста заполнили весь кадр.

– Я знаю, ваша жизнь была ужасна, вам сделали больно, у вас не было наставничества, которое необходимо нам всем, чтобы отличать добро от зла.

Колдмун как завороженный смотрел на Флеминг, которая энергично махала продюсеру, пока камера давала крупный план Пендергаста. «Прямой эфир, – одними губами произносила Флеминг, делая резкие рубящие движения. – Прямой эфир». Но продюсер показывал камерам, чтобы они продолжали работать. Колдмун понял, что материал получается высококлассный и продюсер отлично осознает это.

– Не могу поверить, что они дают это в эфир! – прошептал Гроув с негодованием в голосе. – Да еще и в прямой эфир!

Пендергаст вперился взглядом в объектив, и оператору оставалось только держать его в фокусе.

– И именно потому, что у вас никогда не было такого наставничества, я обращаюсь к вам теперь. Моя работа состоит в том, чтобы остановить вас, но я хочу, чтобы вы знали одно: я вам не враг. Я хочу вам помочь. Вы умны. Когда я говорю, что ваши деяния в высшей степени предосудительны, то надеюсь, что вы меня услышите. Я понимаю вашу потребность в покаянии. Но вы должны найти другой способ. Поверьте мне, послушайте меня: вы должны найти другой способ.

Пендергаст сделал паузу. Продюсер говорил в свою рацию и жестикулировал, приказывая операторам держать агента в кадре и не переключаться на Флеминг, которая перестала махать руками и просто смотрела на Пендергаста, перехватившего у нее функции ведущего. Колдмуна удивило, насколько сильное завораживающее воздействие

оказывает его напарник на людей. Этот человек как будто взял Майами в рабство.

– У вас есть сила воли действовать или не действовать. Используйте эту силу. Подумайте над тем, что я сказал. Напишите мне, поговорите со мной, и, может быть, я сумею вам помочь. Но запомните самое главное: *вы должны найти другой способ*.

Пендергаст задержал взгляд на объективе, потом сделал шаг назад и развернулся. В этот же момент камеры убрали крупные планы и продюсер показал на Флеминг.

Она мгновенно пришла в себя и напустила на лицо серьезное выражение, словно весь эпизод был прописан в сценарии.

– И это, дамы и господа, был специальный агент Пендергаст, напрямую обратившийся к серийному убийце, который называет себя мистером Брокенхартсом. Будем надеяться и молиться о том, чтобы тот смотрел телевизор в этот момент.

Продюсер запустил рекламу, едва сдерживая ликование, а Колдмун увидел, как Кэри Флеминг смерила уходящего с подмостков Пендергаста злобным взглядом. В этот момент телефон в кармане Колдмуна завибрировал. Он вытащил его и не удивился, увидев, что его вызывает ответственный заместитель директора Уолтер Пикетт.

35

Он сел на пол погруженного в темноту дома, на голые стены которого отбрасывал дергающиеся пятна старый тридцатидвухдюймовый «Тринитрон». Рекламные ролики на экране раскручивались в гротесковой пантомиме – ему удалось приглушить звук дистанционным пультом, но на другие движения уже не хватало сил. Он чувствовал себя парализованным.

Это была чистая случайность, что он переключился на этот канал. И тут появился этот агент ФБР – странный, в черном костюме, но бледный, как сама смерть. Он стоял перед камерой и обращался к нему. *К нему*.

«Я знаю, вы меня видите и слышите».

Он уставился на экран с таким удивлением, что едва сумел сосредоточиться. Никто еще не говорил с ним так. Даже когда он был очень молод, в хорошие времена до Путешествия, он не помнил таких разговоров, такого сочувствия, такого доброго понимания.

«Я знаю, ваша жизнь была ужасна, вам сделали больно, у вас не было наставничества, которое необходимо нам всем, чтобы отличать добро от зла».

Но он отличал добро от зла. Определенно отличал. В конце концов, он ведь знал, что приносит Покаяние. В этом была суть приуготовления и Действия. Как мог этот человек понимать его… но не понимать этого?

«Моя работа состоит в том, чтобы остановить вас, но я хочу, чтобы вы знали одно: я вам не враг».

Неожиданно обретя контроль над своими мышцами, он швырнул дистанционный пульт в экран. Пульт разлетелся на куски и упал на пол. Несколько мгновений он оглядывался вокруг в смятении и печали, видя пыль, скопившуюся в углах, отслоившиеся обои, входную дверь с двумя треснувшими панелями, наружный фонарь в форме совы с разбитой лампочкой… и вдруг неожиданно расплакался. Он не плакал больше десяти лет, а теперь завыл, распростершись на полу, корчась, скрежеща зубами, ударяя кулаками по старым деревянным планкам. Он визжал, словно один только звук мог обуздать демонов внутри его, вернуть ушедшие годы, отменить ужасное, неописуемое Путешествие.

Но демоны не покидали его, и наконец вопли затихли: перешли сначала в плач, потом в сдавленные рыдания, а потом… в ничто. Он лежал на полу, его изможденное тело болело.

«Моя работа состоит в том, чтобы остановить вас, но я вам не враг».

Он заставил эмоции покинуть его, выровнял дыхание, позволил кротости понемногу вернуться к нему во тьме комнаты. Он прошелся по своим чувствам, одному за другим, закончив звуком. Все было тихо, остался только фоновый гул, который никогда не уходил полностью.

Слабость, проявленная им сейчас, была ожидаема. Несмотря на эту слабость, он знал свой долг и все еще был достаточно силен, чтобы выправить положение.

Теперь у него появилось кое-что новое, к чему следовало приготовиться.

«Моя работа состоит в том, чтобы остановить вас».

«Моя работа состоит в том, чтобы остановить вас».

Медленно, очень медленно он поднялся с пола. Почувствовал твердую почву под ногами, и его решимость не поколебалась. Оглядел погруженную в сумерки комнату, освещаемую только тусклым экраном телевизора.

Этот человек, облаченный в черное, словно судья, пытавшийся объясниться с ним таким способом, – кто он такой? Всего лишь агент ФБР? Или ангел мщения… или великий инквизитор?

Он не знал. Зато он знал, что ему предстоит важная работа и столько всего от него зависит.

Он целеустремленно направился к единственным предметам мебели в комнате – обшарпанному карточному столу и складному стулу. Сел и придвинулся к столу. На черной виниловой столешнице лежали три свертка мягкой фетровой ткани.

Он смотрел на свертки, пока его сердце возвращалось к нормальному ритму. Затем взял левый сверток и развернул его: внутри лежали старый точильный камень из карбида кремния, жестянка с матово-черным театральным гримом и помятая консервная банка с легким минеральным маслом. У камня, отличавшегося качеством, каким не обладают современные камни, было две разные стороны: зернистостью в четыре тысячи и две тысячи. Поскольку он никогда не позволял своим друзьям затупляться, потребности в более грубом камне не возникало.

Два других свертка он развернул гораздо осторожнее. В первом спал Арчи. Во втором – Мехитабель. Он не хотел их будить слишком грубыми движениями.

Только посмотреть на них в теплом мигающем мерцании телевизора, чтобы напомнить себе о трагических обязательствах. *Так много зависит от…*

Он взял точильный камень, положил перед собой. Стороной большей зернистости вниз. Потом смазал несколькими каплями масла сторону зернистостью четыре тысячи. Он знал, что теперь чаще используют воду, но предпочитал старые способы – как предпочитают старых друзей. Двумя пальцами он втер масло в камень, в котором появилось наконец тусклое сияние. В течение шестидесяти секунд он аккуратно отирал пальцы о штанину своих черных джинсов. Только после этого взял он в руку Мехитабель, поместил ее лезвие точно под углом в пятнадцать градусов относительно камня, а потом, почти неохотно, без радости, принялся затачивать длинными, размеренными движениями.

36

Письма, адресованные Смитбеку, заполнили уже три ящика, стоящие один на другом в его отсеке. Эпистолярный поток оказался неожиданным благом. Конечно, почти все эти письма, исключая подлинное письмо от самого Брокенхартса, были написаны чудаками,

психами, безумцами, злобными соседями, ясновидцами, отвергнутыми мужьями и женами и другими ненормальными, но тем не менее они были настоящим кладезем историй. После той истории, которую Смитбек раскопал неделей ранее, он писал практически без перерыва.

Например, была статья о психе, который проник в склеп Флейли со спиритическим маятником и говорящей доской, заявляя, что может устанавливать контакт с умершими. Потом была заметка о том, как одна радикальная феминистка разогнала встречу поэтической группы «Люди Железного Ганса»[44]. И история неудачника-кардиохирурга, который стал жертвой широко распространившейся теории заговора: приехал утром на работу в свою больницу и обнаружил там поджидающую его толпу.

Ко всему этому неожиданное появление Пендергаста на экране телевизора предыдущим вечером не только не успокоило общественное мнение, а, напротив, наэлектризовало город. Половина жителей Майами была разъярена тем сочувственным тоном, каким агент выразил свой импровизированный призыв, а другая половина пришла в неистовство оттого, что власти все еще не поймали Брокенхартса. Ни о чем другом никто и не говорил.

Единственным, кто среди всей этой какофонии внезапно затих, был сам Брокенхартс. Убийства прекратились, письма перестали приходить – ничего не происходило.

Смитбек был на гребне успеха. Если не считать истории с этим чертовым Броннером. То, что казалось таким многообещающим, никуда не привело. Бакстер и Флейли были его пациентками, а Адлер, третья жертва, – нет. После нашумевшей статьи полиция предприняла собственное расследование, но от своего информатора-копа Смитбек узнал, что у Броннера железное алиби на те дни, когда совершались убийства. Все оказалось простым совпадением: Броннер избивал жену на почве алкоголизма и неспособности подавлять вспышки ярости, однако до серийного убийцы он недотягивал.

Но, несмотря на эту неудачу, все остальное получилось просто пальчики оближешь. Смитбеку предстояло вскрыть еще сотню писем, и один Господь знал, какой сочный материал и странные признания всплывут на поверхность. Смитбек поставлял товар, и Краски не вмешивался в его работу. Это действительно была золотая жила занимательных историй, и Смитбек собирался разработать ее до конца.

37

Колдмун мрачно смотрел в окно помещения на окраине Маленькой Гаваны, которое он уже начал называть конспиративной квартирой Пендергаста. Машины неторопливо ползли сквозь густой воздух, и на глазах Колдмуна такси Акселя отъехало от тротуара и влилось в поток, отправляясь по очередному таинственному поручению. Еще не пробило одиннадцати, а солнце уже сверкало в стеклах автомобилей и витринах магазинов, наполняя воздух ослепляющим жаром и светом.

Колдмун, выросший в Южной Дакоте, любил жаркие, сухие летние дни. Но Майами ничуть не походил на Дакоту. Только что наступил апрель, а жара с каждым днем становилась все сильнее. Влажность была такая, что твое тело в тщетной попытке охладиться обливалось потом, который не испарялся. Да и солнце не прикасалось к тебе мягкими лучами, как в северных широтах, а безжалостно молотило по голове словно раскаленной сковородкой.

Он отвернулся от окна. Пендергаст сидел за столом, держа в руках золотую цепочку, на которой был закреплен медальон с изображением какого-то святого. Колдмун заметил эту вещицу в руках агента, когда тот лежал на кровати Элизы Бакстер в гостинице в Мэне. Пендергаст не рассказывал, откуда у него этот медальон или почему он носит его, но он доставал эту вещицу и разглядывал ее в самое неподходящее время, вот как сейчас например.

Колдмун услышал, как закрылась входная дверь, и мгновение спустя в дверях комнаты появилась доктор Фоше с новой стопкой папок в руках. Одетая в свежее желтое платье, она приветственно кивнула Колдмуну, потом одарила сияющей улыбкой Пендергаста. Как, черт побери, флоридцы умудряются прожить утро, не говоря уже о целом дне, и не завянуть?

Вслед за Фоше в темную комнату вошел Гроув.

– Доброе утро, – сказал он Колдмуну и бросил свой портфель на стол.

Колдмун отметил слегка официальный тон коммандера, отличный от его всегдашней добродушной манеры. Возможно, Гроув все еще переваривал то, как Пендергаст похитил вчерашнее вечернее интервью, хотя Пендергаст вчера же объяснил свои мотивы коммандеру, а также Пикетту, который слушал его по громкой связи. Колдмуну аргументы напарника казались убедительными. С учетом психологического портрета Брокенхартса и его письма к Смитбеку Пендергаст надеялся, что прямое обращение к убийце сможет оказать воздействие на него. Может быть, это и сработало: после Карпентер убийств больше не было, по крайней мере пока. Скорее всего, Гроув был недоволен тем, что его держали в неведении. В конце концов, он был высокопоставленным

местным полицейским и безотказно предоставлял в их распоряжение ресурсы, которыми располагала полиция Майами. Со стороны Пендергаста было немного нечестно преподнести ему это обращение так неожиданно, не предупредив.

Тем не менее коммандер подошел к Пендергасту и сердечно поздоровался, пожав ему руку.

– Я получил ваше послание, – сказал он, садясь за стол. – Насколько я понимаю, вы нашли для нас еще какую-то работу.

– Боюсь, что да. Но сначала я хочу показать вам кое-что и выслушать ваши соображения.

«Неплохая минимизация ущерба», – подумал Колдмун.

Пендергаст посмотрел на патологоанатома:

– Доктор Фоше, я не ждал вас сегодня, но должен сказать, что видеть вас – одно удовольствие.

– Меня прихватил коммандер Гроув, – сказала она. – Надеюсь, вы не возражаете.

– Ничуть. Напротив, это очень удачно. Хотя я боюсь, что отрываю вас от работы.

– Я в отпуске.

Пендергаст поднял брови:

– В самом деле?

– Да. Но я все равно никуда особо не собиралась, – быстро добавила она.

Колдмун прислушался к их разговору. Фоше, эта немногословная, успешная молодая женщина-патологоанатом, тратит свой отпускной день на то, чтобы узнать, как продвигается следствие? Она казалась какой-то беспокойной. Если бы он не знал ее лучше, то предположил бы, что женщина в кого-то влюбилась. Может быть, в него? Он посмотрел на нее и увидел, что она глаз не сводит с Пендергаста. Нет, не в него.

– Я ценю ваши мысли, – сказал он Фоше, к ее явному удовольствию и смущению.

Он поднялся и подошел к задней стене, где на двух больших пробковых досках висели карточки размером три на пять, синяя бечевка и

фотографии. На левой доске располагались карточки на каждое из трех недавних убийств, выложенные в хронологическом порядке в колонку. На другой доске находились карточки на каждый случай суицида/убийства, на которых побывал Брокенхартс, а также фотографии жертв, их краткие биографии и копии его записок, адресованных им. Ряд параллельных синих линий соединял каждое из недавних убийств в Майами с карточкой, представляющей соответствующую могилу. Под тремя правыми карточками располагались две другие: одна – для Лори Уинтер, другая – для Джасмин Ориол.

Пендергаст оглядел присутствующих за столом:

– В каждом расследовании наступает переломный момент. Благодаря вашим усилиям… – он слегка поклонился Фоше и Гроуву, – я полагаю, мы уже достигли этого момента.

Это довольно драматическое заявление привело к тому, что напряжение в застывшем воздухе комнаты усилилось.

Пендергаст подошел к пробковым доскам и достал из кармана золотое перо.

– Давайте начнем с трех нынешних убийств: Фелиция Монтера, Дженни Розен и Луиза Мэй Абернати, она же Мисти Карпентер. – Называя имена, он прикасался пером к каждой из карточек. – Они связаны с тремя суицидами одиннадцатилетней давности – Элиза Бакстер, Агата Флейли и Мэри Адлер. – Новые касания авторучкой. – Я всегда считал, что эти убийства, замаскированные под суициды, являются критическими для понимания новых убийств.

Убийство	Дата	Убийство/Суицид	Дата	Место
Фелиция Монтера	3/19/18	Элиза Бакстер	11/06[1]	Катадин, Мэн
Дженни Розен	3/22/18	Агата Флейли	3/07	Итака, Нью-Йорк
Л. М. Абернати	3/25/18	Мэри Адлер	7/06	Роки-Маунт, Сев. Каролина
		Лори Уинтерс	9/06	Бетесда, Мэриленд
		Джасмин Ориол	5/06	Саванна, Джорджия

[1] В английской традиции при написании даты сначала ставится месяц, потом день месяца

– Но почему? – спросил коммандер Гроув. – Эти места далеко разнесены друг от друга.

– Так ли это? – возразил Пендергаст. – Основные усилия следствия естественно сосредоточились на недавних убийствах в Майами-Бич, чтобы найти и остановить убийцу. Старые же убийства являли собой свидетельства, используемые для того, чтобы дать толчок движущей силе, активизирующей сегодняшнего убийцу. Зачем класть *это* сердце на *эту* могилу? Какую связь имеет, скажем, Фелиция Монтера с Элизой Бакстер? Или Дженни Розен с Агатой Флейли?

Пендергаст оглядел слушателей за столом.

– И тут возникает логическая ошибка. Следствие сосредоточилось на связях старых убийств с новыми, тогда как на самом деле между ними нет никакой связи. Вместо этого нам следует озаботиться внутренней связью, которая имеется между *самими убийствами одиннадцатилетней давности*.

Он прошел мимо пробковых досок к картам и остановился у крупномасштабной карты Большого Майами, на которой были отмечены все соответствующие места.

– Что напоминает эта карта, доктор Фоше? Кроме очевидного, я хочу сказать.

Она подумала, прежде чем ответить.

– Мм… подушечку для булавок.

– Именно! Она перегружена булавками. Разные места и разные цвета: красный – места новых убийств, зеленый – места проживания жертв, голубой – могилы, желтый – места проживания жертв убийств/суицидов. А еще оранжевый для Уинтерс и Ориол, которые, слава богу, не получили симметрию в виде новых убийств. – Он показал на карту. – Кто-нибудь видит здесь закономерности? Какую-нибудь связь с произошедшим? Какую-нибудь наводку на цель, которую преследует мистер Брокенхартс, а мы теперь знаем, что он весьма умный, организованный убийца?

Все молчали.

– Понятно, что не видите. Потому что, по моему мнению, закономерность нужно искать в другом месте – между теми, кого убили одиннадцать лет назад. – Он показал на правую доску. – Бакстер, Флейли, Адлер, Уинтерс и Ориол.

Фоше нахмурилась:

– Но эти места кажутся еще более случайными. Как сказал коммандер Гроув, они далеко разнесены по карте.

– Они кажутся случайными, потому что мы исходили из ложного допущения. Мы пытались найти их связь с мистером Брокенхартсом и выясняли, являются ли эти одиннадцатилетней давности смерти суицидами или убийствами. Никто не озаботился проверить одно из самых важных свидетельств – даты смерти этих женщин.

Пендергаст перешел к другой карте еще большего размера – карте Восточного побережья Соединенных Штатов. Он взял с подноса несколько булавок.

– Давайте посмотрим на них не в том порядке, в каком оставлялись сердца на их могилах, а в хронологическом порядке их смертей. – Он начал вкалывать булавки в карту. – Джасмин Ориол умерла одиннадцать лет и десять месяцев назад к югу от Саванны, штат Джорджия. Мэри Адлер умерла одиннадцать лет и восемь месяцев назад в Роки-Маунт, штат Северная Каролина. Лори Уинтерс умерла одиннадцать лет и шесть месяцев назад к северу от округа Колумбия в Бетесде, штат Мэриленд. И Элиза Бакстер умерла в Катадине, штат Мэн, почти точно одиннадцать лет и четыре месяца назад.

Он отошел в сторону.

– Боже мой, – сказал Гроув, глядя на карту с разинутым ртом. – Это же след. Убийца оставил след, черт его подери!

– Прямо до канадской границы, – отметил Колдмун, спрашивая себя, когда Пендергаст понял все это. – И каждое следующее убийство ровно через два месяца после предыдущего.

– В этих убийствах есть еще кое-что любопытное, – сказал Пендергаст.

Он поставил палец возле самой южной булавки – Ориол, потом стал медленно перемещать его к самой северной – Бакстер.

– Все смерти произошли вдоль федеральной трассы I-95, – сообразил Колдмун.

Пендергаст кивнул:

– К тому же они равноудалены друг от друга. – Он помолчал. – Так что же мы имеем? Убийства совершались одинаковым образом: удушение, выдаваемое за суицид. Убийства были удалены друг от друга на равные

промежутки по времени и расстоянию. Убийства были привязаны к очевидному маршруту: миля за милей, от одного конца до другого, по федеральной трассе девяносто пять – дороге с самым напряженным трафиком в Америке. – Он обратился к сидящим за столом: – Я хочу донести до вас, что если рассматривать их таким вот образом, то эта череда убийств почти болезненна в своей регулярности. Этот убийца – или убийцы – следовал тщательно разработанному плану. Обдуманному. Он как будто хотел, чтобы полиция увидела закономерность.

– Но вы забыли одну из них, – сказал Колдмун.

На лице Пендергаста промелькнуло что-то вроде улыбки.

– Не забыл, агент Колдмун… просто придержал ненадолго. – Он взял еще булавку и воткнул ее в карту. – Агата Флейли, последняя из самоубийц – жертв убийства: убита в Итаке, штат Нью-Йорк, одиннадцать лет назад. Двести миль от I-95 и другой modus operandi.

С этими словами он сел за стол.

Несколько секунд все молчали, потом Гроув сказал:

– Не понимаю. Вы только что предложили безукоризненную закономерность – и вдруг с убийством Флейли поставили все с ног на голову.

– Скажу об этом по-другому, коммандер. Вполне возможно, что у агента Колдмуна найдется идеальный лакотский афоризм для этой ситуации, но я надеюсь, он позволит мне процитировать латинскую фразу: «Exceptio probat regulam in casibus non exceptis». «Исключение подтверждает правило». Последнее из старых убийств отличается от других, но именно это отличие кажется мне наиболее красноречивым. – Он сцепил руки на столе и подался вперед. – Давайте посмотрим: оно выпадает из последовательности – происходит через четыре месяца после смерти Бакстер. Все другие удушения разделены периодом в два месяца. Modus operandi тоже иной. Хотя Флейли и была задушена, но с меньшей силой, настолько меньшей, что, когда ее сбросили в петле с моста, она все еще была жива. Это еще одно отличие. Все остальные были повешены в спальнях или ванных, а Флейли сбросили с моста в общественном месте.

После паузы он продолжил:

– В других убийствах приложение большей силы приводило к повреждению правого рога подъязычной кости, что говорило о праворукости убийцы. В случае с Флейли легкое повреждение

обнаружено на левом роге. – Он помолчал. – Может быть, тут действовал более слабый убийца?

Пендергаст оперся подбородком на переплетенные пальцы и перевел взгляд с Колдмуна на Гроува, потом на Фоше. Когда его взгляд остановился на Фоше, он подмигнул.

– Напарник! – одновременно произнесли Фоше и Колдмун.

– Верно, – сказал Пендергаст. – Хотя я думаю, более точным было бы слово «ученик».

– Янетти, эксперт по документам, отметил, что письма писал леворукий, – добавил Колдмун.

– Да-да, он так и сказал. – Гроув, который все это время сидел, о чем-то размышляя, внезапно выпрямился. – То же и при перерезании горла. Все совпадает.

– Это объясняет не только то, почему последнее убийство было иным, но и почему оно стало последним в своем роде.

– Как вы до этого додумались? – спросил Колдмун.

Захваченный новыми открытиями, он тем не менее был слегка раздражен этим допросом на манер Йоды[45]. Почему Пендергаст не поделился с ним своими откровениями раньше?

– До Итаки убийства становились все более эффективными. Убийца овладевал мастерством, совершенствовал технику. Но Флейли оказалась другой, ее удушение было неудачным, чем-то вроде homicidus interruptus[46], а то, что ее сбросили с моста, рискуя привлечь свидетелей, говорит чуть ли не об отчаянии. И вызывает другие ассоциации: юная импульсивность, драматизм, желание произвести впечатление.

– Значит, этот ученик был наблюдателем, так сказать, – проговорил Гроув. – И Флейли была его шансом достичь успеха. Но ему не хватило опыта или крепости духа, и он напортачил.

Пендергаст опустил руки на стол:

– Несмотря на неуместный выбор глагола, похоже, что это так. Но в данном конкретном убийстве есть и другие интересные моменты.

– Город расположен вдали от федеральной трассы I-95, – подала голос Фоше.

– Верно. Иными словами, у нас появляется второй убийца – жалкий ученик, который попытался изменить условия и чуть не загубил дело. И все же сходство остается: он совершает свое первое и единственное убийство близ крупной магистрали.

Колдмун снова посмотрел на карту:

– I-81.

Пендергаст кивнул.

– Значит, они повернули назад, на юг? – спросила Фоше.

– Похоже. И теперь, когда мы знаем маршрут, выбранный убийцами, давайте пройдем по нему еще раз – в обратном направлении.

Колдмун повернулся к карте и неожиданно понял, к чему клонит Пендергаст и как все становится на свои места.

– Флорида, – произнес он вполголоса. – Они должны были начать во Флориде.

– Прошу прощения, – сказала Фоше. – Я не понимаю. Во Флориде мы не обнаружили убийств, совершенных по такому modus operandi.

– Моя дорогая доктор Фоше, это произошло потому, что во Флориде мы не искали. Коммандера Гроува просили вести поиск вероятных убийств, замаскированных под суициды, за пределами Флориды. Возможно, первое убийство – нулевая жертва, если хотите, – случилось именно здесь, в Майами, за два месяца до Саванны. Расстояние совпадает. А для того чтобы подходил и временной интервал, оно должно было произойти ровно двенадцать лет назад, почти день в день.

Колдмун быстро обдумал это.

– Убийца или убийцы направились на север из Флориды, – сказал он. – Действовали строго по плану. Добравшись до Мэна, они повернули назад, убили еще раз в Итаке… потом убийства прекратились. Почему?

– Отличный вопрос. И почему, как вы думаете? – спросил Пендергаст.

– Ну, есть несколько вариантов. Первый: их поймали и посадили по какому-то другому обвинению. Второй: один из них или оба были убиты или лишились прежних способностей. Третий: ученик отказался продолжать. – Он замолчал.

– Отказался продолжать, – пробормотал Пендергаст. – Возможно, он был в ужасе от того, что совершил – или его вынудили совершить? Мог ли он бежать от чувства вины? Не превратился ли он во взрослые годы в…

– Брокенхартса! – Колдмун щелкнул пальцами. – Учеником был Брокенхартс.

Но тут ему пришла в голову еще одна идея, ужасающая.

– Если психологический портрет, составленный доктором Марсом, верен и Брокенхартс не может быть старше двадцати пяти, значит ему было не больше четырнадцати, когда его вынудили ступить на этот путь. Может быть, убийства прекратились, потому что… потому что *ученик убил учителя*.

Наступило молчание.

– Но у нас все еще нет ответа на вопрос о мотивации, – сказал Пендергаст. – Что вызвало этот разгул убийств? Я считаю, что ответ нужно искать здесь, в Майами, то есть мы должны определить нулевую жертву, с которой все началось. – Он повернулся к Гроуву. – Я надеюсь, что вы, коммандер, подключите ваших людей и найдете для нас это первое убийство. Оно содержит ответы, которые мы ищем: что стало причиной этого убийственного путешествия и кто эти двое убийц. Так мы сможем выйти на Брокенхартса.

– Сейчас же займусь этим, – ответил Гроув. – Мы отрядим на поиски весь отдел. Обещаю дать вам ответ в течение двадцати четырех часов, если не меньше. Доктор Фоше, если у нас на руках будут подходящие дела, нам потребуется ваша экспертная помощь.

– Звоните в любое время. Я уже сказала, что взяла несколько отпускных дней, но я всегда доступна.

Она еще не закончила говорить, а Гроув уже вскочил со стула и преодолел половину расстояния до двери. Для изящно стареющего мужчины он двигался с удивительной скоростью. Фоше, бросив быстрый взгляд на Пендергаста, исчезла в дверях следом за Гроувом.

Когда эхо их шагов стихло, в комнате воцарилась относительная тишина. Потом Колдмун посмотрел на Пендергаста:

– Вы выяснили все это… и не сказали мне?

– Я сомневался. По правде говоря, я и сейчас сомневаюсь. Версия красивая, признаю, но это всего лишь версия. Мы должны найти то первое убийство в Майами.

– Бьюсь об заклад, вы подозревали что-то подобное уже некоторое время. С каких пор – с Итаки?

– Агент Колдмун, такие прозрения не приходят как по щелчку выключателя. Это бывает только в детективных романах. Скорее, они развиваются медленно, подспудно, как подкожный абсцесс.

– Хорошая метафора.

Колдмун тяжело вздохнул и недоуменно покачал головой, потом потянулся к заднему карману своих джинсов и вытащил оттуда термос.

– Atanikili[47], – сказал он.

Пендергаст слегка наклонил голову:

– Philámayaye[48].

Колдмун удивленно поднял брови:

– О, вы подготовились.

– В сложившихся обстоятельствах это показалось мне неплохой идеей.

– Никогда не помешает узнать что-то новое.

– Верно.

– Или попробовать что-то новое.

Наступила пауза. Пендергаст уставился на термос:

– Возможно.

Колдмун снял колпачок, отвинтил внутреннюю крышку и щедро налил в красный колпачок. Запах жженой резины – тот самый запах, который он любил больше всего на свете, – заполнил комнату. Колдмун протянул колпачок Пендергасту:

– Кофе, напарник?

Еще одна, более длительная пауза. Наконец Пендергаст принял чашку и сделал маленький пробный глоток.

– Цветочный букет ядовитого сумаха первым делом воздействует на твердое нёбо, – объявил он. – Его дополняют нотки дизельного масла и долгое послевкусие аккумуляторной кислоты. – Он протянул колпачок Колдмуну.

– За это я его и люблю, – сказал Колдмун.

Он удовлетворенно закрыл глаза и в один прием проглотил теплое варево.

38

На следующее утро, в шесть тридцать, Колдмуна вырвало из глубокого сна верещание телефона. Недовольно поворчав себе под нос, он ответил.

– Агент Колдмун? Это Гроув. Не смог дозвониться до Пендергаста.

– Какое потрясение, – пробормотал Колдмун.

– Мои команды начали поиск сразу после нашей вчерашней встречи, – отрапортовал Гроув. – Они работали всю ночь. Центр нашего внимания – Майами-Дейд, но на всякий случай мы не сбрасываем со счетов и другие округа Южной Флориды.

– Звучит прекрасно, – сказал Колдмун, пытаясь прогнать сонливость из голоса. – Нашли что-нибудь?

– Они просмотрели примерно две трети материалов, и пока у нас есть три возможные кандидатки. «Возможные» – существенное слово, поэтому я не хочу беспокоить доктора Фоше в такой ранний час. И все же я подумал, а чего тут ждать, и поэтому посылаю полицейского в форме в этот импровизированный офис вашего напарника, чтобы вы посмотрели. Документы будут там приблизительно через полчаса. Полицейский будет ждать, пока вы не появитесь.

– Спасибо, коммандер.

– Да не за что, – со смешком ответил Гроув. – Приятное ощущение – снова покомандовать людьми. Ко второй половине дня мы закончим, и я принесу новые папки, если что-то найдется. А пока буду искать. Нет ничего прекраснее, чем козырять званием «коммандер», чтобы заставлять людей в провинциальных отделениях полиции отказываться от всяких бюрократических отговорок.

Хотя поначалу Колдмун скептически отнесся к фигуре канцеляриста Гроува, но теперь он не мог не признать, что коммандер – эффективный работник и не боится закатать рукава.

После разговора с Гроувом Колдмун позвонил Пендергасту – тот ответил после первого же звонка – и сообщил ему новости. Потом он отправился в кухню, чтобы приготовить отчаянно необходимый ему для функционирования кофе. Он подлил воды и подсыпал кофе в кофейник, простоявший два дня на плитке, потом принял душ и оделся. Проглотил одну чашку кофе, остальное вылил в термос, сел в «мустанг» и направился в «офис». Он прибыл одновременно с копом в форме, забрал у него плотный конверт и понес его в дом. Пендергаст был уже на месте, с бледным лицом изучал карту.

Он повернулся, услышав, как входит Колдмун.

– А, – сказал он, глядя на конверт с печатью полиции Майами в руке Колдмуна. – Давайте посмотрим, что накопали команды доброго коммандера.

Колдмун разорвал конверт. Внутри лежали три папки, потрепанные, с загнутыми уголками, пахнущие пылью и пожелтевшей бумагой. Он положил их на стол.

– Пригласить Фоше? – спросил он.

– Несомненно. Но сначала давайте посмотрим, что у нас есть, а с ней свяжемся, когда поймем, что нам требуется ее экспертное мнение. Ведь формально она все же в отпуске. Гроув обещал вам к концу дня новые дела, может быть, она изучит их все сразу.

Колдмун сел за стол, и Пендергаст сделал то же самое. Он взял себе одну папку, другую подвинул Колдмуну, третью отложил в сторону.

– Хорошей охоты, – пожелал напарнику Пендергаст. – Или, как сказал бы мой друг из нью-йоркской полиции, флаг вам в руки.

Колдмун налил себе немного кофе из термоса, заметив при этом, что Пендергаст еле заметно отпрянул от него. Затем он открыл папку и принялся изучать короткую и грустную историю Кармен Росарио, которую нашли повесившейся на перекладине в кладовке ее квартиры в Эль-Портал. Фотографии криминалистов показывали картину, с которой он теперь был слишком хорошо знаком: задушенная жертва, ее прежде привлекательное лицо покрыто пятнами и опухло, глаза вытаращены, язык торчит изо рта, как здоровенная сигара. Тридцать два года, разведенная, детей нет, за две недели до смерти работала официанткой. Злоупотребляла наркотиками и алкоголем. Мать двумя месяцами ранее умерла от рака.

Он пролистал отчет судмедэксперта. Поднял глаза на Пендергаста – тот сидел напротив и смотрел на него.

– Нашли что-нибудь достойное внимания?

– На мой взгляд, похоже на настоящее самоубийство. Наркотики, алкоголь, жизненный кризис.

– Есть токсикологический анализ?

– Следы алкоголя и опиоидов в крови, но не в таком количестве, чтобы ее убить.

– Недостаточно, чтобы убить, но достаточно, чтобы она перешагнула через свои табу и совершила что-нибудь отчаянное.

– Характер синяков соответствует повешению на связанной петлей простыне. Патологоанатом отметил, что подъязычная кость имеет перелом в центре. Вывод: самоубийство удушением. Никаких указаний на удушение руками.

– А рентгеноскопия?

Колдмун вытащил снимки, посмотрел их на свет:

– Я вижу только перелом в центре. Но знаете, это вполне может быть и снимком седельного одеяла со стеклярусом.

Он подвинул фотографии Пендергасту, тот взглянул на них и отложил в сторону:

– Вряд ли она годится на роль кандидата.

Колдмун закрыл папку.

– А у вас?

– Мне не совсем понятно, почему команда Гроува выбрала это дело. Саманта Казунов, двадцати трех лет, проживала в Саут-Майами-Хайтс. Найдена мертвой в кровати, на шее простыня, связанная петлей и закрепленная на одном из столбиков кровати. Поначалу следствие склонялось к версии убийства, потому что на месте смерти присутствовала другая персона. Но эта другая персона на следующий день сама явилась в полицию и сообщила, что была любовницей умершей и что та умерла от непреднамеренной аутоэротической асфиксии. Это подтверждалось положением тела и другими факторами. Любовница находилась в комнате и выступала в роли наблюдателя,

чтобы Казунов не завела дело слишком далеко, что она, к несчастью, и сделала.

– Покойная была мазодрочером, – сказал Колдмун.

Пендергаст закрыл глаза:

– Агент Колдмун, есть выражения настолько вульгарные, что можно только пожелать никогда их не слышать.

– Извините.

Пендергаст открыл глаза:

– Она явно пыталась спасти подругу. В любом случае тут не убийство и не самоубийство. Эротическая асфиксия чаще встречается у мужчин, чем у женщин, но этим занимаются представители обоих полов. Поскольку мы знаем, что мистер Брокенхартс – мужчина, я думаю, можно исключить бывшую любовницу из списка подозреваемых. Мы можем передать оба этих дела доктору Фоше для более внимательного рассмотрения, но я сильно сомневаюсь, что это нулевая жертва, которую мы ищем.

Пендергаст закрыл папку и положил ее на папку с делом Кармен Росарио.

Они оба посмотрели на ту, что осталась.

Пендергаст предложил:

– Начнем?

Колдмун открыл тоненькую папку оливкового цвета.

– Лидия Вэнс, – прочитал Пендергаст, затем взял справку с биографическими данными. – Жительница Уэстчестера. Тридцать один год, замужем за Джоном Вэнсом, старшим сержантом морской пехоты. Он и обнаружил тело. – Пендергаст пролистал страницы. – Найдена повешенной почти ровно двенадцать лет назад в душе с петлей из простыни на шее. Записки не оставила.

– Кто-нибудь еще из членов семьи есть?

Пендергаст зашелестел бумагами в папке:

– Ни родители, ни братья или сестры, ни дети не названы.

Колдмун тем временем занес имя в стоящий рядом компьютер:

– Джон Вэнс… Джонов Вэнсов во Флориде пруд пруди, но ни один не подходит по адресу. Там в папке есть отчет по аутопсии?

Пендергаст вытащил какой-то документ на бланке с прикрепленными к нему дополнительными страницами:

– Диагноз патологоанатома: самоубийство посредством удушения. – Он просмотрел документ, обнаружил рентгенограмму и поднял ее к свету.

Колдмун подался ближе к Пендергасту, и они вместе стали разглядывать рентгенограмму.

– Простой перелом на теле подъязычной кости, – сказал Пендергаст. – Никаких видимых повреждений рогов или свидетельств удушения руками.

Он убрал рентгенограмму назад в папку и занялся следующими страницами.

– А что ее муж, морпех? – спросил Колдмун. – Тот, который ее нашел?

Пендергаст пролистал бумаги назад:

– Он тогда только что вернулся после двух служебных командировок. Первая – в Ираке, она закончилась преждевременно, так как он получил ранение при взрыве самодельного взрывного устройства. Его перевели на Окинаву – вторая командировка – и приписали к военной полиции морской пехоты. Он вернулся на военном транспорте в Майами и сразу поехал к себе домой, но нашел там мертвую жену. Она повесилась, пока он летел над Тихим океаном.

Наступило короткое молчание.

– Вы можете себе такое представить? – выдохнул Колдмун. – Человек служил для своей страны, побывал не в одной, а в двух служебных командировках – и вот вам пожалуйста, вернулся. – Пауза. – Что там дальше?

Пендергаст вытащил еще несколько страничек из папки и начал их просматривать.

– Похоже, что муж, Джон Вэнс, не согласился с версией самоубийства. Ему довелось прослужить некоторое время в отделе уголовных расследований военной полиции, и он утверждал, что ее убили, а убийство закамуфлировали под суицид.

– Ничего себе! Там не сказано, почему он так думал?

Пендергаст прочел еще страничку:

– Он настаивал на своем, писал письма в полицию, много раз приходил в управление. Он говорил, что у его жены не было депрессий, никогда не наблюдалось суицидальных наклонностей, она не принимала наркотики и предположительно ждала его возвращения. Дело оставалось незакрытым дольше обычного, вероятно как дань уважения вернувшемуся из горячей точки ветерану. Но полиция Майами отказалась изменять причину смерти, утверждая, что аутопсия и данные, собранные криминалистами, с избытком подтверждают версию суицида.

Колдмун посмотрел на последние страницы дела в руках Пендергаста: потрепанные уголки, грязь по краям, поля испещрены заметками от руки – лист за листом на бланках полиции Майами. Жена морпеха покончила с собой накануне возвращения мужа из служебной командировки. С какой стати она стала бы это делать… разве что ей невыносима была мысль, что придется снова жить с ним? Или ее и в самом деле убили?

– У Вэнса были какие-либо убедительные свидетельства того, что ее убили?

– Я ничего такого здесь не вижу. Однако он служил в военной полиции.

– А значит, кое-что понимал в таких делах.

– Пожалуй.

– Что же с ним случилось дальше? – спросил Колдмун.

– Он продолжал давить на полицию. Тут в папке немало свидетельств его активности. Похоже, он ожесточился. Тут есть записка полицейского психолога, в которой говорится, что Вэнс не мог согласиться с правдой. В конечном счете он уехал из города в охотничью сторожку, которая много десятилетий принадлежала его семье.

– И это все?

– Не совсем. – Пендергаст перевернул несколько страниц посвежее внизу стопки. – Он продолжал забрасывать полицию письмами, настаивал на том, что у него появилась новая информация по «убийству» его жены. Наконец два года назад полиция отправила кого-то в сторожку для дополнительного опроса. – Он вытащил лист. – Вот отчет.

– И что там говорится?

– Ничего нового. Вэнс настаивал на том, что это было убийство, но ничего нового не предложил. Полицейский утверждает, что здоровье Вэнса ухудшается и его следует госпитализировать. – Он передал оставшиеся страницы Колдмуну. – Похоже, что последняя беседа была попыткой заткнуть ему рот. И они, вероятно, добились своего, поскольку новых документов в папке нет.

– Два года назад, – повторил Колдмун. – И он все еще продолжал верить, что ее убили.

Пендергаст кивнул.

– Повесилась на петле из простыни. Не оставила записки. Место подходящее. Временны́е рамки подходящие. Муж, бывший военный полицейский, не сомневался в том, что ее убили. Знаете, мне кажется, что она, возможно, и есть наша нулевая жертва.

– Позвольте вам напомнить, что это уже не первый человек, который не верит, что его близкий мог совершить самоубийство.

– Вы имеете в виду Бакстеров. И мы доказали, что они правы.

– Верно. Но в данном случае, если только я чего-то не упустил, в рентгенограмме нет никаких указаний на то, что ее задушили руками.

Колдмун пролистал последние отчеты:

– Если есть хотя бы маленький шанс, что она – нулевая жертва, может быть, стоит начать копать. Спросить этого Вэнса, почему он так убежден в ее убийстве.

– Что он может сказать нам такого, чего не говорил полиции?

– Да вы посмотрите на эту беседу! – Колдмун помахал листком, а потом послал его по столу Пендергасту. – Это же чистая формальность. Копы задали несколько идиотских вопросов – и все. Я думаю, мы должны поехать поговорить со стариком. У нас есть свободное время. Гроув до вечера не принесет нам ничего нового.

Пендергаст молча посмотрел на него.

– Вы не согласны?

– Вовсе нет. Я не хочу сидеть и ждать сообщений о новом убийстве, совершенном Брокенхартсом. Я просто задаю эти риторические вопросы, потому что без нашего друга Акселя машину придется вести вам.

– Вот черт! – Колдмун забыл об этом. – Как, вы говорите, называется это место?

– Небольшой городок с очаровательным названием Кейнпатч. Около шестидесяти миль к западу отсюда.

– Кейнпатч. Вполне предсказуемо[49]. – Колдмун встал. – Мы можем съездить и вернуться за три часа. Сидеть здесь и ждать не имеет смысла. В конце концов, вряд ли там будет жарче, чем здесь.

– Это еще нужно доказать, – сказал Пендергаст.

Он убрал разбросанные листки в папку, взял ее и направился к двери.

39

В своем кабинете без окон рядом с моргом, чувствуя себя немного виноватой из-за того, что она собирается делать, Шарлотта Фоше снова открыла папку-гармошку с надписью «Лори Уинтерс». Она уже тщательно перечитала эту папку, как и папку Джасмин Ориол, но, конечно, она делала это как патологоанатом. Ей не спалось уже вторую ночь. Некоторые пункты в немедицинской части дел заставили ее задуматься. Может быть, причиной этого стали разговоры с Пендергастом и Колдмуном на «конспиративной квартире», где она познакомилась с расследовательской частью работы по поиску убийцы. Может быть, на нее влияла детективная работа. В любом случае теперь, находясь в отпуске (и не имея каких-либо серьезных планов), она решила заглянуть утром в офис и внимательнее изучить дела.

Она начала выкладывать фотографии аутопсии. Уинтерс нашли мертвой, повешенной на перекладине в кладовой придорожного мотеля близ Бетесды. Аутопсию проводил местный патологоанатом, который оказался к тому же – как это ни удивительно – опытным судмедэкспертом. Когда Фоше одну за другой просматривала фотографии, ее поразили уровень исполнения и квалификация этого специалиста.

Проблема, однако, состояла в том, что, несмотря на высокую профессиональную квалификацию, он подошел к аутопсии без малейших сомнений относительно полицейского вывода, который состоял в том, что они имеют дело с явным самоубийством. Отсутствие сомнений не позволило ему задать один вопрос: каким образом при неполном повешении вроде того, что имело место, можно повредить рог подъязычной кости, но не ее тело? Забавно, что вся хирургическая точность в мире не имеет значения, если мозг уже принял решение. Это напомнило Фоше собственные случаи из ранней практики, когда

уверенность полиции и изощренность улик иногда способствовали тому, что патологоанатом приходил к заранее предопределенным выводам.

Интересно.

Она обратилась к полицейскому отчету по «самоубийству». Уинтерс, двадцати четырех лет, ехала по I-95 в качестве фотографа-фрилансера, чтобы сделать фотографии на свадьбе родственника в Массачусетсе. Она добралась до мотеля «Уилдвуд Мэнор» на обходной дороге 495 и зарегистрировалась в мотеле около восьми часов. Уборщица обнаружила тело на следующий день, несколько часов спустя после расчетного часа.

Следователь, сержант Свитсер, был профессионалом и довольно тщательно провел расследование. Он переписал постояльцев мотеля из журнала регистрации, переписал марки машин, их регистрационные номера и всех владельцев, названных ему портье.

Фоше просмотрела беседы с постояльцами. Там не было ничего интересного. Никто не видел и не слышал ничего особенного, и все отчитывались о своих действиях в нормальной, не вызывающей подозрений манере. Никто из постояльцев не заметил, чтобы у Уинтерс были какие-либо посетители. Ночной портье утверждал, что уж он-то заметил бы, потому что любой приезжающий или уезжающий на машине обязательно проходит мимо него.

С помощью гугловской программы просмотра улиц Фоше нашла фасад мотеля, сохранившегося по сей день. Он стоял у шоссе за пределами города, и добраться до него пешком было проблематично. А значит, убийца, вероятно, сам был постояльцем мотеля.

Старый добрый сержант Свитсер опросил шестерых гостей, остальные ко времени приезда полиции уже выписались. Фоше предположила, что убийцы уехали рано утром – зачем оставаться и попадать под следствие? Так что среди тех, кого опрашивала полиция, убийц не было. Еще одна важная ниточка.

Просматривая номера автомобилей, она увидела еще один флоридский номер JW24–99X на универсале «меркьюри-трейсер» 1997 года. Если убийца – житель Флориды, на что намекал Пендергаст на вчерашней встрече, это может быть еще одна ниточка. И в этом была своя логика: если убийцы двигались на север по I-95 в поисках жертв из Флориды, то жертва отыскивалась легко – по флоридскому номеру машины на парковке.

Согласно отчету Свитсера, в книге регистраций владельцем «трейсера» был записан некто Джордж Лихай. С ним в номере остановился его сын по имени Трэвис.

Отец и сын. Мастер и ученик.

Она почувствовала, как по ее спине пополз холодок. Они уехали до появления полиции, и с ними никто не беседовал. Но Свитсер получил их описание от портье. К разочарованию Фоше, описание оказалось поверхностным: у обоих каштановые волосы, оба среднего роста и обычного телосложения, никаких особых примет, кроме того, что оба носили бейсболки майамской команды «Марлинз». Судя по виду сына, Трэвиса, ему было лет пятнадцать.

Фоше отложила отчет и задумалась на секунду. Настоящее ли это имя – Лихай? Почти наверняка они должны были путешествовать под вымышленными именами. Свитсер, похоже, не проводил проверку номеров, и это ее не удивило – ведь речь шла о самоубийстве. Но наверняка в какой-то базе данных есть информация о том, на чье имя была зарегистрирована машина одиннадцать лет назад.

Она взяла визитку Пендергаста и начала набирать номер сотового. Но вдруг остановилась. Нет, нельзя бросать все на полдороге. Конечно, эти потенциальные следы вызывают интерес, но все же они остаются *потенциальными* следами, и ничем другим. Если она собирается стать фрилансером, то как минимум должна пойти путем, которым пошел бы Пендергаст: исследовать оба дела, расставить все точки над «i», поставить все черточки на «t». В конце концов полиция Майами, чья работа в этом и состоит, будет знать, что искать.

Но разве не было бы замечательно, подумала Фоше, если бы она доставила Пендергасту личность Брокенхартса на блюдечке с голубой каемочкой?

Она убрала папку Уинтерс и обратилась к папке, помеченной как «Джасмин Ориол».

40

– Я думаю, велика вероятность, что нас здесь пристрелят, – сказал Колдмун с невеселым смешком, когда они миновали обшарпанный жилой автоприцеп и пять скелетов легковушек среди потрепанных пальметто. – Эти нищеброды вряд ли упустят шанс попытаться захватить «шелби».

– Возможно, – откликнулся Пендергаст. Он снова просмотрел дело Вэнс и засунул его в карман на пассажирской двери. – Но если это вас успокоит, то я готов биться об заклад, что вы их обставите.

Когда они приблизились к крутому повороту, Колдмун перевел конфискованный наркомобиль на пониженную передачу. За тонированными окнами проносился унылый ландшафт – заросли высокой болотной травы, островки густой растительности и деревьев, какой-нибудь трейлер или заброшенные придорожные аттракционы. И везде и всюду каналы застойной коричневой воды, а иногда греющиеся на солнце аллигаторы.

Первые полчаса они ехали в обычной давке майамского трафика. Но по мере их продвижения на запад, мимо гоночных треков, полей для гольфа, трейлерных парков, Колдмун изо всех сил старался расслабиться, забыть о том, что именно он и предложил это утомительное путешествие, и получить удовольствие от езды. Первая часть дороги была ему знакома по поездке в Кейп-Корал, и он тогда еще понял, что у Флориды очень странная планировка: миллионы людей, словно муравьи, жались к береговой линии, а в середине не было ничего, кроме озер, апельсиновых рощ, ранчо и, конечно, болот.

После того как они сделали поворот, Окичоби-роуд понеслась вперед как стрела на плоской местности; над асфальтом на жаре подрагивал сгустившийся воздух, то и дело над поверхностью дороги возникали миражи. Они въехали на территорию болот, где стояли высокие деревья, тянущиеся вверх, с луковичной корневой системой, уходящей под воду, словно клубок змей. Они проехали мимо большого семейства греющихся на солнышке аллигаторов в болотной жиже вдоль обочины: черные и маслянистые, поблескивающие на пятнистом солнце, они лежали, приоткрыв щелочки глаз. Некоторые даже устроились поверх других. Неужели эти ублюдки никогда не закрывают глаза? Колдмуна пробрала дрожь. Господи, как он ненавидел этих тварей, и вдруг оказалось, что они присутствуют везде, где проходит граница обитания человека. Раньше он и представить себе не мог, что во Флориде их такая прорва. Они напоминали гигантских змей с ногами. Колдмун не мог понять, почему кожа аллигаторов стоит таких бешеных денег, если достаточно приехать на болота Южной Флориды и настрелять их, сколько твоей душе угодно.

– Наш поворот примерно через пять миль, – сказал Пендергаст.

Колдмун сверился со своим айфоном. Слава богу, на нем еще оставались две палочки уровня сигнала. Когда они в прошлый раз выехали из города, сигнал пропал почти сразу же.

– Точнее сказать, через четыре и четыре десятых мили, – продолжил Пендергаст. – Потом еще десять до Парадайз-Лэндинг и еще три до Кейнпатча.

– Отлично.

Колдмун, который уже мечтал как можно быстрее провести беседу и повернуть назад, снова нажал на педаль газа и на этот раз выжал девяносто миль. Видавший виды «мустанг» явно предпочитал более высокие скорости: двигатель перешел на ровное урчание, а безвихревой поток воздуха, прижимая их к земле, придавал устойчивость на дороге. Самым заметным указанием на высокую скорость было количество насекомых, размазанных по ветровому стеклу, а время от времени особенно крупный экземпляр оставлял на лобовом стекле громадное желтое пятно.

Поворот появился неожиданно. Никакие знаки на него не указывали, но других поворотов тут не наблюдалось. Колдмун затормозил плавно, но жестко и повернул «шелби» на боковую дорогу. Она началась с выбоин в асфальте, но через несколько миль превратилась в белую полосу молотых устричных раковин. Жилые прицепы и ржавеющие двигатели, которые попадались им прежде, исчезли. Теперь вокруг была только застойная вода, болота, заросшие меч-травой и высокими растениями необычного вида.

– Это Эверглейдс? – спросил Колдмун.

– Насколько я понимаю, съехав с шоссе штата, мы сразу оказались в этом национальном парке.

Колдмун огляделся:

– Представляете, какой путь проделывает этот парень, если ему нужно купить банку пива?

– А за приличным бордо путь, я полагаю, еще длиннее.

Колдмун привык к плоским пустым пространствам, но таким, как прерия в Южной Дакоте. А при виде того запустения, какое представлял собой национальный парк, он испытал странный приступ клаустрофобии, словно его заточили в это бескрайнее море диких зарослей, расширявшееся все больше с каждой остававшейся позади милей.

– И зачем только кому-то жить тут? – пробормотал он.

– Перед нами человек, – ответил Пендергаст, – который был уверен, что его жену жестоко убили. Он был искренне убежден, что это не суицид, но

ему никто не верил, особенно полиция. От него отмахивались, его не замечали, высмеивали как сумасшедшего. Подобный жизненный опыт может сломать кого угодно. Неудивительно, что он решил удалиться от человечества.

– Ну хорошо, но ведь прошло уже двенадцать лет. И вы думаете, что Вэнс все еще там… и жив?

– Два года назад он был еще жив. Скоро мы все узнаем.

– Да. Но вы видели кино «Избавление»?

– Нет.

– Я что хочу сказать: если я услышу игру на банджо, то разворачиваюсь отсюда к чертовой матери[50].

Машина оставляла за собой след белой пыли. Дорога стала еще хуже, и Колдмун сбросил скорость. Дикие заросли сменились бескрайним пространством высокой травы, настолько вытянувшейся вверх, что казалось, будто они едут в зеленой расщелине. Еще через милю перед ними возник темный кипарисовый лес. Он тянулся без конца и без края, становился все темнее и темнее, пока они не оказались посреди унылого болота, на приподнятой грунтовой дороге, бегущей среди массивных кипарисовых стволов и густого кустистого подлеска. Здесь снова повсюду на редких солнечных пятнах сверкали грязные спины аллигаторов.

– До Парадайз-Лэндинг еще полторы мили, – сказал Колдмун, посмотрев на экран телефона.

Две палочки сигнала сократились до одной. Прошло еще несколько минут, и теперь солнце едва пробивалось сквозь кроны деревьев. Потом дорога сделала поворот и пошла вдоль широкого канала. Лес открылся, обнажив выжженный зеленый ландшафт с несколькими просевшими мостками, уходящими в воду, ветхим магазином и двумя ржавыми бензоколонками под металлическим навесом. За мостками Колдмун увидел параллельные полосы когда-то мощенного бульвара с фонарными столбами и рядами недостроенных домов – бетонными коробками, брошенными до завершения строительства. В ближнем к ним окончании бульвара лежали несколько каяков из выцветшего стекловолокна, они были связаны вместе и имели сомнительную плавучесть. Облезший знак гласил: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПАРАДАЙЗ-ЛЭНДИНГ».

Машина остановилась, и они вышли. Колдмун настороженно огляделся, нет ли поблизости аллигаторов, но если они и были, то лежали,

погрузившись в воды канала. Со столбиков на мостках взлетели две цапли.

– Похоже на один из неудачных флоридских проектов, о которых много писали. – Колдмун снова посмотрел на телефон. – До Кейнпатча еще три мили. Но дорога, похоже, кончается здесь.

Пендергаст ничего не сказал, просто посмотрел вдаль на коричневую воду канала.

– После вас, старина.

Пендергаст, по-прежнему не произнося ни слова, пошел к мосткам. Колдмун последовал за ним. К одной из тумб была причалена небольшая алюминиевая лодка с воздушным винтом.

– Здесь явно кто-то все еще бывает, – сказал Пендергаст. Он нагнулся и осмотрел лодку. – И ключи в замке зажигания. Как удобно.

– Вы собираетесь ее угнать? – спросил Колдмун.

– Мы имеем право реквизировать ее, – ответил Пендергаст. – Но в этом нет необходимости.

Он кивнул в сторону потрескавшейся деревянной таблички, на которой краской было начертано:

ПРОКАТ АЭРОЛОДКИ.

10 ДОЛЛАРОВ В ЧАС, 50 ДОЛЛАРОВ В ДЕНЬ.

КАНИСТРА БЕНЗИНА 20 ДОЛЛАРОВ.

– Поразительное доверие, – заметил Колдмун.

– Сомневаюсь, что кому-нибудь придет в голову проделать такой путь, чтобы угнать столь специализированное транспортное средство.

Колдмун прокричал приветствие – раз, другой, но иного ответа, кроме жужжания насекомых, они не дождались.

Пендергаст засунул руку в карман своего черного костюма (Колдмун давно уже перестал спрашивать себя, как Пендергаст может носить такой

костюм в условиях флоридской жары и влажности), вытащил бумажник, достал из него купюру в сто долларов, нанизал ее на ржавый гвоздь, торчащий из столбика, и показал на лодку:

– Чувствуйте себя как дома.

41

Фоше уже видела дело Джасмин Ориол и знала, что оно гораздо более поверхностное, чем дело Лори Уинтерс. Тело Ориол нашли в мотеле близ Саванны в штате Джорджия. Дело вел не судмедэксперт, а избранный коронер округа, не имевший звания доктора медицины, и он передал аутопсию на откуп интерну из местной больницы. Возможно, этот интерн впервые проводил реальное вскрытие, и у него получилось нечто несуразное. Фотографии были непрофессиональными и недоэкспонированными. Отчет, их сопровождавший, почти не имел практической пользы. Ни одна из фотографий подъязычной кости не имела достаточной резкости, чтобы можно было разглядеть что-либо существенное. Токсикологический анализ указывал, что, как и в случае с Уинтерс, в крови не обнаружено ни алкоголя, ни наркотиков. И этим дело практически исчерпывалось. Фоше покачала головой, собрала фотографии и убрала их в папку вместе с отчетом коронера. Без эксгумации ей оставалось только принять на веру сведения о переломе рогов подъязычной кости. Но теперь ее опять заинтересовала не медицинская сторона вопроса, а вероятность того, что полицейский, проводивший следствие, как и в случае с Лори Уинтерс, записал регистрационные номера машин постояльцев.

Она перешла к полицейскому отчету. Джасмин Ориол отправилась повидаться с женихом, ее путь лежал из Майами в Нью-Йорк, где тот учился в университете на доктора. Это была первая ночь ее путешествия через всю страну. Флорида – длинный штат, к тому же Джасмин могла поздно выехать; как бы то ни было, она проехала всего ничего.

К разочарованию Фоше, следователь не скопировал журнал регистраций, не привел ни имен постояльцев, ни регистрационных номеров их машин. Но хотя бы нашлась запись беседы с портье мотеля – человеком по имени Уитон, который страстно хотел помочь следствию: запись заняла четыре страницы, напечатанные через один интервал между строками.

Фоше начала читать. По словам портье, Ориол приехала около шести часов вечера, попросила порекомендовать ей ресторан и ушла поесть на другую сторону улицы. Уитон видел, как она вернулась около половины восьмого. Она подошла к нему в восемь, спросила, сможет ли она утром воспользоваться феном для волос. Портье не заметил ничего необычного

– она казалась веселой, сказала невзначай несколько слов о своем женихе.

На следующее утро он удивился, когда она не встала пораньше: ему казалось, что она хочет как можно скорее пуститься в путь. Но забеспокоился он только к полудню, когда отправил в ее номер горничную. Услышав крик, он прибежал и увидел, что женщина повесилась на потолочном вентиляторе, выбив из-под себя стул. С этого места портье продолжал и продолжал говорить, сетовал на трагедию и на ее влияние на бизнес, говорил, что никогда прежде такого не случалось и зачем ей было спрашивать про фен, перед тем как покончить с собой в таком уважаемом месте, и так далее практически без перерыва, пока полицейский, допрашивавший его, не пресек этот поток.

Но вопрос был хороший: зачем спрашивать про фен, собираясь воспользоваться им утром, а после этого повеситься? Фоше знала про спонтанные суициды еще со времени учебы. Почти всегда их причиной становятся наркотики или алкоголь. Но токсикологический анализ ничего такого не показал.

К делу был приложен текст допроса горничной – всего пол-листа. Фоше прочитала – истерическая невнятица.

Она откинулась на спинку стула, поджав губы. Если бы полицейский удосужился переписать модели автомобилей постояльцев с регистрационными номерами, то она бы знала, ночевал ли в мотеле тот самый владелец «меркьюри-трейсера» с флоридскими номерами. Интересно, а существует ли этот отель до сих пор? Быстрая проверка по «Гуглу» показала, что такого отеля больше нет.

Фоше вернулась к папкам по трем другим убийствам, которые все еще лежали на краю стола: Бакстер, Флейли, Адлер. Ни в одном из этих дел полицейский не проявил такого тщания, как в Бетесде, – никаких списков моделей и регистрационных номеров машин. Но с другой стороны, а с чего бы им там быть? Все три убийства считались суицидами.

Однако флоридский номер машины из мотеля, в котором убили Уинтерс, у нее был. Ладно, пришло время звонить Пендергасту. Он за десять секунд пробьет этот номер.

Фоше набрала номер Пендергаста, но система тут же отправила ее в голосовую почту. Она позвонила Колдмуну – с тем же результатом. Она набрала номер майамского ФБР, и после многочисленных отсылок от одного к другому ей сообщили, что местонахождение агентов

Пендергаста и Колдмуна неизвестно, но, вероятно, они работают где-то на земле.

У Фоше был брат Моррис, он служил во флоридском дорожном патруле в Джексонвилле. Может, ему удастся узнать, кому принадлежал номер. Она набрала телефон брата.

– Привет, сеструха, – ответил ей низкий голос.

Фоше облегченно вздохнула. Она объяснила, что ей нужно и зачем. После долгой паузы Моррис сказал:

– Сестренка, пусть этим занимаются ребята из ФБР.

– Послушай, Моррис…

– Я знаю, ты в детстве подсела на «Шпионку Гарриет». Но ты все-таки патологоанатом, а не детектив.

Она пала духом:

– Я не могу дозвониться до «ребят из ФБР».

– Тогда звони в убойный отдел полиции.

Фоше не хотела отдавать им такую наводку; только Пендергаст сумеет сложить воедино все части этого пазла.

– Ты можешь мне просто назвать имя? Тут у нас действует серийный убийца, и не исключено, что он в любой момент убьет еще кого-нибудь.

– Тем больше оснований предоставить это профессионалам. – Протяжный вздох. – Я тебя люблю, сестренка, но извини. Такие проверки в последнее время фиксируются – ты же не хочешь, чтобы меня уволили?

Она не ответила, выжидая.

– Знаешь, – сказал наконец Моррис, превозмогая себя, – по флоридскому акту об открытом правительстве теперь все имеют допуск к базе данных полиции. Номер ты пробить не сможешь, но зато найдешь упоминания о происшествиях, случаях задержания пьяных водителей, о прочей уголовщине.

Фоше поблагодарила его и попрощалась. Положив трубку, она задумалась.

Убийства прекратились после Итаки. Пендергаст высказал предположение, что убийства прекратились, потому что убийца или убийцы умерли. А Колдмун развил эту версию, сказав, что ученик мог убить учителя. Существовала вероятность и других вариантов: какой-нибудь несчастный случай, например дорожно-транспортное происшествие, которое положило конец этому разгулу убийств.

Что ж, надежды было мало, но все же стоило попытаться проверить, не попал ли регистрационный номер из Бетесды в какое-нибудь происшествие после убийства в Итаке.

Она вошла в компьютерную систему морга и пробралась по лабиринту правительственного меню до открытой базы данных полиции. Потыкалась туда-сюда, наконец вышла на поисковую страницу базы данных и набрала там интересующий ее регистрационный номер и временны́е рамки запроса.

Опа!

Универсал «меркьюри-трейсер» 1997 года с регистрационным номером JW24–99X попал в ДТП со смертельным исходом на федеральной трассе I-81 к югу от Скрантона, штат Пенсильвания, в марте 2007 года… всего через неделю после убийства в Итаке.

Фоше быстро отыскала в Интернете местную статью о происшествии. Сообщение было коротким: машина съехала с шоссе, пробила ограждение и скатилась вниз. Зарегистрированный владелец машины, человек по имени Джон Блут Вэнс, погиб при аварии. Его четырнадцатилетний сын Рональд попал в больницу с серьезными травмами. Причина происшествия «выясняется».

И все. Больше никаких упоминаний о смерти Вэнса, происшествии или дальнейшей судьбе его сына. Рональд Вэнс как будто исчез, если, конечно, та авария все-таки не прикончила его.

Фоше чувствовала, как колотится ее сердце. Наверняка это то самое. Да, свидетельств было маловато – ей удалось привязать машину только к одному месту убийства, – но дата и место аварии совпадали со временем неожиданного окончания убийств… как и предполагал Пендергаст.

Убийства прекратились после Итаки, потому что авария со смертельным исходом пресекла это жестокое путешествие. И это еще не все. Команда, состоящая из отца и сына, путешествовала под вымышленными именами. Они ехали в машине с флоридскими номерами. И они ночевали в том самом мотеле и в тот самый день, где и когда убили Лори Уинтерс.

Сыну, Рональду Вэнсу (он же Трэвис Лихай), теперь двадцать четыре года, может быть, двадцать пять лет. Если она права, то этот четырнадцатилетний паренек был насильственно вовлечен в серию жестоких убийств, которая, как предположил Пендергаст, завершилась последним убийством в Итаке, незадолго до того, как его отец погиб в дорожной катастрофе.

По какому-то наитию Фоше провела метапоиск по медицинским базам данных, имеющимся в ее распоряжении. В районе Майами ничего не обнаружилось, поиск по всему штату Флорида тоже не принес результатов. Но когда она провела поиск по всей стране, обнаружился некий Рональд Вэнс, двадцати четырех лет, выпущенный в сентябре прошлого года из Центра содержания хронических больных имени короля Пруссии. Копнув еще глубже, Фоше обнаружила, что за девять месяцев до этого Вэнс был переведен в центр из больницы штата Пенсильвания в городке Паудер-Вэлли, близ Аллентауна.

Она быстро установила, что больница в Паудер-Вэлли специализируется на долгосрочной реабилитации неврологических травм. И, как и Центр короля Пруссии, находится недалеко от Скрэнтона. Если Рональда Вэнса приняли в Паудер-Вэлли как несовершеннолетнего, то данных о нем нет в открытом доступе. Вот почему она видела только недавние даты перевода и выписки.

Неудивительно, что у парня в голове каша: отец вовлек его в чудовищное путешествие, затем он серьезно пострадал в автокатастрофе. Более того, он получил травму головного мозга, и на восстановление потребовалось десять лет. Если, конечно, он восстановился… а что, если у него развился психоз, который казался тем, кто его выхаживал, всего лишь проявлением травмы?

Все было логично. Рональд Вэнс – Брокенхартс. Его выпустили из центра лечения хронических заболеваний семь месяцев назад, за полгода до начала новой серии убийств. Теперь он пытается искупить те прошлые убийства… искупить, убив еще больше людей! Вот он, мотив, хотя и безумный.

Фоше глубоко вздохнула. Конечно, расследование должно продолжиться. Но ей собственные выводы казались верными.

Она чувствовала себя на седьмом небе.

Включив в телефоне программу поиска людей, она набрала «Рональд Вэнс, Майами». Ей понадобилось всего десять секунд на поиск.

Имя:

Рональд С. Вэнс

Возраст:

24

Адрес:

203 Тарпон-Корт

Голден-Глейдс, Фл. 33169

Черт побери, нашла! Значит, она действительно попала в точку.

Голден-Глейдс – это где? Фоше подтянула к себе клавиатуру, набрала адрес, и перед ней на экране появились бесконечные просторы Майами. Вот оно: примыкает к Норт-Майами-Бич, всего в нескольких милях от конспиративной квартиры Пендергаста. И недалеко от того места, где было оставлено первое сердце.

В получасе езды. А может, и меньше при нормальном движении на дороге.

Фоше снова попыталась позвонить Пендергасту и Колдмуну, но вызовы по-прежнему переправлялись на голосовую почту.

Она опять вернулась к проверке своих логических рассуждений, делая это медленно, без спешки. Возможно ли, что она не ошиблась? Может ли Рональд Вэнс оказаться мистером Брокенхартсом и неужели он в самом деле живет на расстоянии короткой поездки?

Фоше уставилась на экран и выведенную на него карту: маленькая красная стрелочка мигала над улицей под названием Тарпон-Корт.

42

Вблизи аэролодка оказалась еще меньше, чем выглядела издалека. Нос вытянут вверх, как у десантных катеров времен Второй мировой. В лодке имелось два места – одно за другим, оба на возвышении. Большой пропеллер сзади был подключен к двигателю «Лайкоминг» мощностью в девяносто лошадей и помещен в проволочный защитный корпус. Колдмун постучал по канистре – полная.

– Вы когда-нибудь водили такие штуки? – спросил у него Пендергаст.

– Нет, – ответил Колдмун.

– Тогда вам предоставляется прекрасная возможность попробовать. Хотите сесть за штурвал?

– Я бы предпочел воздержаться. Я… мм… не люблю воду.

Он почувствовал на себе изумленный взгляд Пендергаста.

– Я и сам не в особом восторге от этого вещества, по крайней мере в больших, застойных, грязных водоемах. Но если вы не возражаете, я бы предпочел роль проводника и дозорного.

– Позвольте угадать. Если я снова возражу, вы мне напомните, кому пришла в голову идея побеседовать с Джоном Вэнсом.

Бормоча что-то себе под нос по-лакотски, Колдмун спустился в лодку, подошел к штурвалу и осмотрел его. Все казалось предельно простым: ключ, педаль газа, коробка передач с нейтральным, передним и задним положением рукоятки. И еще запорный краник на очевидном шланге подачи топлива. Колдмун сел на переднее сиденье, открыл краник и повернул ключ. Двигатель завелся практически немедленно.

– Готовы отчаливать? – спросил Пендергаст.

– А у меня есть выбор?

Пендергаст отшвартовал лодку, перелез через борт и оттолкнулся от мостков ногой в модной туфле.

Когда Колдмун перевел рукоятку в положение «вперед» и нажал на педаль газа, пропеллер соединился с шелестом ветра, и плоскодонка рванулась вперед. Колдмун осторожно вырулил в русло основного канала. Пендергаст тем временем вытащил из кармана пиджака карту, сложенную до примечательно малых размеров. «Неудивительно, что он пожелал быть проводником», – подумал Колдмун, спрашивая себя, не в магазине ли магических принадлежностей приобрел Пендергаст свой костюм с бездонными карманами.

– Кейнпатч почти ровно в трех милях на юго-востоке, – сказал Пендергаст.

Колдмун достал смартфон, чтобы свериться с навигатором:

– Сигнал обнулился. Чего и следовало ожидать.

– Поэтому у нас есть карта. – Пендергаст развернул ее резким движением, и она раскинулась до угрожающих размеров. – Держите курс на два-ноль-ноль десять градусов.

– И как, черт возьми, я должен это делать? Я никогда не сидел за штурвалом лодки. Из всех видов транспорта предпочитаю лошадь, а на них обычно навигаторов нет.

Пендергаст показал на маленький компас, встроенный в сердцевину штурвала:

– Разверните лодку так, чтобы компас показывал на два десять. А потом езжайте прямо.

– Так я и знал.

Колдмун развернул лодку так, чтобы компас показывал куда надо. Каналов среди кипарисов было немало, и они могли беспрепятственно двигаться в нужном им направлении.

– Какая у нас скорость? – спросил Пендергаст.

– Мм... восемь миль в час.

– Если не будет препятствий или задержек, то через двадцать минут доберемся до Кейнпатча.

Вода была спокойная, и движение лодки создавало освежающий ветерок. Но грохот стоял как в аду, даже громче, чем от «шелби». Колдмун старался держать лодку в направлении, указанном компасом. Время от времени они проплывали мимо грязевого холмика, на котором непременно присутствовали аллигаторы – один, а то и два. Один раз Колдмун увидел змею, которая, извиваясь, плыла по своим делам.

Они продвигались через мангровые заросли, и шум двигателя делал разговор совершенно невозможным. Над головой деревья соединялись друг с другом, образуя экзотический полог, погружавший в полутьму рукав, по которому они двигались. Колдмуну казалось невероятным, что кому-то могло прийти в голову жить здесь. И чем дальше они продвигались, тем сильнее становилась его уверенность в том, что они никого не найдут. Аэролодка, которую они взяли в аренду, вероятно, предназначалась для рыбаков или кого-то в таком роде. А этот тип Вэнс либо умер, либо вернулся в цивилизацию – кто тут может прожить десять лет и не сойти с ума?

– Вот мы и прибыли, – сказал Пендергаст.

Впереди в сумраке Колдмун разглядел мостки, перпендикулярные берегу. За ними поднималась твердая земля, а кипарисы уступали место дубовому лесу над плотным ковром папоротников.

На подходе к мосткам Колдмун сбросил скорость. Впереди за стволами деревьев виднелся на пригорке большой деревянный дом с верандой, охватывающей его по периметру. Дом имел ужасно ветхий, но в то же время и обитаемый вид. Колдмун не мог понять, с чего он так решил: здесь не гудел генератор, не шел дымок из трубы, на крыше не торчала тарелка. Если здесь кто-то и жил, то, скорее всего, бродяги.

Он неумело встал на стоянку, сильно ударившись бортом о мостки. Пендергаст выпрыгнул и привязал лодку к столбику, а Колдмун заглушил двигатель.

– С элементом неожиданности у нас не получилось, – сказал Колдмун, показывая большим пальцем на громадные пропеллеры, замедляющие вращение в своем проволочном корпусе.

Пендергаст посмотрел на Колдмуна:

– Я бы не стал готовить неожиданности для человека того сорта, что предпочитает обитать здесь.

Колдмун постучал себя по карману, где лежал его пистолет:

– Вы говорите про старых пердунов, которые сначала стреляют, а потом задают вопросы?

– Именно так.

– Наверное, поэтому вы и посылаете меня вперед.

Они остановились на мостках, разглядывая дом. Узкая песчаная тропинка вела с маленькой полянки через папоротники по деревянному мосту и вверх на холм. На мосту висел какой-то знак.

Пендергаст приложил руки рупором ко рту:

– Эгей!

Молчание.

– Лодки у мостков не было, – сказал Колдмун. – Может, никого нет дома?

– Эгей! – крикнул еще раз Пендергаст. – Джон Вэнс!

До них донесся слабый неразборчивый голос. Колдмун снова прищурился, глядя на дом, но никого не увидел.

– Идем.

Они пошли по длинной тропинке и скоро оказались у моста, знак на котором предупреждал неровными буквами:

ОПАСНО!!

Дальше не ходить!

Пендергаст остановился и крикнул:

– Это ФБР! Мы хотим увидеть вас и задать несколько вопросов!

Голос ответил что-то, пронзительно и взволнованно, но по-прежнему неразборчиво.

Колдмун еще раз посмотрел на знак. Тропинка здесь разветвлялась: одна ветка шла через мост, который и в самом деле казался сгнившим и опасным, а другая петляла среди папоротников.

Новый крик сверху.

– Это крик о помощи? – спросил Колдмун.

– Похоже на то.

– Мистер Вэнс! – прокричал Колдмун. – Вам нужна помощь?

Он не стал заходить на мост, а пошел по песчаной тропинке.

– Слава богу, – раздался слабый голос. – Помогите мне, я порезался бензопилой!

Голос вроде бы доносится из дома, но точное направление трудно было определить из-за множества деревьев. Колдмун прищурился, вглядываясь в клубок зарослей.

– Черт, я его вижу! Седоволосый мужик на веранде!

– Пожалуйста, помогите! – прозвучал голос, уже слабее. – Помогите!

– Господи милостивый! – Колдмун прибавил шагу.

– Не спешите, – сказал Пендергаст, хватая его за руку.

– Скорее, я истекаю кровью!

Колдмун стряхнул руку напарника и перешел на бег.

– Стойте! – крикнул Пендергаст. – Мы не знаем…

Но он так и не закончил фразу, а для Колдмуна происходящее приобрело какой-то сюрреалистический оборот: папоротники под его ногами просто раздались, земля разверзлась и они оба с поразительной скоростью провалились в темную бездну.

43

Район Голден-Глейдс был разбит на квадраты, застроенные домами в стиле ранчо и окруженные неухоженными лужайками и клочками земли. Занюханные веерные пальмы нарушали монотонный марш домов. Вдоль улиц стояли мусорные бачки: зеленые для всякой дряни, синие для отходов на переработку – тут явно был день мусора.

Фоше решила проехать мимо дома – и больше ничего, – чтобы посмотреть, есть ли в нем кто-нибудь. Она не видела в этом никакого вреда и уж точно никакой опасности. Проехать мимо, посмотреть, потом сообщить Пендергасту. Конечно, при условии, что ей удастся до него дозвониться.

Она свернула на Тарпон-Корт – изгибающуюся заасфальтированную улицу, выглядевшую менее процветающей, чем ее соседи. Некоторые дома были заколочены, а на фасадах других красовались пестрые граффити. Мелькали номера домов слева от Фоше: 119, 127, 165, 201. Наконец вот он, 203-й.

Фоше сбросила скорость. Дом, отделанный выцветшей желтой штукатуркой с белой каймой, стоял в глубине улицы, и вид у него был еще более захудалый, чем у остальных. Полумертвый дуб закрывал панорамное окно на фасаде, рядом с ним на заросшем сорняками газоне ржавела газонокосилка. Клочки августиновой травы в переднем дворе, примятые недавними дождями, выросли почти до футовой высоты.

Фоше проехала мимо на самой низкой скорости, какую могла себе позволить, добралась до конца квартала и приготовилась к развороту. В том месте, где ее невозможно было увидеть из дома, она остановилась на несколько секунд, чтобы еще раз позвонить Пендергасту. Безрезультатно. Она поехала дальше, придумывая историю на тот

случай, если ее остановит какой-нибудь любопытный сосед. «Ищу дом тетушки. Реба Джонс ее зовут». Впрочем, вряд ли ее кто-то остановит и начнет задавать вопросы, тем более с учетом того, что она за рулем «лексуса» последней модели. А может, такая машина выглядит в подобном квартале еще подозрительнее. Но в любом случае чем больше она думала, тем глупее казалась ей выдумка «ищу тетушку». Ей требовалось что-то получше.

На последнем перекрестке она свернула за угол, а потом снова выехала на Тарпон-Корт. Что, если Брокенхартс сейчас выслеживает очередную жертву? А что, если он убежал, оставив полный дом улик? В последнее время он затаился, это правда. В ее голове зазвучали предостерегающие слова брата: «Предоставь это профессионалам». Что ж, она тоже профессионал. Судебный патологоанатом со степенью доктора, а в придачу детектив… во всяком случае, что касается человеческих тел. Она даже разгадала личность Брокенхартса, нашла его адрес. По крайней мере, так она думает.

Фоше во второй раз приблизилась к дому. В последний раз, решила она. Объезжать квартал в третий раз – нет, об этом и речи быть не может, так что все свои открытия она должна сделать сейчас.

Или, может… ну просто, может… ей следует остановиться и нажать кнопку звонка.

И под каким предлогом? Она вспомнила что-то, бросила взгляд на заднее сиденье… и, конечно, словно дар Господень, там лежали брошюрки «свидетелей Иеговы», которые ей всучила на парковке какая-то исполненная благих намерений душа, когда Фоше уезжала с работы два дня назад. Идеально.

Она набралась мужества и, представляя себе реакцию Пендергаста – и посрамление доктора Моберли, – если она принесет свое расследование на блюдечке с голубой каемочкой, смело въехала на подъездную дорожку дома 203 на Тарпон-Корт, взяла брошюрки, вышла из машины, пока не передумала, потом приблизилась к двери и нажала кнопку звонка.

Тишина.

Дверь была такая же убогая, как и весь дом, с наружным фонарем в форме совы и двумя маленькими окошками с треснувшими стеклами на самом верху. Приложив ухо к двери, Фоше снова нажала кнопку проржавевшего замка. По-прежнему ни звука изнутри, – вероятно, звонок сломан.

Она постучала. Подождала. Постучала еще раз – смелее. С распухшей от влаги двери посыпались чешуйки отслоившейся краски.

Она не слышала внутри никакого движения, никакого звука – ничего. Дом по всем признакам пустовал. Что теперь? Жалюзи были опущены, их края тронула плесень. Увидеть, что там внутри, невозможно.

Какого черта?.. С брошюрками в руке она обошла дом по высокой влажной траве. У задней двери остановилась. Здесь ее не было видно ни из одного дома по обе стороны улицы. Постучать? Если он ответит, то как она объяснит свое присутствие у задней двери? Нет, не надо делать глупостей. Фоше шагнула назад. И еще раз.

С другой стороны, он не осмелится что-то сделать с ней – не в своем же собственном доме. Это не его modus operandi. Если только она и в самом деле нашла Брокенхартса.

Да нашла она его. Разве нет?

«Предоставь это профессионалам».

Это все и решило. Фоше вздохнула, снова подошла к двери, замерла на секунду, потом громко постучала. Под давлением ее пальцев дверь – незапертая дверь – скрипнула и отошла на дюйм. Фоше не смогла удержаться, подалась вперед и заглянула в щель. Внутри, в прихожей, на крючке вешалки висела старая бейсболка «Марлинз».

44

Их словно поглотила сама мать-земля, с внезапным утробным стоном, путаницей папоротника и порывом влажного ветра. Колдмун рухнул вниз, но его падение было остановлено: что-то подобное стальному тросу неожиданно ухватило его, когда лавина земли начала стихать. Кашляя и задыхаясь, он выплюнул песок изо рта и тут понял, что его спас Пендергаст, который теперь держал его за руку на крутом песчано-земляном склоне, заканчивающемся далеко внизу водоворотом грязи.

Другой рукой Пендергаст держался за толстый корень.

– Закрепитесь, – сказал он. – Найдите опору.

Колдмун пошарил свободной рукой по зыбкой стене земли, нашел другой корень, затем сумел нащупать ногами какой-то выступ и опереться на него. Рокот стих, стенки ямы вроде бы стабилизировались, но ее кромки все еще продолжали обрушаться, роняя на них, зацепившихся за крутой склон, папоротники.

– Землетрясение? – спросил Колдмун.

– Провал грунта, – ответил Пендергаст.

Демонстрируя недюжинную силу, он сумел дотянуться до корня повыше. Песчаная почва продолжала обрушаться по периметру.

Колдмун, следуя примеру Пендергаста, тоже нашел корень повыше. Он врылся носками в землю, чтобы иметь хорошую опору.

– Я могу карабкаться, – сказал он, и Пендергаст отпустил его.

Склон был крутой, но не вертикальный, из него торчало множество корней, и Колдмун использовал их как опору для ног и рук, а земля продолжала осыпаться, залепляя ему глаза и рот, иногда вынуждая отступить на шаг. Обрушение, может быть, и прекратилось, но все равно было такое ощущение, будто они пытаются подняться по склону осыпающейся дюны: несколько футов вверх, потом почти столько же вниз, из-за того что песчаный склон трескался, крошился и обрушался. И тем не менее через считаные минуты Пендергаст добрался до края ямы. Колдмун не отставал, он тяжело дышал, сплевывая песок и землю. Когда его голова и плечи поднялись выше уровня земли, он увидел поломанные папоротники, завалившие тропинку по ту сторону провала, и ветхий дом поодаль. Пожилой человек на веранде все еще пытался подняться.

– Помогите! – снова прокричал человек.

Внезапно воздух задрожал от резкого треска. Одновременно Колдмун ощутил толчок, словно кто-то с огромной силой ударил его в спину. С неизмеримым удивлением он понял, что в него стреляли. Боли он не почувствовал, но неожиданно потерял силу, его пальцы разжались, и он полетел спиной назад. Несколько секунд – и он плюхнулся в темную застойную воду, которая немедленно сомкнулась над ним, и мир почернел.

45

Пендергаст выбросил вперед руку, пытаясь снова ухватить Колдмуна, но агент, раненный в спину, уже был вне пределов его досягаемости. Цепляясь за корень у самого верха ямы, Пендергаст посмотрел вниз и увидел, как Колдмун долетел до воды и мигом исчез в мутном водовороте.

Прозвучал второй выстрел, и Пендергаст ощутил сильный удар по земле рядом с головой. Собрав все силы, он подтянулся на руках, перевалил

через край ямы и перекатился в папоротники. Одновременно прогремел третий выстрел, пуля рассекла листву над его головой, и он нырнул за дуб. Было ясно, что стрельба ведется откуда-то из дома, скорее всего со второго этажа. Пендергаст обшаривал взглядом фасад в поисках стрелка, когда прогремел новый выстрел и голова человека, корчившегося на веранде, исчезла в брызгах красного и серого.

Пендергаст достал свой «лес-баер» (обнаружив при этом, что во время падения потерял резервный «глок») и затаился за деревом. Досчитав до восьми, он выглянул на мгновение и снова спрятался. Все было тихо. Стрелка он не увидел. Колдмун оставался на дне ямы, раненный.

Еще раз выглянув из-за дерева, Пендергаст выпустил две пули в сторону дома, после чего под прикрытием папоротников пробрался к кромке ямы. Он не увидел ничего, кроме лент песка и земли, продолжающих сползать вниз по краям ямы. От Колдмуна не исходило ни звука.

Предвидя очередной выстрел, Пендергаст бросился в укрытие под узловатые ветви старого дуба. И в этот момент прогремел еще один выстрел, на сей раз пуля прошла совсем близко – порвала плечо его пиджака. Но ему удалось засечь вспышку в окне спальни на верхнем этаже дома. Убив человека на веранде, стрелок перебрался наверх, чтобы иметь лучший сектор обстрела. У него, вероятно, была винтовка с оптическим прицелом, и он явно умел ею пользоваться.

Прижавшись спиной к дереву и тяжело дыша, Пендергаст обдумывал ситуацию. Он услышал еще два выстрела, задумался на мгновение, куда может стрелять этот человек, но тут услышал глухой треск взрыва и увидел столб огня, поднимающийся со стороны мостков. Стрелок уничтожил их аэролодку.

Было совершенно очевидно, что они попали в ловушку. Но как такое возможно? Кто мог знать о том, что они собираются сюда? Они сами узнали об этом месте только сегодня утром. Мысли Пендергаста метались. Стрелок подготовил засаду заранее. Это означало, что за ними не шли по следам; засаду мог устроить только тот, кто знал, что они будут читать дело по самоубийству/убийству Вэнс. Этот человек знал, что они увидят адрес Вэнса. А дальше нетрудно было догадаться, что они пожелают поговорить с этим человеком.

Существовала, конечно, и другая вероятность: Джон Вэнс мог быть мистером Брокенхартсом и они застали убийцу в его логове. Но в таком случае кто тот старик, что лежит мертвым на веранде?

Пендергаст понимал, что у него есть считаные секунды, чтобы составить план действий. Движение в любом направлении подставит его под пули.

Стрелок находился приблизительно в сотне ярдов от него, а значит, за пределами прицельной стрельбы из его пистолета 1911 года, если исключить вероятность удачного выстрела. А в ходе перестрелки он будет убит задолго до того, как удача улыбнется ему.

Чтобы выровнять шансы, Пендергаст должен подобраться к стрелку поближе, на расстояние прицельной стрельбы его пистолета. И сделать это надо как можно скорее.

Он выскочил из-за укрытия и бросился к дому. Прозвучал еще один выстрел, и Пендергаст укрылся за другим деревом. Между ним и домом оставалось открытое пространство. Ему нужно обойти дом кругом и подобраться сзади, где заросли плотнее.

Но именно этого и ждет стрелок.

Основываясь на своем опыте охотника за крупной дичью, Пендергаст решил, что должен последовать примеру африканского буйвола: бежать, выманивая стрелка из дома и вовлекая его в погоню. А потом сделать круг и атаковать со спины.

Островок был довольно узкий. Чтобы зайти сзади, придется спуститься в воду.

Пендергаст быстро выкатился из укрытия и, открыв огонь на подавление в сторону окна спальни, побежал зигзагами назад к тропе, ныряя от дерева к дереву. Звучали выстрелы, и он отвечал огнем, хотя и почувствовал, как потянуло его ногу в бедре перед последним поворотом к мосткам. Аэролодка горела, посылая вверх клубы черного дыма, образующего поле укрытия. Пендергаст потратил секунду, чтобы осмотреть рану: задеты были только мышцы, кость и артерии целы. Он спустился в воду, почувствовал жжение в том месте, где пуля задела ногу, и побежал дальше, пригнувшись. Вода была мелкая, но илистое дно не позволяло бежать быстро. Еще один выстрел прозвучал из-за деревьев, когда он находился у конца мостков, ил на дне засасывал ноги, почти фатально замедляя движение.

Дойдя до конца мостков, Пендергаст укрылся за полыхающей лодкой. Держась между лодкой и домом, он направился дальше от берега, туда, где глубина позволила бы ему погрузиться под воду. Он шел боком, погружаясь все глубже, прячась за корнями кипарисов, пригибаясь так, что из воды теперь торчала только его голова.

Какое-то движение, бурление воды… Резко повернув голову направо, Пендергаст увидел на миг ноздри и глаза аллигатора, тут же

исчезнувшие под водой. На поверхности появилась рябь – кто-то двигался под водой прямо в его сторону.

Пендергаст оттолкнулся от вязкого илистого дна и размахнулся ногой, почувствовав контакт с рептилией. Аллигатор с ужасающей скоростью вынырнул на поверхность, его глаза вперились в Пендергаста, длинный неровный ряд зубов сверкнул, когда пасть раскрылась пошире, и Пендергаст выстрелил прямо в глотку, так что пуля снесла затылочную часть головы твари. Аллигатор перевернулся на спину и замолотил ногами в безумных смертельных судорогах.

Из дома раздался еще один выстрел, подняв брызги слева от Пендергаста.

Он погрузился в воду и со всей возможной скоростью двинулся вперед почти ползком, задержав дыхание, с открытыми глазами. Еще одна пуля вонзилась в воду рядом с ним и оставила за собой след из пузырьков. Пендергаст укрылся за кипарисами. На расстоянии в двести ярдов из дома не открывался прямой вид на мостки, но барахтанье Пендергаста наверняка было услышано, и то, что пуля не попала в него, можно было назвать чистым везением. Ему теперь оставалось только двигаться по прямой, так чтобы между ним и домом находились деревья, и увеличивать расстояние между ним и стрелком.

Пендергаст повернул голову назад и увидел пару глаз, выглядывающих из коричневой воды. У конца мостков начался ажиотаж: соплеменники раздирали на части убитого аллигатора.

Вода стала глубже, и вскоре он уже смог свободно плыть, погрузившись целиком. Он достал из кармана пиджака запасной магазин, потом стянул с себя пиджак и взял направление на следующее дерево; набрав полные легкие воздуха, он нырнул и поплыл с максимально возможной скоростью, какую смог развить с открытыми глазами в мутной воде. Расстояние увеличивалось, все больше деревьев оказывалось между ним и домом.

Выстрелы прекратились; он был теперь под защитой деревьев, да и расстояние увеличилось настолько, что стрелок не хотел больше напрасно расходовать патроны. Но когда Пендергаст вынырнул, чтобы набрать воздуха в легкие, он увидел рябь на воде, свидетельствующую о том, что к нему под водой быстро приближается еще один аллигатор. Он взял себя в руки, выставил перед собой пистолет и, почувствовав прикосновение, нажал на спусковой крючок. Отдача от выстрела под водой чуть не вырвала пистолет из его руки, но пуля сделала свое дело: рептилия дернулась в сторону и всплыла на поверхность. Нижняя

челюсть аллигатора была частично оторвана, а потом он перевернулся на спину, погружаясь в воду в облаке крови.

Держась над водой, Пендергаст начал двигаться вокруг острова, огибая его на расстоянии. Вдали язык суши вдавался в болото, образуя что-то вроде лагуны, за которой находилось несколько разрушенных домов. Полуостров зарос карибской сосной, камышом, фикусами-душителями – густыми зарослями, которые и требовались Пендергасту. Он пробирался к береговой косе, едва высовывая голову из воды и поглядывая по сторонам: здесь приходилось опасаться не только аллигаторов, но и флоридских пантер, часто встречающихся в Эверглейдсе. Выстрелы больше не звучали: вероятно, стрелок потерял его.

Пендергаст подполз к илистой насыпи, заросшей мангровыми деревьями, пригибаясь, прошел по кромке воды и добрался до косы. Чтобы его противник продолжал оставаться в неведении, Пендергасту нужно было двигаться. Выйдя из воды, он поспешил по подлеску, пригнувшись и стараясь держаться самых густых зарослей, не производить шума и не тревожить ветки, если только это не было абсолютно необходимо. Время от времени за кипарисами мелькал старый дом. Наконец Пендергаст увидел разрушенные сооружения – металлические сараи на сваях над водой; эллинг из гофрированного металла; заиленный берег, покрытый гниющими емкостями на пятьдесят пять галлонов и брошенное оборудование; две ржавые лебедки, корпус старой деревянной баржи. А еще повсюду на берегу лежали десятки и десятки аллигаторов, собравшихся на солнечных пятнах, сверкая бронированными спинами. Казалось, они спят, но это была всего лишь их охотничья стратегия – постоянно быть начеку и поджидать жертву.

Серебристые глаза Пендергаста оценили обстановку: ряд столбов в воде и ржавые металлические сетки, когда-то служившие инкубационными клетями. Видимо, здесь прежде находилась ферма по разведению аллигаторов. Руины предлагали множество мест для укрытия и засады – идеальная площадка для человека с пистолетом против человека с винтовкой. Пендергаст помедлил у камышовых зарослей, оценивая обстановку. Если он сумеет добраться до сараев, то сможет изменить правила. Все зависело от того, на самом ли деле стрелок потерял его. Или просто выжидает.

Пендергаст вышел из укрытия, игнорируя боль в раненой ноге, и побежал по открытому пространству к ближайшему сараю. Мгновенно из одного из разрушенных сооружений впереди последовали выстрелы. Пендергаст тут же упал, слыша, как вокруг него пули ударяются в землю. Под свист пуль он лихорадочно пополз назад в заиленную щель, потом перебрался к насыпи и соскользнул в воду, перед этим замерев на

мгновение, чтобы на скорую руку выстрелить в темную пасть сарая, откуда летели пули.

Стрелок не потерял его. Напротив, он предвидел шаги Пендергаста и переместился из своего снайперского гнезда в засаду на старой ферме аллигаторов.

Используя насыпь как защиту, Пендергаст добрался по воде до изгиба берега, где лежал упавший кипарис. Выше и за ним должен был находиться сарай, из которого летели пули. С крайней осторожностью Пендергаст приподнял голову над папоротниками. Увидел движение между сараями, промелькнувшую фигуру перебегающего человека. Он поднял пистолет, но стрельба с такого расстояния могла только выдать его местонахождение. Человек перебегал к центральному из разрушенных сараев, явно намереваясь не допустить Пендергаста ни в какую часть этой зоны. Он определенно знал географию острова. И все его тактические движения до этого момента свидетельствовали о том, что у него за спиной военный или полицейский опыт. Как и у Джона Вэнса.

Пендергаст не видел возможности продвинуться вперед со своей выгодной позиции. Единственное, что ему оставалось, – вернуться в воду, используя упавший кипарис как прикрытие, и сделать еще больший круг в поисках другого подхода. Теперь он имел представление о возможностях своего противника и понимал, что его шансы не предпочтительны. Стрелок знал, что Пендергаст придет к нему, знал, что время на его стороне. Пока оставалась вероятность, пусть и самая крохотная, что Колдмун еще жив, нужно разобраться со стрелком, а потом вернуться к яме. Человек с винтовкой знал это не хуже Пендергаста.

Осторожно, дюйм за дюймом Пендергаст пробирался вдоль упавшего дерева, стараясь не поднимать рябь на гладкой поверхности воды. Добравшись до конца ствола, он огляделся.

Единственный способ определить нынешнее местонахождение стрелка – это вынудить его стрелять. Иначе говоря, показать себя. Пендергаст был теперь уверен, что человек ведет огонь из «Винчестера-94» калибра.30–30 с оптическим прицелом. Вполне действенная охотничья винтовка, но ни в коем случае не тактическое боевое оружие.

Продолжая двигаться в воде с ее аллигаторами и водными змеями, он добрался до особенно густых зарослей деревьев. Используя их как прикрытие, он пополз по дну, стараясь держать голову под водой как можно дольше, и подобрался поближе к полуразрушенным

сооружениям. Подводные столбы с натянутой между ними сеточной оградой облегчили ему задачу.

Пендергаст сократил расстояние с трехсот ярдов до двухсот, когда прогремел очередной выстрел и пуля расщепила ствол над его головой. Он получил полезную информацию: стало ясно, что его противник поменял место, переместился в главный сарай над водой и теперь стреляет в него из темноты через проем открытой двери.

Пробираясь вперед с крайней осторожностью, он сократил расстояние еще на пятьдесят ярдов. Раздвижные двери сарая были открыты наполовину. Пендергаст не видел, где там, в этом колодце тьмы, расположился стрелок, и мог его обнаружить, только спровоцировав выстрел, чтобы заметить дульную вспышку. Но и тогда объект находился слишком далеко для эффективного выстрела из пистолета. Пендергасту нужно было подобраться на пятьдесят футов, чтобы произвести достаточно прицельный выстрел. Вот только выходить с пистолетом против винчестера на таком расстоянии означало верную смерть.

Логика ситуации была обескураживающе простой: он не мог покинуть остров, пока существовала вероятность того, что Колдмун жив. Но даже если бы он попытался уплыть в болото, можно было не сомневаться, что у стрелка где-то в эллинге или в одном из ближайших сараев припрятана другая лодка, на которой противник быстро догонит его. К тому же велики шансы, что аллигаторы доберутся до него раньше пули. У Пендергаста не оставалось иного выбора, кроме как прикончить стрелка. Здесь и сейчас.

Из тьмы за раздвижными дверями вылетело что-то и через секунду-другую упало в воду. Поначалу Пендергаст не понял, что это. Но аллигаторы на берегу сообразили раньше, чем он. В мгновение ока они оказались в воде, вода вокруг того места, куда упало то, что вылетело из двери, забурлила, аллигаторы бились и дрались, хлестали хвостами и щелкали челюстями.

Они сражались за кусок мяса.

Из двери вылетел еще один кусок, упал в воду, подняв брызги, и вызвал еще одно пищевое безумие – в воду бросились новые рептилии. Когда прилетел третий кусок, Пендергаст выстрелил в темноту сарая, но только вызвал этим ответный огонь. Он нырнул за другой массивный ствол кипариса.

Теперь стратегия изменилась. В воде находилось не менее сотни животных. Куски мяса были сожраны, и рептилии расползались; они вышли из своего ступора и почувствовали голод. Рябь и бурление на

поверхности воды говорили о движении под водой. Часть ряби направлялась в сторону Пендергаста. Он зашел за массу корней, заканчивающуюся перекрученным сучковатым стволом, и присел там, надеясь, что голодные твари не заметят его или кровь, сочащуюся из его раны. Если бы он попытался бежать от надвигающейся стаи, то его движение по воде только привлекло бы их.

Пендергаст вытащил пустой магазин и вставил полный. Затем прижался к стволу, просунув ноги в сплетение корней, и замер. Он видел смазанные очертания аллигаторов, которые двигались туда-сюда, словно гигантские угри. Появилась голова – одни ноздри и глаза, потом еще одна, и вскоре они были уже повсюду, жадно оглядываясь.

Прижавшись к стволу и замерев, Пендергаст остро чувствовал и стрелка чуть поодаль, и аллигаторов вокруг.

46

Пендергаст увидел бурление воды и почувствовал, как тварь проплыла мимо его ног, буквально за секунду до атаки. Он ухватился за узел в плетении корней и вытащил себя наверх в тот момент, когда аллигатор выпрыгнул из воды. Рептилии удалось ухватить носок его туфли, но держаться твари было не на чем, и она соскользнула в воду. Подпрыгнул другой аллигатор, его зубы щелкнули, как стальной капкан. Пендергаст поднялся еще выше над водой, пытаясь избежать щелкающих челюстей и одновременно укрываясь за стволом. Выпрыгнул еще один аллигатор, и Пендергаст выстрелил ему прямо в горло. Тот свалился на спину, забился в судорогах со все еще открытыми глазами, черная кровь хлынула в темную воду. Под ним забурлила вода, когда новые аллигаторы стали проталкиваться в атакующее положение. Если он поднимется еще выше, то его увидит стрелок, но, оставаясь внизу, он станет жертвой аллигаторов. Пендергаст застрелил еще одного, который выпрыгнул из воды, чтобы ухватить его за ногу, потом еще одного: неизбежная потеря боеприпаса, как и проигрышная стратегия, поскольку убитые животные только увеличивали пищевое безумие. Бешеное бурление распространялось все дальше, живые аллигаторы вгрызались в умирающих, выдирали из них в воде внутренности и части тела. Пендергаст из последних сил цеплялся за клубок корней и понимал, что всех аллигаторов ему не перестрелять. Он не мог подняться выше и не мог спуститься.

Обдумывая ситуацию, он услышал громкий рев и безошибочно определил звук заводящегося двигателя аэролодки. Пендергаст выглянул из-за ствола: лодка появилась из темноты дальнего сарая, за штурвалом стоял человек. Она двигалась, огибая деревья, и он

выстрелил в нее один раз, хотя лодка находилась за пределами прицельной стрельбы и быстро перемещалась.

Пендергаст попытался спрятаться за другой стороной ствола, но аллигатор вцепился в его покусанную туфлю и чуть не сорвал ее. Лодка описала круг и стала приближаться. Пендергаст оказался совершенно беззащитным, не в силах двигаться, не в состоянии укрыться.

Лодка сбросила скорость и остановилась на расстоянии в две сотни футов на чистом пространстве воды. Пилот оставался в тени.

Хотя пилот был вне пределов досягаемости, Пендергаст тщательно прицелился и нажал на спусковой крючок. Фонтанчик воды вспорхнул в десяти ярдах от лодки, даже не задев ее.

– Агент Пендергаст! – донесся до него голос над гладью воды. – Вы только расходуете патроны и привлекаете больше аллигаторов.

К своему огромному удивлению, Пендергаст узнал голос коммандера Гроува, координатора по внешним связям полиции Майами.

– Пистолетик, из которого вы стреляете, неплох, однако чудес ему не сотворить. – Гроув сделал паузу. – Но в любом случае продолжайте. Прицельтесь получше.

Он распростер руки, отведя винтовку в сторону.

Пендергаст прицелился в двигатель лодки и сделал два последних выстрела, разнеся их во времени настолько, чтобы можно было сделать коррекцию на втором. Фонтанчик воды в дюжине футов справа, второй – гораздо ближе, в трех футах. Но недостаточно. Пендергаст нажал на спусковой крючок еще раз, но курок ударил по пустой камере, чего и следовало ожидать.

– Впечатляющая точность при данных обстоятельствах. И все же вы оптимист, а в этом сумасшедшем мире оптимисты умирают. – Двигатель взревел, и аэролодка приблизилась к Пендергасту. – В оптический прицел я видел, что вы потеряли свой второй пистолет, и, по-видимому, третьего магазина у вас нет. Эти магазины на семь патронов тяжелы, и я ни разу не слышал, чтобы агенты ФБР брали с собой больше одного запасного. Я что хочу сказать: если вы не можете сделать дело за пятнадцать патронов, это весьма печально. Какой агент возьмет еще и третий магазин? – Гроув рассмеялся.

Пока он говорил, Пендергаст складывал недостающие – по-настоящему недостающие – части пазла. Картинка, которая получилась, была

воистину удручающей. Он коротко взвесил имеющиеся у него варианты. Либо нырнуть в море аллигаторов, либо ждать, когда тебя пристрелят. Вода все еще кишела взбесившимися рептилиями, одна из них подпрыгнула к нему, и Пендергаст шмякнул ее по морде рукоятью пустого пистолета. Ни нужды, ни возможности оставаться под укрытием ствола больше не было.

– Держите руки подальше от тела и так, чтобы я их все время видел, – отрывисто приказал Гроув.

Аэролодка подошла ближе. Гроув одной рукой крутил штурвал, в другой держал винтовку наготове.

– Вы, фэбээровские задницы, являетесь сюда, словно манна небесная. Интересно, вы хоть догадываетесь о том, что происходит на самом деле?

– Теперь догадываюсь, – сказал Пендергаст.

Гроув остановил лодку в двадцати футах и заглушил двигатель, потом взял винтовку в обе руки и навел ее на Пендергаста.

– Интересно, а вы понимаете ли? – добавил Пендергаст.

Гроув рассмеялся:

– Я-то разобрался на девяносто процентов. С вашей и Колдмуна помощью. Как бы то ни было, когда вас обоих не будет, у меня появится время собрать все воедино и прояснить темные места. Если, конечно, вы не захотите дать мне несколько наводок. Ну, чтобы помочь мне выпутаться.

– Я бы предпочел, чтобы сначала вы удовлетворили мое любопытство, – сказал Пендергаст. – Полагаю, это вы сфальсифицировали дело Вэнса, чтобы заманить нас сюда?

Верхняя губа Гроува самодовольно дернулась.

– Вы должны дать мне медаль за то, что я выяснил, что именно Джон Вэнс привел все это в движение. Уже со второй записки на могиле я начал задавать себе вопросы. Разумеется, в качестве ответственного за внешние связи мне было совсем не трудно влезть в дело, которое ведет ФБР, чтобы лично отслеживать ситуацию. А после третьей записки я понял, что это никакое не совпадение. Когда я произвел кое-какие раскопки и узнал, что Вэнс мертв – погиб в автокатастрофе, меня это сильно удивило. Но я быстро сообразил, что есть лишь один возможный вариант. – Он покачал головой. – Кто бы мог подумать, что такой

жалкий цуцик, как этот маленький панк Вэнс, вырастет и станет серийным убийцей?

– Поскольку Джон Вэнс был мертв, вы изъяли из дела свидетельство о его смерти. И добавили выдуманную вами беседу с ним, которая привела нас напрямик в Кейнпатч, где вы нас уже поджидали.

– Чертовски быстрая работа, правда? Пришлось убрать из дела все, что касалось его сына, чтобы не вызвать у вас подозрения, и добавить несуществующий допрос двухлетней давности. Я прекрасно понимал, что вы захотите поговорить с Вэнсом.

– А он бы захотел поговорить с вами. Ведь в конечном счете это вы убили его жену. Верно?

– Вы умнее среднего медведя. Но чтобы вы знали: это был несчастный случай.

– Вероятно, у вас с ней был роман. Муж возвращался из командировки, она угрожала, что признается ему, и вы ее убили, чтобы заткнуть ей рот и не испортить себе карьеру. А будучи полицейским, вы знали, как выдать убийство за самоубийство.

– Я же сказал, это был несчастный случай!

– Ну конечно. Будучи самопровозглашенным бывшим детективом убойного отдела, вы наверняка слышали такие слова много раз. – Голос Пендергаста внезапно превратился в истерический визг. – «Это был просто несчастный случай!»

Довольная ухмылка сошла с лица Гроува.

– Пошел ты в жопу…

– Но муж Лидии, будучи бывшим военным полицейским, заподозрил убийство. Никаких улик у него не было, он просто знал. Он не смог убедить в этом полицию Майами, несомненно благодаря вашим закулисным манипуляциям со следствием. Например, подменой потенциально опасной рентгенограммы на другую, взятую из дела реальной самоубийцы.

Гроув злобно уставился на него.

– Но вы поступили умно, оставив в деле факты давления Вэнса на полицию – настоящего преследования полиции человеком, убежденным, что его жену убили. Это добавляло правдоподобия.

– Я рад, что вы приходите в себя. Как бы то ни было, Вэнса давно нет. Когда я устраню вас и Колдмуна, останется только мистер Брокенхартс. Закончив здесь, я окажу миру услугу и подпалю ему задницу.

– Как это мило с вашей стороны, если вспомнить, что вы-то его и создали.

– Вранье!

– Едва ли. Вы несете ответственность за всю эту цепочку убийств. Собственно говоря, вы все время были primum mobile[51]. Единственное отличие в том, что теперь вы это знаете. Сколько убийств в сумме вы можете сложить к своему порогу? Давайте подведем итог: Лидия Вэнс, Джасмин Ориол, Лори Уинтерс, Мэри Адлер, Элиза Бакстер, Агата Флейли… и это не считая женщин, убитых Брокенхартсом: Фелиция Монтера, Дженни…

– Я повторяю еще раз: никакой моей ответственности в этом деле нет. Лидия собиралась растрепать о наших отношениях, а я просто пытался вразумить ее, но дело дошло до драки и… в общем…

И опять изо рта Пендергаста вырвался плаксивый визг:

– «Я просто пытался вразумить ее, но дело дошло до драки и… в общем…»

– Заткни свой вонючий рот!

– Несмотря на все ваши трусливые рациональные объяснения, эти убийства – прямые последствия ваших действий, коммандер, и вам не обмануть самого себя, отрицая это. Девять жестоких, никчемных, бесчувственных убийств.

– Хватит, я наслушался!

Гроув поднял винтовку и прицелился. Пендергаст с отстраненной обреченностью увидел, как палец медленно начинает нажимать спусковой крючок. Сосредоточившись, он приготовился прыгнуть в кишащую аллигаторами воду, понимая, что этот жест будет бесполезным.

И все же любой жест лучше, чем отсутствие такового.

47

Приготовившись к последнему прыжку, Пендергаст вдруг услышал со стороны лодки какой-то чавкающий звук.

Гроув уткнулся головой в грудь, словно его ударили по затылку. Винтовка в его руках дернулась и выстрелила, пуля прошла мимо. На лице Гроува появилось чистое изумление. Он сделал почти балетный пируэт, повернувшись всем телом, и стало видно топорище, лезвие которого целиком ушло в основание черепа. Несколько мгновений он оставался неподвижным, а потом упал в воду головой вниз.

Падение тела Гроува и внезапное пополнение воды новой кровью и мозгами вызвало новое безумное бурление. Сплелись в клубок с десяток аллигаторов, их челюсти щелкали, хвосты хлестали, они окружили мертвое тело со всех сторон и рвали его.

И тут Пендергаст увидел потрепанный каяк, выскользнувший из-за аэролодки. В каяке сидел молодой человек, подтянутый, мускулистый, с коротко стриженными волосами и ухмылкой, которая словно навсегда прилепилась к его иссеченному шрамами кривоватому лицу. На нем была футболка с надписью «ПОТОМУ ЧТО ОНО ГОРЬКОЕ»[52]. Он поднял руку в робком приветствии, между зубами показался очень красный язык.

– Агент Пендергаст? Это я.

– Мистер Брокенхартс, – сказал Пендергаст.

Он наблюдал за тем, как молодой человек, слегка дрожа, перебрался на аэролодку с работающим вхолостую мотором и провел ее через скопление аллигаторов к корням, на которых держался Пендергаст. Агент ФБР шагнул на борт. Молодой человек сплюнул в воду, где рвала тело, крутилась, щелкала зубами стая аллигаторов. В одной руке у него был длинный кухонный нож с зачерненным и острым как бритва лезвием.

– Значит, это и есть человек, который убил мою мать. Я должен был догадаться, что это сделал коп. Я следил за вами с того времени, как увидел вас по телевизору…

– Я знаю, – оборвал его Пендергаст, садясь за штурвал. – Мы поговорим об этом позже. А сейчас нам нужно поторопиться.

– Нет-нет, я не могу оставить Арчи.

– У нас нет времени.

Пальцы крепче сжали рукоятку ножа, костяшки пальцев побелели.

– Но Арчи… не оставлять же его этим аллигаторам!..

Пендергаст повернул голову и вперился в молодого человека взглядом:

– Остановив этого человека, вы спасли жизнь. Мою жизнь. Теперь у вас есть возможность спасти вторую жизнь. Мой напарник находится на этом острове. Он ранен. Мы должны добраться до него.

Молодой человек уставился на него широко раскрытыми глазами в обрамлении красных век:

– Мне все равно. Моя мать мертва. Ничто и никто из них не вернет ее. «Сотнями рук машет смерть, подбираясь по тысяче тропок»[53].

– Не ищите убежища в литературе. Это трусость, а вы не трус. Мы живем в реальном мире, где люди живут, мучаются и умирают.

– Да. И единственный ответ – насилие.

– И что, насилие помогло вам? Вы уже обрели искупление? Чувствуете себя исцеленным? – Он добавил вполголоса: – Верьте мне, я знаю, что такое насилие.

Искалеченное лицо Брокенхартса перекосилось от эмоций.

– Разве насилие вернуло вам мать, сколько бы попыток вернуть ее ни предпринимал ваш отец? А что насилие сделало с вами? Да, насилие – это ответ, но *последний* ответ.

С губ Брокенхартса сорвался вопль отчаяния.

– Подумайте о боли, которую вы принесли другим через насилие. Ощутите эту потерю – этот ужас и скорбь. Вот в чем начало искупления. – Пендергаст понизил голос. – Я чувствовал, что вы наблюдаете за мной. По крайней мере, надеялся на это. И теперь мы стоим лицом к лицу. Остальное вам решать. – Он протянул руку. – Сначала нож.

Несколько мгновений молодой человек оставался недвижим. Потом он протянул руку с ножом, и Пендергаст осторожно забрал у него клинок. Спрятав его в карман, Пендергаст повернулся и немедленно нажал на газ. Аэролодка, взревев, рванулась с места, Пендергаст направил ее по каналу к месту высадки и остановился, когда нос лодки глубоко вонзился в илистый берег. Пендергаст выпрыгнул на землю и побежал, продираясь через подлесок, в сторону провала. Еще через шестьдесят секунд он оказался у ямы и увидел внизу Колдмуна: тот слабой рукой держался за торчащий корень, сознание его мутилось, голова то и дело погружалась под воду. Несколько возбужденных водяных змей плавали вокруг него во взбаламученной воде с примесью крови.

– Держитесь!

Пендергаст ухватился за корень, качнувшись, перенес свое тело в яму и стал спускаться, цепляясь за корни и перебирая руками со всей скоростью, на какую был способен. Добравшись до дна, он прыгнул в воду, не обращая внимания на змей, и в два гребка добрался до Колдмуна. Обхватил его за грудь, поднял его голову над водой и с силой оттолкнулся к стенке ямы. Посмотрев наверх, он увидел над краем ямы лицо мистера Брокенхартса, бесстрастно смотревшего вниз.

Ухватившись за корень, Пендергаст покрепче прижал к себе Колдмуна и начал поднимать его по скользкому земляному склону, находя для каждого следующего рывка вверх опору для руки и ног. Еще шаг, еще подтягивание, еще перехваченный корень.

– Дайте мне руку, – выдохнул он.

Мистер Брокенхартс смотрел вниз, и на его лице было написано сомнение. Он посмотрел в одну сторону, в другую, словно решая, не убежать ли ему. Аэролодка стояла у мостков. Идеальная возможность для бегства.

– Вы можете убежать, – сказал Пендергаст, видя, что происходит с Брокенхартсом. – Но вы не убежите… по крайней мере, не убежите, если искренне хотите искупления.

Брокенхартс протянул вниз руки, ухватил Колдмуна одной рукой, другую подал Пендергасту и помог обоим выбраться из ямы. Колдмун, потеряв сознание, упал на спину среди поломанных папоротников. Пендергаст прощупал его пульс, проверил дыхательные пути, быстро осмотрел. Его напарник был ранен, возможно, несколько раз укушен змеей, испытывал трудности с дыханием из-за воды в легких. Пендергаст уложил его на бок, ударил по спине и сильно встряхнул. Колдмун закашлялся, изо рта у него потекла вода с кровью, он громко захрипел. Пендергаст предположил, что у него как минимум пробито легкое.

– Помогите мне донести его до лодки.

С помощью Брокенхартса Пендергаст приподнял и потащил напарника. Наконец он уложил его на заднее сиденье, накрыл куском брезента из лодки. Потом сел за штурвал и завел двигатель.

– Подтолкните нас.

Брокенхартс вытолкнул лодку с ила, запрыгнул в нее и нашел себе место на носу. Пендергаст заложил крутой поворот и на высокой скорости

направил лодку к Парадайз-Лэндинг, петляя между стволами деревьев в высокой траве и оставляя позади широкий кильватерный след. Он смотрел в оба глаза, чтобы не напороться на подводные мангровые корни.

Причалив к мосткам, он выпрыгнул на берег и подбежал к «мустангу», распахнул дверь, схватил рацию и передал сообщение «агент ранен», сообщив координаты. Потом вернулся к лодке и склонился над Колдмуном, чтобы осмотреть его более тщательно. Тот был едва жив, сердце билось часто и слабо, но все же он дышал. Рана кровоточила, но не сильно, – вероятно, кровотечение было в основном внутренним. Лучше было не тревожить его больше, оставить в покое, пока не появятся парамедики.

– Могу я… еще чем-нибудь помочь? – спросил Брокенхартс.

– Да. – Пендергаст отстегнул наручники от пояса Колдмуна и кинул их Брокенхартсу. – Наденьте их. Вы арестованы.

Парень повозился некоторое время, прежде чем сообразил, как защелкнуть наручники у себя на запястьях.

– Мне жаль, – неожиданно заговорил он. – Я знаю, вы все понимаете. Вы сказали об этом в телепрограмме, когда объяснили людям, что я не монстр. Но даже вы не в силах измерить глубину моей скорби. Я имею в виду ваши недавние слова о насилии, об искуплении… – Неожиданный поток слов на миг пресекся. – Я не могу выразить мою скорбь словами. Я пытался, но не могу. Стивен Крейн смог. Я бы прочел вам…

– Позже, – тихо сказал Пендергаст.

Он подоткнул брезент под Колдмуна, и в этот момент оба услышали из-за деревьев слабый звук приближающегося вертолета.

48

Пендергаст проводил взглядом медицинский эвакуационный вертолет, поднявшийся в воздух над Парадайз-Лэндинг, чтобы доставить его напарника, так и не пришедшего в сознание, в больницу Университета Майами. Вертолет улетал, а остальная кавалерия была еще в пути, но ожидалась с минуты на минуту. Временная тишина опустилась на ветхие мостки, когда Пендергаст увел Брокенхартса в «мустанг» и усадил его на заднее сиденье. Молодой человек спросил, можно ли взять кое-что из его автомобиля, который стоял, спрятанный в зарослях, у обочины грунтовой дороги. «Кое-что» оказалось томиком стихов. Брокенхартс вернулся на заднее сиденье, бормоча что-то себе под нос, покачиваясь

взад-вперед и сжимая книгу в закованных руках. Пендергаст узнал в бормотании стихи.

В пустыне

Я встретил человека – нагого, дикого…

Пендергаст сел за руль, включил подсветку приборной панели, завел машину, с ревом сделал разворот, выкинув фонтаны земли из-под колес, набрал скорость на пыльной дороге и включил сирену. Выехав на асфальт, он нажал педаль до упора, и «шелби» помчался со скоростью больше ста миль в час. Он несся по дороге, и заросли по обеим сторонам сливались в две зеленые стены.

Сидя на корточках,

Он держал в руках свое сердце

И грыз его.

Вдали Пендергаст увидел проблесковые маячки, спешащие ему навстречу, – группа быстрого реагирования полиции Майами мчалась в Кейнпатч, чтобы собрать улики и извлечь из воды то, что осталось от тела коммандера Гроува… если что-то осталось. Пендергаст связался с ними по рации, когда они пролетали мимо: патрульные машины, фургоны криминалистов, звук сирены с уменьшающейся по Доплеру частотой, когда машины стали удаляться.

Через десять минут заверещала рация, и он включил прием. Диспетчер сообщил ему, что Колдмун в больнице университета, его везут в операционную. Состояние критическое.

Я спросил: «Вкусное ли оно, друг?»

Дорога влилась в шоссе Тамайами, мимо Пендергаста промчались другие полицейские машины. «Шелби» шел теперь со скоростью сто двадцать миль в час, серебристые глаза Пендергаста смотрели далеко вперед, все мысли сосредоточились на скорости и длинной прямой дороге. Мистер Брокенхартс на заднем сиденье продолжал свою монотонную декламацию.

«Оно горькое, горькое!» – ответил человек.

Рация зашипела снова, он включил прием:

– Пендергаст слушает.

– Лейтенант Сандовал. Правильно ли я понял, что вы везете Брокенхартса?

– Да.

– Мы на связи с ФБР. Вы должны привезти его прямо в штаб-квартиру Бюро.

– Понятно. А Колдмун?

– В операционной. Мне жаль, но они сомневаются, что смогут его спасти. Этот сукин сын Гроув… Невозможно поверить…

Пендергаст отключился и еще сильнее нажал педаль газа. Стрелка спидометра подобралась к ста тридцати.

Он пронесся мимо ряда придорожных сооружений, сирена «шелби» завывала, машины по обеим сторонам расступались, уступая дорогу. Брокенхартс на заднем сиденье медленно покачивался и бормотал. Они уже приближались к западной окраине, где дорожное движение стало более интенсивным. Пендергаст сбросил скорость до ста, потом до девяноста. Он пересек границу Эверглейдса, въехал на окраину Тамайами, потом в Суитуотер, где ему пришлось ползти вместе с напряженным трафиком.

Но мне нравится его грызть,

Потому что оно горькое…

Они с трудом продирались через пробки, пока не оказались на Рейган-Тернпайк, где Пендергаст повернул на север. Еще через двадцать минут он выехал на федеральную трассу 75, которая и привела его в штаб-квартиру ФБР. Он проехал в ворота, увидел два седана и фургон и свернул к приемному отделу в задней части здания, где его встретили куча агентов, полицейские, патрульные машины и фургоны. Он остановился, и с полдюжины людей окружили машину, открыли двери, вывели Брокенхартса, который покорно подчинился.

Подошел Сандовал, пожал Пендергасту руку, помог выйти из машины. Агенты, обслуживающий персонал, высшие офицеры полиции – все были здесь. Брокенхартс стоял под нещадными лучами солнца, сжимая в руках книгу и склонив голову.

– Агент Пендергаст, разрешите вас поздравить, – сказал лейтенант Сандовал.

К наручникам Брокенхартса добавились наножники.

– Позвольте спросить, кто он, черт побери? Какова его настоящая фамилия?

– Его фамилия Вэнс. – Пендергаст огляделся. – Добудьте мне вертолет до университетской больницы.

Агенты вокруг него выкрикивали приказы, жестикулировали. Брокенхартса уводили, теперь еще и в цепях. Проходя мимо Пендергаста, он посмотрел на него и произнес последнюю строку:

…И потому что это мое сердце.

Вертолет ФБР доставил Пендергаста от штаб-квартиры на посадочную площадку на крыше больницы, где его встретили другие агенты из местного отделения и несколько полицейских детективов. Не тратя время на разговоры, он со всей возможной скоростью, какую позволяла раненая нога, пробежал мимо агентов в здание, минуя лифт и прыгая через две ступеньки, пока не добрался до главного хирургического отделения. Он оказался в небольшой комнате ожидания возле хирургического отсека, охраняемой двумя агентами ФБР.

– Колдмун, – произнес он. – Как его дела?

– Мы позовем доктора, агент Пендергаст.

Пендергаст кивнул и принялся ходить по небольшой приемной, где слышен был только тихий шелест его шагов по линолеуму.

Наконец появилась доктор, все еще в халате с пятнами крови.

– Мистер Пендергаст? Я доктор Уэберн. – Она не предложила ему руку.

– Доктор, как он?

Она помедлила.

– Он крепкий парень. Но он в крайне критическом состоянии.

– Его шансы?

– Я бы не хотела строить домыслы. Пуля прошла через легкие и расширилась в довольно крупную торакальную рану. Он потерял много крови, и его состояние ухудшили змеиные укусы, поскольку яд провоцирует нарушение свертываемости. Удивительно, что он вообще выжил. Но с ним работает команда из восьми хирургов и четырнадцати человек вспомогательного персонала, и поверьте мне, они из лучших в мире.

Пендергаст молча кивнул.

– Вам пригласить адвоката или священника?

– Нет, спасибо.

Она нахмурилась:

– А вы сами как, агент Пендергаст? Будете ждать здесь? У вас нога кровоточит.

– Со мной все будет в порядке.

– Тогда вы меня извините, но я должна вернуться в операционную.

– Да, конечно.

Доктор улыбнулась ему едва заметно, надела маску, повернулась и исчезла в операционном блоке.

49

Всего семьдесят два часа понадобилось медсестрам, чтобы невыносимо устать от него.

Колдмун пришел в себя в послеоперационной палате. Поначалу он думал, что все еще спит в каком-то кошмаре зеленых стен, ярких потолков и существ в масках, бродящих вокруг. Потом он снова заснул. Проснувшись в следующий раз, он понял, что это никакой не сон и что он находится в палате отделения интенсивной терапии. Приходили доктора, смотрели на него, потом вполголоса консультировались с коллегами; медсестры проверяли его жизненные показатели, засовывали иглу в инжекционное отверстие его внутривенного зонда. Потом он снова заснул. Тихое бибиканье, гудение и пришептывание приборов заполняло тишину. Это длилось, кажется, целую вечность: сон и пробуждение, сон и пробуждение; но потом он понял, что прошло не больше двадцати четырех часов.

Наконец он проснулся в отдельной послеоперационной палате. Ему хотелось есть и пить, и он впервые ощутил боль. Его покормили – с грехом пополам, потом снова пришли доктора. Его заверили, что он выживет. Позднее они объяснили, что ему очень повезло, с учетом калибра оружия и расположения раны. К этому времени минуло уже два дня, и он пришел в себя настолько, что стал просить кофе. Его сводили с ума. Давали только декофеинированную дрянь. Хуже того, он не мог им объяснить, как правильно варить кофе. В комнате отдыха медицинского персонала стояла кофеварка, но когда он уже убедил одну сестру

поставить кофейник на плитку, ее смена закончилась, а пришедшая на дежурство медсестра вылила застоялый кофе и заварила новый. Если Колдмун начинал сетовать, его накачивали успокоительным, и он соскальзывал в сон.

Он смотрел в окно, видел величественные королевские пальмы и ясное небо, какое бывает в начале апреля. Если он и дальше будет выздоравливать с такой скоростью, то не выздоровеет никогда.

Дверь открылась, и вместо медсестры вошли три неясные фигуры. Колдмун повернулся, чтобы разглядеть их получше, и поморщился от боли. Потом он понял, что первый из них – ответственный заместитель директора. Рядом с ним в одном из своих фирменных пастельных платьев стояла доктор Фоше. За ними пристроилась темная тень, точно вписавшаяся в очертания агента Пендергаста. Все они смотрели на него.

Колдмун мучительно сглотнул.

– Давно пора вам появиться.

– Я приходил и раньше, – возразил Пикетт. – Но вы были слишком накачаны болеутоляющими, потому и не помните.

– Меня сегодня впустили в первый раз, – сказала Фоше. – Вы только представьте, меня, доктора!

Пендергаст ничего не сказал. Но Колдмуну казалось, что за последние дни он несколько раз видел Пендергаста – это бледное лицо и черный костюм, нависающий над его кроватью, эти бледные глаза, полные тревоги.

Одна из медсестер, Эстреллита, пришла с чашкой кофе на пластиковом подносе. Она поставила поднос и повернулась, собираясь уходить, но Колдмун запротестовал. Он с трудом достал чашку и сделал глоток тепловатого напитка.

– Слишком свежий, – сказал он, возвращая ей чашку. – Пусть постоит еще несколько часов, тогда принесите.

Сестра посмотрела на него с выражением, которое ему хотелось бы считать притворным раздражением. Потом она обратилась к Пикетту:

– Если вы можете сделать что-то, чтобы ускорить его выписку, вам воздастся.

Когда она вышла, Пикетт подошел поближе и мягко пожал руку Колдмуна:

– Вы сможете запомнить то, что я вам собираюсь сейчас сказать?

– Постараюсь.

– С вами все будет хорошо. Раны залечиваются, вы восстанавливаетесь после шока и кровопотери, и у вас не обнаружено никаких признаков инфекции. Не менее важно, что вы – герой. Вы получите звезду ФБР.

– Правда? – спросил Колдмун.

– Не сомневайтесь.

– Забавно, я не помню за собой ничего героического. Я вообще мало что помню. Мы шли к этому дому-развалюхе, и тут провалилась земля.

– Можно и так сказать, – подал голос Пендергаст.

– Кстати, о героях, – продолжил Пикетт. – Пендергаст спас вам жизнь и привез Брокенхартса. Он должен был бы стоять первым – ведь это он задержал преступника. Мы хотели наградить его медалью за отвагу, но оказалось, что у него уже есть две. Не имеет смысла раздувать его самомнение больше, чем уже есть.

Это что, шутка? По-видимому, нет: Пикетт говорил дружеским тоном и его губы слегка подергивались – вероятно, его лучшая попытка улыбнуться. Колдмун попытался приподняться в кровати, но передумал и вернулся в лежачее положение. Наверное, ему никогда не прогнать эту усталость и не вернуть ясность мысли.

– Так. Кто-нибудь скажет мне, что случилось?

– Подробности могут подождать, – продолжил Пикетт. – Самое главное, что Брокенхартс арестован.

– И кто же он?

На этот раз ответил Пендергаст:

– Рональд Вэнс. Сын Джона Вэнса – человека, побеседовать с которым мы ехали.

– Джон Вэнс – это старик на веранде?

– Нет, это был местный человек, который сдавал аэролодки в аренду, да упокоится он с миром.

– Рональд Вэнс, – повторил Колдмун. – И он там жил? В Кейнпатче?

– Нет, – сказала доктор Фоше. – Там была заброшенная ферма по разведению аллигаторов, когда-то она принадлежала деду и бабке… ну, это не имеет значения. А вот сам Брокенхартс жил в Голден-Глейдс. На Тарпон-Корт.

– Где это?

– Милях в десяти отсюда. Не дом, а уродина. – Она засияла от чувства плохо скрываемой гордости. – Это я нашла его адрес. И дом.

– Неужели вы ездили туда? – спросил Колдмун.

Доктор кивнула.

– И вы вошли туда? В дом Брокенхартса?

– Да нет же, черт побери! Я постучала в обе двери – переднюю и заднюю. Никто не ответил, а поскольку никто из вас не отвечал на телефонные звонки, я повернулась и ушла. Вы думаете, я решилась бы войти в дом серийного убийцы, не имея никого за спиной? Вы считаете меня сумасшедшей?

Вошла еще одна медсестра.

– Мистеру Колдмуну нужно отдохнуть, – заявила она, ни к кому не обращаясь.

– Кофеин, – сказал Колдмун. – Вот что мне нужно.

– Вы уже отказались от прекрасной чашки свежего кофе, дорогой.

Колдмун попытался сердито посмотреть на нее, но без особого успеха. От разговоров у него начинало болеть горло.

– Дайте. Мне. Настоящий. Кофе.

Сестра отрицательно покачала головой:

– Армстронг Колдмун, я вам уже не в первый раз говорю: единственный для вас способ выпить такой кофе – это выйти из больницы и сварить его самому.

Наступила тишина.

– Армстронг? – повторил Пендергаст.

– А что вам не нравится?

– Такое имя дали вам при крещении?

– При крещении или нет, но да, так меня зовут.

За этим последовало новое молчание, и Колдмун понял, что должен нарушить его:

– Мой прапрапрадед убил Кастера. Ну, вернее, помогал его убить. В Лакоте иногда принимают имя убитого врага. И в моей семье с тех пор всегда кто-нибудь носил имя Армстронг[54].

– Мистеру Колдмуну необходимо… – снова начала было медсестра.

Но тут Фоше взяла ее под руку и бережно, но решительно вывела из комнаты, забрасывая вопросами о методике лечения Колдмуна. Трое мужчин наблюдали за тем, как Фоше закрыла дверь с другой стороны.

– Как бы то ни было, – сказал Пикетт, поворачиваясь обратно и распрямляя спину, словно он собрался сделать официальное заявление, – но сейчас подходящее время, чтобы вы узнали: в Вашингтоне открылась вакансия исполнительного заместителя директора отделения Агентства национальной безопасности, и мне предложили это место. То, что дело Брокенхартса было закрыто, сыграло некоторую роль в этом предложении. – Он откашлялся. – Может быть, я требовательный начальник, но я умею отдавать должное. А потому, агент Колдмун, вы должны знать, что в дополнение к звезде ФБР я предпринял бюрократическую процедуру предоставления вам звания «старший специальный агент».

Колдмун не знал, что ответить.

– Спасибо, сэр.

Но Пикетт уже повернулся к Пендергасту:

– Агент Пендергаст. Как я уже упоминал, ваши заслуги в разрешении этого дела велики. Я полагаю, что мог бы повысить вас до звания старшего специального агента с управленческими обязанностями, но сомневаюсь, что вы захотите взять на себя такую нагрузку.

Пендергаст слегка поклонился:

– Верно.

Пикетт посмотрел на часы:

– Прежде чем я уйду, скажите, могу ли я что-нибудь сделать для вас? В профессиональном смысле.

– Вообще-то говоря, можете. Вы помните недавнее соглашение, которое мы заключили в баре на крыше отеля касательно… э-э… методов моей работы?

Лицо Пикетта омрачилось, прежде чем он успел справиться с эмоциями.

– Конечно. И я поговорю с моим преемником в Нью-Йорке, он будет уважать ваши нетрадиционные методы работы, при условии, конечно, что вы сохраните на прежнем уровне процент раскрываемости.

– Приложу для этого все усилия. – Пендергаст кивком подтвердил свою благодарность. – Остается только один вопрос – условия работы. Особенно в том, что касается напарника. – Его лицо, и в лучшие времена бледное, теперь стало мраморным. – Как вы, несомненно, помните, вначале я противился идее работать в паре с агентом Колдмуном. Однако я… – Он вдруг стал удивительно косноязычным. – Следует отметить…

– Мм… еще одно, – прервал его Колдмун. – Как составная часть моего повышения, я хочу сказать.

Двое других уставились на него.

– Я бы предпочел, чтобы вы нашли для меня другого напарника, сэр. На будущее, я имею в виду.

Пикетт вскинул брови.

– Не хотелось бы обидеть агента Пендергаста, но я не уверен, что наши расследовательские методы полностью… э-э… согласуются между собой. – Господи, как же он устал. – Я хочу сказать…

Он махнул обессиленной рукой, показывая на свое распростертое тело.

– Никаких обид, – поспешил сказать Пендергаст, опережая Пикетта. – В конце концов, вряд ли это было бы справедливо, с учетом того, что происходило с другими агентами, работавшими со мной в прошлом. Нынешнее состояние агента Колдмуна говорит само за себя. Я думаю, в Бюро ходят разговоры о том, что работать в паре со мной – дело смертельно опасное. Что я, так сказать, вроде пророка Ионы на корабле ФБР[55]. Слух досадный, но мне трудно его развеять.

Пикетт перевел взгляд с Пендергаста на Колдмуна и обратно, не в силах полностью скрыть подозрение.

– Хорошо, – сказал он. – Если такова ваша официальная просьба, агент Колдмун.

В этот момент в палате снова появилась сестра. Судя по ее лицу, она больше не собиралась шутить.

– А ну-ка, все вон отсюда!

– Да, конечно, – поспешно проговорил Пикетт. – Агент Колдмун, я свяжусь с вами. Поднимайтесь скорее на ноги.

Пендергаст развернулся и последовал за Пикеттом, но в последний момент повернул голову.

– Спасибо, – сказал он, – *Армстронг*.

– За вами должок, – прошептал Колдмун, одолеваемый усталостью. – За всю жизнь не расплатитесь.

50

Роджер Смитбек сидел за столом, бесцельно положив пальцы на клавиатуру. Его отсек был очищен от контейнеров с письмами – они стали теперь бесполезны, ведь Брокенхартс неделю назад был арестован и Майами возвращался к нормальной жизни… точнее сказать, к той норме, согласно которой жил прежде.

Дело, однако, состояло в том, что Смитбеку эти убийства не казались раскрытыми. Нет, он, конечно, слышал объяснения – полиция выложила их прессе в качестве своей официальной позиции (возможно, их позиция и была такой на самом деле), но некоторые вопросы все равно остались без ответа. Да что говорить, у этого пазла отсутствовали целые куски: например, что стало причиной, спусковым крючком всей этой заварухи, почему сердца оставлялись именно на этих могилах… и даже кто конкретно и в чем был виновен. Смитбек, конечно, задавал все эти вопросы, но в полиции уходили от прямого ответа, говорили, что мистер Брокенхартс, он же Рональд Вэнс, очень больной человек, его держат под замком, с ним работают психиатры и психологи и его мотивы в настоящий момент полиция не может раскрыть. То же относилось и к коммандеру Гроуву, который погиб в перестрелке в Эверглейдсе, и, хотя его роль в приведение в действие всей цепочки убийств упоминалась, полиция смыкала ряды, когда речь заходила об одном из них, пусть даже он и был гнилым яблочком, и никто не отвечал на вопросы Смитбека.

Для него это стало плохой новостью. Почти в самом начале он сделал серьезные открытия по этому делу. И теперь весь чертов Майами ждал,

что он сделает и окончательную поставку товара, – а он не мог. Информации у него было не больше, чем у остальных репортеров криминальной хроники. Интерес к письмам всяких психов, которые он получал, сошел на нет. Новостной цикл сменился, и дело Брокенхартса стало перемещаться с первой страницы на последнюю. Раненого агента ФБР, который был в самом пекле расследования, скоро выпишут из больницы. А Краски, его редактор в «Геральд», собирался снова перевести его на полицию нравов. Собственно говоря, Краски позволил ему написать эту последнюю статью про убийства (что-то вроде итогового обзора) только после непрерывных атак со стороны Смитбека.

Он смотрел на то, что написал тридцать минут назад, и был не способен добавить хоть слово.

Пока психологи из полиции Майами и ФБР не смогут завершить свою оценку Брокенхартса, который, как выяснилось, носит имя Рональд Вэнс, мы, возможно, так и не поймем мотивацию этого разгула насилия. Вероятно, мы никогда не узнаем, что хотел «искупить» Вэнс и почему он испытывал столь жгучую потребность делать то, что он делал.

Но нам известно, что отец Рональда, Джон, одиннадцать лет назад взял сына в смертоубийственное путешествие по Восточному побережью. Правда, это открытие вызывает лишь новые вопросы. Почему они пошли по пути убийств? Каковы были отношения внутри этой семейной команды убийц? Почему убийства, закамуфлированные под суициды, прекратились в тот момент, когда они прекратились, и почему сын, Рональд, так долго ждал, прежде чем снова начать убивать? Почему сердца оказались на могилах? В итоге: какова конкретно связь между закамуфлированными самоубийствами одиннадцатилетней давности и нынешними убийствами Брокенхартса? И как именно смерть коммандера полиции Майами Гордона Гроува вписывается в эту картину насилия?

Генри Миллер писал: «Пока мы не согласимся с тем фактом, что сама жизнь основана на тайне, мы ничего не поймем». Возможно, все, что мы можем сделать, – это принять данную трагедию как факт нашей жизни и надеяться, что за нашим принятием придет в конечном счете и понимание.

– Неужели вам действительно необходимо цитировать Генри Миллера? – раздался у него за спиной медоточивый томный голос. – Вы

задаете плохой литературный пример для «Геральд», а в наше время газетам необходима вся помощь, какую только можно получить.

Смитбек обернулся и увидел агента Пендергаста. Тот подошел так беззвучно, что Смитбек не смог бы сказать, как долго он простоял там.

– Господи боже, у меня чуть родимчик из-за вас не случился!

– Я нередко произвожу на людей такое воздействие. – Пендергаст оглядел полупустую редакцию, потом сел, закинул одну облаченную в черное ногу на другую и бесстрастно оглядел журналиста. – Ваш брат к этому времени уже закончил бы статью.

– Вероятно, вы правы. Правда, Билл был не из тех, кто позволяет фактам стоять на пути хорошей истории.

– В каких именно фактах вы не уверены?

Смитбек, чуть прищурившись, посмотрел на агента ФБР. Он не видел Пендергаста недели две. Что у него на уме?

– Вы шутите? Я вообще не понимаю, с чего мне начать. Когда Брокенхартс объяснит, что он тут творил?

– Он уже объяснил все, на что мы можем надеяться. Он признался в совершении трех недавних убийств в Майами, а также в своем участии в старых убийствах/суицидах. И он же убил коммандера Гроува.

– Зачем? Что ему сделал Гроув? – Смитбек замолчал, задумавшись. – Гроув имел какое-то отношение к смерти его матери?

Снова молчание.

– Постойте… Неужели Гроув убил его мать Лидию двенадцать лет назад? Перед самым возвращением его отца из служебной командировки?

Пендергаст только улыбнулся.

– Я понял. Отец собирался разрушить их маленькое любовное гнездышко. Возможно, страсти обострились. Верно?

– Это можно назвать разумным допущением.

– Вэнс догадался, что его жену убили, а убийство закамуфлировали под суицид. Но полиция не соглашалась с ним. Гроув, вероятно, приложил немало сил, чтобы ограничить следствие.

– Продолжайте.

– Итак, почему отец Рональда убил всех этих женщин и выдал случившееся с ними за самоубийства?

– И в самом деле – почему? Что общего между ними?

– Все женщины убиты таким же образом, как Лидия Вэнс, и убийства выданы за суицид повешением в петле.

– Что еще?

– Они все из Флориды.

Пендергаст сложил руки на груди и в ожидании устремил на Смитбека взгляд бледных глаз.

– Копы все же сообщили кое-что про Джона Вэнса: его первая служебная командировка в зону Залива закончилась ранением при взрыве самодельного устройства на обочине дороги. Вот почему во второй командировке его приписали к военной полиции. Когда он вернулся домой и нашел жену мертвой, а копы не обращали на него внимания, он съехал с катушек. Начал убивать женщин из Майами в других частях страны, убивать точно так же, как убили его жену. Сеющее смерть путешествие, в котором его парнишка сидел на пассажирском сиденье.

Неторопливый кивок.

– С какой целью? – спросил Пендергаст.

Смитбек задумчиво почесал щеку:

– Может быть… может быть, он собирался в конечном счете признаться в содеянном, унизить полицию Майами, выставив напоказ ее некомпетентность. Но зачем тогда это треклятое путешествие? Почему не устраивать эти постановки во Флориде?

– Ну, вы уж отдайте ему должное. Может, он и испытывал извращенную мстительную потребность натянуть нос местной полиции, но он не хотел сильно облегчать им жизнь – тут они могли схватить его, прежде чем он закончит начатое.

– Логично. Убийство как очищение. А удовлетворив свое тщеславие, он бы придумал какой-нибудь приятный способ вывалять полицию Майами в грязи за то, что они не увидели закономерностей. Вот только автокатастрофа пресекла его планы.

– Неплохо. За это в журналистском классе вы бы получили удовлетворительно. Но вы не отвечаете на вопросы, которые сами поставили в своей статье: какими были отношения между отцом и сыном?

Смитбек помедлил.

– Копы сказали, что сын, мистер Брокенхартс, признался в последнем убийстве – в Итаке на мосту. Значит, его отец потребовал, чтобы он включился в дело, доказал, что мужчина.

– Вы полагаете, парень хотел сделать это?

Более продолжительная пауза.

– Нет.

– Так размотайте ниточку до конца. Почему убийства прекратились?

– Я же только что сказал: автокатастрофа неделю спустя.

Пендергаст снова посмотрел на него серебристыми глазами.

– Постойте... Вы же не... вы же не хотите сказать, что катастрофа была преднамеренная? Что Рональд не смог это больше выносить и попытался убить их обоих? Но он был слишком юн – даже за рулем не мог сидеть!

Пендергаст ничего не ответил.

– Впрочем, это не важно, он был достаточно взрослым, чтобы в нужный миг протянуть руку, схватиться за баранку и крутануть ее. – Мысли понеслись вскачь в голове у Смитбека. – Его отец погиб в автокатастрофе... *а он остался жив*. Какой бы трагедией ни была смерть его матери, он не хотел убивать невинных женщин. Но он был еще мальчик. Мальчик, пребывавший в смятении, душевнобольной. И падение в машине искалечило его... сильно искалечило.

– Травма головы. И кстати, некролог памяти его отца может показаться вам довольно познавательным. Не тот, который поместили в газете в Скрэнтоне, а тот, что появился в «Орле Большого Питтстона», в местечке, находящемся ближе к месту катастрофы. Это не столько некролог, сколько статья, посвященная катастрофе. Она довольно живописна своим вниманием к деталям. Джон Вэнс умер от удара о рулевое колесо. Его грудная клетка оказалась раздроблена, а вал вонзился в сердце. Сын почти сорок минут оставался с мертвым отцом в помятой машине, пока его не вытащили с помощью «Челюстей жизни»[56].

– Бог ты мой, – сказал Смитбек. Он был потрясен, но соображал по-прежнему быстро. – Его увезли в больницу, а потом в психиатричку до достижения совершеннолетия. Доктора, вероятно, принимали его галлюцинации, если у него случались галлюцинации, за побочный эффект мозговой травмы. Но его все это время мучило то, что он сделал. Отсюда и потребность искупления. Верно?

– Довольно близко к истине. Вы сами опубликовали это письмо: «Их смерть взывает к справедливости. А больше всего – ее смерть… Именно ради нее я обязан выжить. Я должен искупить вину». Я бы сказал, что вы уже повысили свою отметку до «хорошо», мистер Смитбек.

Смитбек едва ли слышал его.

– И все эти годы Гроув думал, что убийство любовницы сошло ему с рук. Он не понимал, что Джон Вэнс, ее муж, потом отправился на большую охоту. Все его жертвы были списаны как самоубийцы. Откуда Гроув мог знать? И теперь, на пороге пенсии и в качестве офицера по внешним связям, его никоим образом не должна была заботить серия новых убийств. Пока он не понял, что новые убийства связаны со старыми, которые, поскольку они были совершены по лекалу его убийства Лидии Вэнс, могут привести к ней, а от нее – к нему.

Агент в подтверждение неторопливо кивнул.

– Это же чистое золото. Можно я сделаю запись и буду цитировать вас?

– Что именно вы собираетесь цитировать? Я ведь только задавал вопросы.

– Мне нужен источник.

– В таком случае вам придется удовлетвориться следующим определением: «источник из правоохранительных органов, пожелавший остаться неизвестным».

– Это я смогу пережить. – Смитбек начал разворачиваться к клавиатуре, но замер. – А почему Брокенхарст считал, что новые убийства могут искупить старые?

– Только Рональд Вэнс может ответить на этот вопрос, однако, возможно, ответ неизвестен и ему. Кто может сказать, что происходило в этом ущербном, измученном мозгу в течение десяти лет пребывания в больницах? Ясно одно: он не хотел, чтобы его новые жертвы страдали больше чем необходимо. Отсюда мгновенные смертельные удары

острым ножом. Его единственный интерес состоял в том, чтобы извлечь… дар.

– Понятно. – Смитбек положил пальцы на клавиатуру, но снова остановился. – Мм… пожалуйста, поймите меня правильно, но… почему вы мне помогаете?

Пендергаст поправил и без того идеальные манжеты рубашки.

– Я из Нового Орлеана, а мы народ суеверный. Ваш брат Билл был моим приятелем. У меня сильное предчувствие, что, если я не помогу вам написать эту историю, его тень начнет тревожить мой покой.

– Ха! Возможно, вы и правы.

Смитбек начал печатать, записывать все, что узнал. Но минуту спустя печать замедлилась.

– Эй! Еще одно. Это не объясняет, как коммандер Гроув сумел выманить вас двоих в…

Но когда он повернулся, то увидел только полупустую редакцию да своих коллег, приникших к мониторам. Пендергаста здесь словно никогда и не было.

Примечания

1

Дом, лавочка *(исп.)*.

2

Английскую кличку Twinkle Toes можно перевести как Шустрые Ножки или Торопыжка.

3

Фамилия со смыслом: Brokenhearts означает «разбитые сердца».

4

На расстоянии *(фр.)*.

5

Образ действия *(лат.)*.

6

«Л. Л. Бин» – название сети супермаркетов.

7

«Артур Мюррей» – сеть танцевальных студий, названных именем американского танцора и бизнесмена.

8

Рукоплещите, комедия закончена! *(лат.)*

9

Дэвид Ливингстон (1813–1873) – шотландский врач и миссионер, исследователь Африки.

10

Я не могу спать *(исп.)*

11

Конгри – кубинская еда, рис с бобами; *тамале* – тесто из кукурузной муки, обернутое кукурузными (или банановыми) листьями, приготовленное на пару́.

12

Оглала – одно из семи лакотских племен. *Тиоспайе* – лакотское слово, в переводе означающее «большая семья» («extended family»).

13

Негодяй *(исп.)*.

14

Найдите того, кто сделал это *(исп.)*.

15

Мишленовский человек, или Бибендум – официальный символ и торговая марка производителя покрышек фирмы «Мишлен».

16

Здесь обыгрывается фамилия Колдмун, в переводе означающая «холодная луна».

17

На языке индейцев лакота это означает «дорога призраков» – так лакота называют Млечный Путь.

18

Макалестер – частный колледж гуманитарных наук в Сент-Поле, штат Миннесота.

19

Города-близнецы – так называют два самых крупных города штата Миннесота: Миннеаполис и Сент-Пол (столица штата).

20

Неистовый Конь – военный вождь племени оглала, входившего в союз семи племен дакота; убит в 1877 году, когда из Кэмп-Шеридана поехал на переговоры с генералом американской армии Джорджем Круком. Марии-Антуанетте приписывают следующие слова, якобы сказанные ею перед казнью: «Я была королевой, вы забрали у меня корону. Я была женой, вы убили моего мужа, я была матерью, но вы лишили меня детей. У меня осталась только моя кровь, возьмите ее, но не заставляйте меня мучиться долго».

21

Вот! *(лат.)*

22

«Цветок нежнейший, схваченный морозом ранним» – строка из трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта», акт IV, сцена 5, в переводе А. Радловой.

23

Из стихотворения Т. С. Элиота «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока».

24

Упомянутый роман Н. Уэста написан в жанре черного юмора, фамилия Лонлихартс переводится как «одинокие сердца».

25

Пендергаст начинает свое возражение с цитаты из «Гамлета»: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

26

В дословном переводе «толстоголовый».

27

Согласно одной из легенд, индейцы лакота пришли в долины и разделились на семь костров совета в соответствии с семью группами родственников.

28

«Рон Джон» – название сети магазинов розничной торговли.

29

Альфред Деймон Рунион (1880–1946) – американский газетчик, автор коротких рассказов.

30

Таракан Арчи и кошка Мехитабель – комические персонажи, созданные американским журналистом и писателем Доном Маркизом.

31

«Империя света» *(фр.)*. Имеется в виду серия картин бельгийского художника-сюрреалиста Рене Магритта с парадоксальными изображениями вечерних городских улиц, освещенных только одним уличным фонарем, под ярким дневным небом.

32

Уэллсли – частный женский колледж свободных искусств близ Бостона, Массачусетс.

33

Название винтажного бордо *(фр.)*.

34

У. Шекспир. Макбет. Акт I, сцена 7. Перевод А. Радловой.

35

К. Марло. Трагическая история доктора Фауста. Перевод Е. Бируковой.

36

Описательное название штата Юта, данное ему первыми поселенцами – мормонами.

37

Сири – персональный голосовой помощник с элементами искусственного интеллекта от Apple.

38

Каджуны – своеобразная субэтническая группа, живущая преимущественно в южной части штата Луизиана; главным образом это потомки французских колонистов.

39

Пальметто – разновидность пальм.

40

«Первая полоса» – американская комедия 1974 года о репортерах криминальной хроники 1920-х годов. Поставлена по роману бывших чикагских репортеров Бена Хекта и Чарльза Макартура. В главных ролях снялись Джек Леммон и Уолтер Маттау.

41

«Ки-Ларго» – остросюжетный фильм-нуар Джона Хьюстона, снятый в 1948 году по мотивам одноименной пьесы Максвелла Андерсона.

42

Курица на гриле *(исп.)*.

43

Имеется в виду компьютерная игра «Grand Theft Auto» (GTA).

44

Имеется в виду одноименная сказка братьев Гримм.

45

Имеется в виду персонаж из «Звёздных Войн».

46

Прерванный акт убийства *(лат.)*. Пендергаст обыгрывает значение устоявшегося термина coitus interruptus – «прерванный половой акт».

47

Вы неподражаемы *(лакотский)*.

48

Спасибо *(лакотский)*.

49

Название Кейнпатч можно перевести как «клочок тростника»; во Флориде находятся плантации сахарного тростника.

50

Кинофильм «Избавление» (1972, режиссер Джон Бурмен), действие которого происходит в глубинке штата Джорджия, известен своими музыкальными сценами (с игрой на банджо) и жестокими сценами насилия.

51

Здесь: первопричина *(лат.)*.

52

Из стихотворения американского поэта Стивена Крейна «В пустыне». Здесь и далее стихотворение цитируется в переводе А. Кудрявицкого.

53

Из трагедии Т. С. Элиота «Смерть в соборе». Перевод В. Торопова.

54

Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) – национальный герой Америки, генерал времен Гражданской войны. Погиб в одном из сражений в ходе войны, которую власти вели с коренным населением.

55

Согласно Библии, пророк Иона ослушался Бога и отправился в путешествие на корабле. Господь за проступок Ионы учинил бурю, но, когда экипаж сбросил Иону в воду, море сразу же успокоилось.

56

«Челюсти жизни» – фирменное название инструмента спасателей, с помощью которого режут металл аварийных автомобилей.